

СЕРИЯ ВЕНДЕТТА #1

НЕМЕЗИДА

СЕРАЈА

Чтобы изменить мою жизнь, потребовалось три пули, но мне хватило одной, чтобы покончить со всем этим.

Самые смертоносные монстры — те, что скрываются в тени.

Те, от кого меньше всего ожидаешь удара.

Виктор Моралес отнял кое-что у меня, и я вернулась, чтобы организовать его убийство.

Все шло по плану, пока мне снова не наняли человека, которого я бросила семь лет назад, чтобы защищать меня.

СЕРАЙА

Немезида

Переведено для ТГ-канала: MadLoveBooks ☐

Для тех, кого постоянно заставляют вписываться в рамки возложенных на них ожиданий и обязанностей. Это нормально — ставить себя на первое место и делать то, что приносит тебе счастье.

ПЛЕЙЛИСТ

- Track 1:** Déjà Vu by James Arthur
- Track 2:** Slowly by JON VINYL
- Track 3:** Face Down by Vedo, OG Parker
- Track 4:** The Beginning by WAR*HALL
- Track 5:** Carry Me by Tayc
- Track 6:** Butter by Devon Culture
- Track 7:** Blood in the Water by Joanna Jones as The Dame
- Track 8:** Belong to You by Sabrina Claudio (ft. 6LACK)
- Track 9:** Bghit W Ga3ma 7assit by Zouhair Bahaoui
- Track 10:** Mount Everest by Labrinth
- Track 11:** Play with Fire by Sam Tinnesz (ft. Yacht Money)
- Track 12:** That's How It Goes by Zoe Wees (ft. 6LACK)
- Track 13:** Hrs & Hrs by Muni Long
- Track 14:** You Put A Spell On Me by Austin Giorgio
- Track 15:** Vigilante Shit by Taylor Swift
- Track 16:** you should see in me in a crown by Billie Eilish
- Track 17:** Waiting Game by BANKS
- Track 18:** Addicted by JON VINYL
- Track 19:** Put On Repeat by Sabrina Claudio
- Track 20:** Love You Like Me by William Singe

СОФИЯ

Я всегда считала увлекательным то, как жизнь может вести тебя по одному пути, а затем повернуть вокруг своей оси, полностью изменив траекторию.

Вот так и я, не успев дожить до своего двадцатого дня рождения, навещала родителей после года учебы за границей, когда моя жизнь полностью изменилась. Осколки от пуль определяли ее дальнейший путь.

Говорят, что существует пять стадий горя. Отрицание, гнев, признание, депрессия и, наконец, принятие. У меня была только одна.

Мечь.

Он лишил меня всего, что у меня было, и я вернусь, чтобы покончить с ним.

Терпение — это добродетель, и я ждала семь лет, чтобы отомстить за их смерть. Обещание крови, хаоса и мести наполняло воздух, плотно обхватывая мое тело, пока я наблюдала за ним издалека.

Щелк.

Щелк.

Щелк.

СОФИЯ

Задыхаясь, я резко проснулся, резко выпрямившись. Ужас застыл в моих жилах, когда я судорожно прижала ладони к той стороне, словно это могло как-то предотвратить то, что произойдет дальше. Но, конечно, это не помогло. Конечный результат никогда не менялся.

Выстрел. За ним последовала пронзительная боль.

Кровь.

Так много чертовой покрывало меня спереди и скапливалось под моим телом, жизнь просачивалась сквозь завесу, отделяющую меня от реальности.

Полная неподвижность сковала мое тело, прежде чем все погрузилось во тьму.

Семь лет.

Восемьдесят четыре месяца.

Две тысячи пятьсот пятьдесят шесть дней.

И все же я по-прежнему отчетливо помню пистолет, приставленный к голове моего отца.

Моя мать *молила* о пощаде, когда пуля раскроила череп моего отца.

Моя мать *умоляла* его пощадить нас.

Но все это не имело значения. Ему, конечно, было наплевать. *Он* просто заткнул ей рот, подарив ей ту же участь, что и моему отцу.

Вы ожидаете, что человек, казнящий вашу семью, будет выглядеть словно злодей из кино, с ухмылкой, украшающей его покрытое шрамами лицо. Но человек, который смотрел мне прямо в глаза, прежде чем нажать на курок, выглядел как самый обычный человек.

Он даже не потрудился скрыть свою личность, потому что не ожидал, что кто-то сможет его пережить.

Мое тело было мокрым от пота, тонкая ткань рубашки прилипла к вздымающейся груди, дыхание было прерывистым. Я спустила ноги с дивана и провела рукой по своим спутанным кудрям.

— Черт, — выдохнула я, позволяя глазам адаптироваться к окружающей обстановке. Мой взгляд блуждал вокруг, тусклый свет от телевизора показывал, что я нахожусь в другой гостиной.

Облегчение нахлынуло на меня, когда я поняла, что нахожусь в своей захудалой квартирке, а не там, где когда-то называла домом.

Он даже испортил для меня слово "дом", потому что теперь, каждый раз, когда я думала о доме, все, что я могла представить, это багровый пол, фрагменты мозга, украшающие семейные фотографии, висящие на стене.

Тряхнув головой от воспоминаний, я потянулась за телефоном и посмотрела на время: 4:00 утра.

Эти кошмары были обычным явлением, и можно подумать, что после семи лет я привыкла к ним, но они не переставали мучить мой разум с той роковой ночи.

Зная, что они не дадут мне покоя, я бросила телефон обратно на журнальный столик и наклонилась вперед, упираясь предплечьями в колени, загоня тревожные образы в самый дальний угол моего сознания, пытаясь выровнять свое учащенное дыхание.

Вдох и выдох.

Вдох и выдох.

Вдох и выдох.

Я продолжала это делать, пока мое сердце не замедлилось, а мышцы не расслабились. Я закрыла глаза, сделав последний глубокий вдох, прежде чем встать с дивана и направиться в ванную в конце коридора. Квартира была погружена в темноту, единственный свет исходил от мерцающего экрана телевизора.

Моя квартира не была чем-то особенным, но ее было достаточно для того, что мне было нужно. Темно-коричневый диван, на котором я спала, стоял в центре гостиной, по всему помещению были расставлены столы с разбросанными на них файлами, на них стояли компьютерные мониторы, которые я использовала для наблюдения.

По столешницам были разбросаны пустые бумажные стаканчики из-под кофе, а белые контейнеры для еды на вынос наполняли комнату запахом еды из забегаловки через дорогу, оставляя после себя ностальгическое ощущение *маминой* стряпни.

Ворча, я зашаркала по коридору и свернула в маленькую ванную, щелкнула выключателем, желтая лампочка над раковиной затрепетала, прежде чем зажужжала. Вздохнув, я оперлась рукой о бортик раковины, включила кран и посмотрела в зеркало. На меня смотрело отражение незнакомца.

Я наблюдала, как он поднимает мои пальцы, чтобы нащупать выступы моих скул, такие острые, что они отбрасывали глубокие тени на впалую кожу.

Мое лицо выглядело измученным. Усталым. Не то чтобы я много спала в последние несколько лет.

Я подставила руки под струю воды и набрала пригоршню воды, нанеся ее на лицо. Оставшимся я прополоскала рот в попытке стереть металлический привкус, который, казалось, оставался, когда я заново переживала эту сцену.

Выключив кран, я повернула ручку душа позади себя, и струя зашипела, прежде чем выровняться. Я подождала, пока поднимется пар, прежде чем шагнуть под воду, надеясь, что обжигающая вода смоет больные мышцы, ранящие мое тело, и все остальное, что прилипло ко мне.

Я хотела, чтобы вода вытеснила гноящиеся кошмары, чтобы на меня снизошел покой, но события той ночи бесконечно повторялись в моей голове. Каждый раз, закрывая глаза, я видела их лица и проклинала себя за то, что не смогла спасти родителей.

Я жалела, что не умерла в ту ночь вместе с ними.

Я пыталась наслаждаться тем, как вода омывает мою кожу, как она каскадом стекает по моим плечам и телу. Я даже пыталась закрыть глаза и глубоко дышать, пытаясь избавиться

от тревоги, забившей мои поры. Но все мои усилия были безрезультатны.

Вместо этого мое дыхание участилось, голова опустилась, когда я оперлась о стену.

Выстрелы. Мольбы. Крики.

Оглушительная тишина.

Я грубо потерла щеки, пытаясь вернуть себя в реальность. Споткнувшись, я прижалась спиной к холодной кафельной стене и сползла, пока не села, поджав колени к груди.

Я откинула голову назад и тяжело вздохнула, вода обжигала меня своим жаром и паром. Я закрыла глаза в знак поражения, злясь на себя за то, что позволила своим эмоциям подняться.

«Только ненадолго», — пообещала я себе.

Вот как долго я буду оплакивать себя. Сколько времени я позволю себе чувствовать потерю.

Я погрузилась еще глубже в ванну и позволила воде струиться по моей коже, сосредоточившись на тепле, которое она давала. Мой рот приоткрылся в приглушенном крике, улавливая вкус моих соленых слез, смешанных с водой, стекающей по моему лицу.

Как только вода остыла, я встала и взяла гель для душа, быстро намылилась, прежде чем выйти. Завернувшись в толстый халат, я взяла таблетки, сунула одну в рот и захлопнула дверцу аптечки.

Я провела рукой по запотевшему зеркалу, давая себе еще одну минуту, прежде чем оставить беспомощность позади и позволить своему гневу отодвинуть рваные края моего горя. Если бы я позволила боли в груди нарастать, я бы утонула в ней.

Мое тело медленно вернулось к единственной эмоции, которая питала меня последние семь лет.

Месть.

Вернувшись в гостиную, я вытащила свой чемодан из-под дивана и переоделась в спортивные штаны, футболку большого размера и пару неподходящих пушистых носков, чтобы согреть ноги. Даже после стольких лет я все еще жила на чемоданах, готовая переехать, если возникнет необходимость.

Я направилась на кухню, чтобы сварить кофе, когда из телевизора донеслось упоминание знакомого имени, заставив меня застыть на месте.

Моралес.

Сердце заколотилось, я вернулась к дивану и потянулась за пультом, лежавшим там, где я спала, затем увеличила громкость.

— Источники подтверждают, что Елена Моралес, жена Виктора Моралеса, генерального директора "Моралес Индастриз", скоропостижно скончалась в результате пожара, который опустошил их летний дом в Адраре, — сказал репортер. — На данный момент власти не обнародовали никакой информации о событиях, связанных с ее смертью. Пока мы ждем дополнительной информации, давайте посмотрим на прямую трансляцию из дома Моралесов.

Пейзаж сменился на загородный дом в английском стиле, а затем камера увеличила изображение черного внедорожника, подъезжающего к дому. Как только он остановился, из дома вышла толпа мужчин в черных костюмах и направилась к машине.

Они забаррикадировали дверь машины, пока один из них открывал ее, позволяя пассажиру выйти. Камера пронеслась мимо них и остановилась на человеке, которого они защищали, и у меня сжалось горло, когда она наконец сфокусировалась на них.

Это действительно он.

Его черные волосы были зачесаны назад, солено-персиковая щетина на небритом лице подчеркивала резкость его черт.

Одно дело — видеть его на фотографиях или когда он преследовал меня во сне, но я никогда не была готова увидеть его в *живую*. Проживая свою жизнь беззаботно, не обращая внимания на жизни, которые он украл.

Репортеры массово бросились к ним, выкрикивая вопросы и пытаясь получить хоть слово от недавно овдовевшего генерального директора, но один из его людей оттолкнул камеры, когда они направились к входной двери.

Другой мужчина, вероятно, его адвокат, остался позади и повернулся лицом к камерам.

— Мистер Моралес глубоко потрясен этой новостью, и ему нужно время, чтобы прийти в себя. Мы просим вас проявить благоразумие и не вмешиваться в это тяжелое время.

Когда он закончил, один из репортеров попытался дополнить свой комментарий еще одним вопросом, но адвокат быстро прервал его. — Больше никаких комментариев, — сказал он, после чего отошел от камеры и направился к дому.

Потребовалась секунда, чтобы информация дошла до сознания, пока кусочки головоломки медленно сдвигались, вставая на свои места.

Голос ведущего прорвался сквозь мои мысли, и когда я подняла глаза, кадр снова был на ней. Я снова схватила пульт и стала листать каналы, пока не наткнулась на повторный эфир *Лаллы Фатимы*, нуждаясь в любом звуке для отвлечения.

После этого *инцидента* шум в любой форме стал единственным утешением, которое я искала. Оглушительная тишина была невыносима, ее всегда заменял непрекращающийся звон в сочетании с треском ломающейся плоти и костей. Поэтому что угодно, буквально *все*, что угодно, чтобы заглушить его.

Пройдя в другой конец комнаты, я опустилась на жесткий пластиковый стул за своим столом и поджала под себя ногу, ожидая, пока включатся мои устройства.

Несколько потрепанных блокнотов лежали стопкой рядом с мониторами, и я перебирала их, пока не нашла ту, которую искала. Страницы были исписаны разными оттенками чернил и заполнены неразборчивым почерком.

В блокноте было все, что я узнала о Викторе Моралесе. Все до мельчайших подробностей. От момента рождения его жалкой сущности до того, что он любил на завтрак.

За последние семь лет я стала экспертом по Виктору Моралесу и всем, кто его окружал, и для каждого из них был свой блокнот. Я собрала весь свой гнев против этого человека и свела все свои изощренные мечты о мести в единый план.

Включив питание, я подключила внешний жесткий диск, открыла сайт новостного канала, пролистала его, чтобы найти запись эфира, и сделала ее копию. Пока видео загружалось, я потянулась к манильскому конверту, лежащему слева от меня, и открыла одну сторону, чтобы достать недавно сделанные фотографии.

Изучая их, я вглядывалась в ее взгляд, в призрачное выражение ее глаз. Обычный

наблюдатель не заметил бы синяков у нее под глазами, стратегического расстояния, которое она установила между собой и мужем, легкого вздрагивания при движении. Обычный наблюдатель, возможно, и не заметил бы этих знаков, но я заметила.

Видео автоматически начало воспроизводиться после завершения загрузки. Я подняла глаза, только когда услышала его имя. Когда он появился в кадре, я поставила видео на паузу и увеличила масштаб его лица.

Ухмыляясь, я потянулась за остатками вчерашней еды, бросила в рот отломанный кусок холодного бриуаты с мясной начинкой, а затем запила его черным кофе.

Теперь мой ход попасть внутрь.

Потеря его жены стала для меня прекрасной возможностью.

СОФИЯ

Мне всегда говорили, что *время лечит*, но на самом деле люди хотели сказать, что время только дает больше пространства для гнева, пока он не распространяется, заражая каждую клетку твоего тела.

Больше места для того, чтобы раны загноились и сгнили. По иронии судьбы, точно так же, как то, что находилось под этим кладбищем.

Я никогда раньше не была на похоронах. Единственное, на котором я когда-либо хотела присутствовать, но не смогла, потому что кто-то всадил в меня пулю и оставил бороться за свою жизнь. Этот кто-то стал катализатором моего присутствия здесь сегодня, через две недели после смерти его жены.

Кладбище находилось в задней части церкви и было заполнено рядами надгробий с выгравированными надписями. Пока все были внутри на службе, я ждала за толстым стволом дерева посреди леса за местом захоронения, чтобы посмотреть, как он упокоит свою жену.

По крайней мере, ему была предоставлена такая возможность. Мне не удалось похоронить даже собственных родителей.

Хоронить любимого человека — это больно, но не иметь возможности похоронить его — еще хуже. У меня не было места для скорби, не было могилы, за которой можно было бы ухаживать.

Небо медленно тускнело, облака отбрасывали тени над нами как раз в тот момент, когда усилится ветер. Дрожа, я плотнее прижала куртку к телу в попытке согреться, продолжая ждать окончания первой половины службы.

Прошло еще двадцать минут, прежде чем вокруг пустой могильной ямы собралась большая группа скорбящих. Они сели на черные стулья, выстроившиеся справа, ожидая, пока гроб с телом Елены перенесут в предназначенное для него место.

Виктор Моралес находился среди толпы, возглавляя ее спереди.

В официальном отчете судмедэкспертизы говорилось, что Елена Моралес умерла от вдыхания дыма в их летнем доме в Адраре, где она отдыхала летом. Пожар был признан пожарной службой несчастным случаем, где заявили, что неисправный провод оборвался и стал причиной ее смерти.

Тело Елены было настолько сильно обожжено, что ее невозможно было узнать, поэтому

они решили использовать закрытый гроб. Как только гроб был установлен, голос священника прозвучал на весь участок: "Елена Моралес была любимой женой и другом. А теперь ее муж, Виктор, хотел бы сказать несколько слов".

Виктор Моралес поднялся со своего места и направился к маленькой сцене, где стоял священник, встав перед микрофоном.

— Спасибо, пастор Эрнандес, — сказал он, слегка кивнув в его сторону в знак благодарности.

После стольких лет можно было подумать, что эффект от его голоса должен был исчезнуть, но острое напоминание осталось.

Горе пропитало воздух, заполнив мои легкие, но его быстро сменил знакомый горький привкус гнева. Мое сердце сжалось при воспоминании о том, когда я слышала его в последний раз, мои глаза закрылись, когда воспоминание обрушилось на меня, как приливная волна, против моей воли.

Крики. Выстрелы.

Безжизненное тело моей матери на полу нашей гостиной, ее некогда яркая коричневая кожа теперь потускнела, нити крови извивались, как ядовитые змеи, по передней части ее халата.

Ее широко раскрытые глаза были прикованы ко мне, тени ужаса затуманили ее выражение, когда она поняла, что все кончено.

И я была следующей в очереди.

Механический стук опускаемого в землю гроба вернул мое внимание к настоящему. Я отмахнулась от нахлынувших воспоминаний, прежде чем мой взгляд снова остановился на человеке, который отнял у меня все.

Когда гроб опустился и скрылся из виду, священник жестом изобразил на груди знак креста, затем закрыл Библию и воззвал к Богу, провозгласив "аминь", за которым быстро последовало эхо всех остальных "аминь".

Моралес наклонился и набрал горсть земли, а затем бросил ее на гроб, как раз когда капли дождя начали барабанить по моей коже.

В последний раз отдав дань уважения, гости разошлись, море людей в черном и с зонтиками покидало кладбище. Я прижалась поближе к дереву, стараясь оставаться вне поля зрения.

Несколько человек остались позади, болтая на одной стороне, в то время как его люди предложили Моралесу перейти к его машине, но он поднял руку, останавливая их, как будто ему нужно было больше времени, прежде чем покинуть ее.

Затем он просто стоял там, нависая над мертвым телом своей жены. Как будто ему было не все равно.

Мои руки дрожали от желания прекратить этот фарс, но вместо этого я засунула их в карманы куртки, сжимая пистолет, спрятанный внутри, холодный металл подавлял это желание.

С годами мои навыки стрельбы улучшились, и я могла легко покончить с этим, выстрелив ему в голову. Но быстрая смерть никогда не была бы для него достаточно удовлетворительным концом.

Мечь была намного слаще, когда ты можешь насладиться ею.

Смерть была всего лишь одним мгновением во времени, но я хотела, чтобы он жил в страданиях. Я хотела причинить ему боль самыми ужасными способами, хотела, чтобы он видел, как то, что он любил больше всего, утекает из его пальцев.

Контроль.

Поскольку одна из его самых ценных вещей уже была под землей, ему оставалось потерять еще одну вещь. Когда-нибудь, очень скоро, я получу удовольствие от того, что он увидит, как все, ради чего он *работал*, сгорит в огне.

Несмотря на усиливающуюся бурю, он оставался неподвижным. На нем был черный костюм-тройка с начищенными черными ботинками, дождь хлестал по его фигуре. Его волосы цвета черного дерева прилипли к лицу, на его чертах застыла маска скорби.

Со стороны люди видели убитого горем мужа, оплакивающего свою жену, что давало возможность нескольким скрытым камерам сделать снимок.

Этот человек *любил* показуху.

Виктор Моралес любил играть роль несчастного вдовца в трауре, как будто это могло вызвать достаточно сочувствия, чтобы скрыть его гнилую сущность. Однако если бы вы были внимательнее, то смогли бы разглядеть его истинное лицо.

Мужчина, который больше преуспел в том, чтобы нарисовать жену своим гневом, чем в том, чтобы выполнить супружескую клятву и защитить ее.

Я отцепилась от мокрой коры, натянула капюшон куртки на голову, прежде чем вернуться обратно к машине, опавшие листья хрустели под моими ботинками. Как только я села в машину, я повернул ключ в замке зажигания, и моя машина с грохотом завелась, а звук дождя, бьющего по стеклам, заполнил тишину внутри.

Я подождала, пока машина прогреется, стекла медленно запотевали, прежде чем я переключила передачу на задний ход. Перед тем, как выехать с места парковки, я окинула взглядом его фигуру в зеркале заднего вида, зная, что увижу его не в последний раз.

Это было только начало.

Даже если мне придется воплотить в реальность слова "*пока смерть не разлучит нас*".

СОФИЯ — ПЯТНАДЦАТЬ МЕСЯЦЕВ СПУСТЯ

После того как свечи были задуты, я посмотрела вверх. Дым рассеялся, и я увидела людей, сидевших вокруг меня. Мы все расположились вокруг большого стола, накрытого белой скатертью, украшенного хрустальными бокалами и белым фарфором, вокруг нас эхом отдавался звон столовых приборов.

Я внимательно изучала их смеющиеся лица, освещенные мягким светом ламп, свисающим с потолка ресторана, где проходило это торжество.

Должно быть, мужчина сказал что-то смешное, чего я не уловила, погрузившись в свои мысли, потому что еще больше криков смеха наполнили пустой ресторан, который был специально арендован для этого мероприятия.

Большинство гостей, присутствовавших сегодня, либо не являлись членами семьи, либо были представителями элиты Бемеса. Скорее всего, он пригласил их ради пиара, поскольку Виктор Моралес был оппортунистом и пользовался любым случаем, чтобы показать себя примерным семьянином.

Но на самом деле он был мошенником, человеком, скрывающимся за занавесом насилия и коррупции и при этом изображающим из себя любящего мужа и порядочного гражданина.

Бриллиант огранки "принцесса" моего нового кольца сверкнул в тусклом освещении, и я опустила взгляд, мое сердце сжалось от мысли, что я ношу чужое кольцо.

Чужое кольцо.

Боковым зрением я увидела официанта с шампанским, и я оторвала взгляд от своей руки, чтобы посмотреть на него, когда он протягивал мне бокал.

Я изобразила на лице улыбку, прежде чем сделать небольшой глоток шампанского и оглядеть комнату. Все, казалось, чувствовали себя непринужденно, смеялись и улыбались, чувствуя союз двух людей, объединенных обязательствами, любовью и верностью.

Все они совершенно не подозревали, что празднуют мерцающую иллюзию, которая была тщательно подобрана для создания образа идеального и любящего брака.

Но самым невежественным из всех был тот, кто стоял рядом со мной. В идеально сшитом сером костюме, с его фирменной обманчивой улыбкой для нашей аудитории, безупречно зачесанными назад седыми волосами, стоял *мой дорогой и любимый муж*.

Человек, который поклялся защищать и лелеять меня, был тем же самым человеком, который убил моих родителей и спустил курок на меня чуть более восьми лет назад.

Он был почти привлекателен, но я догадалась, что дьяволу подходит быть в идеально подходящей маскировке, достаточно пышной, чтобы заманивать души.

Как я могла выйти замуж за такого человека, спросите вы? Что ж, ответ был довольно прост. Я хотела, чтобы он почувствовал себя преданным тем человеком, которому он должен был доверять больше всего.

У Моралеса был довольно тесным близкий круг его людей, и не распространялся дальше своей ближайшей семьи и нескольких близких соратников. Он был религиозным человеком и доверял только в том случае, если контракт был скреплен кровью или верой.

А поскольку кровь была не на моей стороне, мне нужно было, чтобы его падение было основано на слепой вере.

Уничтожение Моралеса было единственным способом принести моей семье покой. Принести покой мне. Поэтому я вошла в его жизнь и соблазнила его на брак. Хотя эта часть не требовала особых уговоров.

Видите ли, мужчин не так уж сложно разглядеть. На самом деле они были довольно простыми существами. Их глаза сразу же загорались интересом, когда они замечали уязвимость.

Покажи им возможность контроля, и они встанут на колени и будут умолять дать им хоть унцию власти.

После похорон я провела следующие несколько дней, чтобы перестать быть *Софией Марией Эррера* и стать *Оливией Кейн*, двадцатилетней вдовой, которая недавно потеряла мужа в трагической автокатастрофе и решила переехать в город, чтобы начать все сначала, дать себе шанс исцелиться и заново обрести себя.

С тех пор как мне поставили охрану, многие мои личные данные подверглись манипуляциям. Но я все равно просмотрела все базы данных, пролистав все возможные записи, где упоминалось мое имя — пребывание в больнице, посещаемые школы, мероприятия.

Эррера исчезла за несколько нажатий клавиш, и появилась на свет Кейн. Поскольку большинство медицинских учреждений перешли на цифровые технологии, Кейн была создана после того, как я взломала записи пациентов местной больницы и заменила файл неизвестной на ее данные.

Мое тело и лицо сильно изменились за эти годы, поэтому все, что мне было нужно, — это хорошие ножницы и коробка черной краски для волос, чтобы стать этой новой версией.

После потери жены у Виктора появилась привычка посещать "Могадор", отель в нескольких кварталах от центра города. Через две недели после того, как я начала следить за ним и изучать его распорядок, я обнаружила себя сидящим в том же баре, в тот же момент, когда он пил пятый виски, его нос и щеки покраснелись от алкоголя.

Дальше все было очень просто. Наш разговор в конце концов привел к тому, что я открылась и рассказала, что недавно овдовела и недавно приехала в город. Он предложил показать мне город, а через несколько недель сделал предложение.

Видите, легко. Позор ему, если он думал, что получит милую, невинную жену, которая будет всегда рядом с ним.

На моих губах заиграла самодовольная улыбка, но мое внимание вернулось обратно, когда *мой муж* положил руку мне на поясницу, притягивая меня ближе к себе. Он прочистил горло и жестом приказал нашим гостям замолчать, чтобы он мог произнести свою заготовленную речь.

Схватив свободной рукой свой бокал, он начал говорить о том, как он благодарен за то, что нашел второй шанс на любовь со мной.

Я вытеснила ненависть, которую испытывала к этому человеку, и загнала любой намек на отвращение от его прикосновения обратно внутрь, положив руку ему на грудь и изобразив на лице хорошо отрепетированную улыбку, пока ждала, когда он закончит.

— За тебя, *mi amor*, — наконец сказал он, подняв бокал в знак тоста и поцеловав меня в щеку.

Все подняли бокалы в ответ и выпили. Я повернулась, чтобы прошептать ему на ухо "спасибо", затем сделала еще один глоток своего напитка, позволяя пузырькам отвлечь меня от возобновившейся болтовни.

Когда наши гости смотрели на меня, они видели преданную жену, смотрящую на своего мужа с любовью в глазах, в то время как на самом деле я боролась с желанием взять свой столовый нож и вонзить его ему в шею, только чтобы увидеть, как его кровь украшает белый торт, приготовленный в честь нашего союза.

Званный вечер затянулся дольше, чем я ожидала, постепенно разряжая мою социальную батарею. Я не слишком любила людей и предпочла бы сидеть дома, на диване, ничего не делая, чем общаться с людьми. Но мне пришлось изменить свои привычки и научиться быть общительной и заботливой женой, чтобы отлично справляться с этой ролью.

Это не всегда было легкой задачей.

Быть женой Виктора Моралеса было невыносимым парадоксом. Я должна была находить свое величайшее счастье в том, чтобы отдавать и служить *своему мужу*, но в то же время от меня требовалось быть независимой. Я должна была одеваться так, чтобы производить впечатление, но не настолько, чтобы привлекать внимание. Я должна была быть успешной и поддерживающей, но не до такой степени, чтобы затмевать его.

Единственным плюсом брака с ним было то, что он стал на шаг ближе к своей смерти, а я — на шаг ближе к своей мести.

Когда большинство наших гостей начали получать сообщения от своих нянь с просьбой забрать их детей, мы с мужем поблагодарили всех за то, что пришли, и дали ни к чему не обязывающие обещания увидеться в ближайшее время.

Когда все ушли, рука Виктора снова нашла мою поясницу и вывела нас из столовой в холл, где мы должны были ждать нашего водителя.

Дорога до дома была тихой. Виктор провел это время, просматривая свои электронные письма и заметки, которые оставил ему его помощник относительно встреч, запланированных на предстоящую неделю, и я была более чем счастлива, что мне не пришлось развлекать его пустой болтовней.

Наш водитель включил поворотники прежде чем свернуть на гравийную дорогу, и притормозил, чтобы ввести коды на въездных воротах, которые были установлены несколько месяцев назад из-за папарацци, которые продолжали преследовать нас с тех пор, как было объявлено о нашей скорой помолвке.

Как только Омар припарковался позади ряда автомобилей на нашей кольцевой подъездной дорожке, Джексон, наш начальник службы безопасности, вышел из парадной двери дома и спустился вниз, чтобы поприветствовать нас.

Высокий, с широкими плечами, его темные волосы были подбриты налысо, подчеркивая его темные брови и карие глаза, которые дополняли его смуглую кожу. Джексон работал на Виктора последние пять лет, приняв на себя обязанности после ухода отца на пенсию.

Под его руководством работали еще шесть охранников, но только двое оставались на ночь, а остальные приходили лишь время от времени, когда Виктору требовалось усилить охрану дома. Когда их не было в доме, они выполняли любые поручения Виктора.

— Есть какие-нибудь новости? — спросил Виктор, выйдя из машины.

Он оглянулся на меня и протянул руку, чтобы помочь мне выйти из машины. *Какой джентльмен.* Я приняла ее, несмотря на то, что на мне были эти невыносимые шестидюймовые туфли на красном каблуке, потому что он решил, что они идеально подойдут к платью, которое он купил мне специально для этого случая.

Я пожелала Омару спокойной ночи и закрыла за собой дверь.

Джексон склонил голову в знак почтения.

— Ничего необычного, сэр. Просто доставка подарков к вашей годовщине. Роза оставила их на столе в прихожей.

Соединив наши пальцы, Виктор опустил свободную руку на плечо Джексона.

— Спасибо, Джексон. Если это все, то ты и остальные можете отдохнуть до конца ночи.

— Спасибо, сэр. Сеньора Оливия.

Джексон еще раз склонил голову, а затем ушел к остальным членам команды в заднюю комнату, где находились их офисы.

Мы двинулись к входной двери, когда мой взгляд зацепился за мигающую красную точку, сигнализирующую об одной из камер наблюдения, установленных вокруг участка. Всего в доме было пять камер. Три из них были направлены к фасаду под разными углами, одна находилась сзади, охватывая крыло команды охраны, а последняя — входные ворота.

Благоустроенная тюрьма, из которой никто не мог войти и никто не мог выйти. Ну, если только вы не были мной.

моем месте.

Мы поднялись по лестнице и, пройдя через большие двойные черные двери, вошли в дом. Виктор включил свет, и хрустальная люстра, висевшая на высоком потолке, мгновенно осветила помещение, а глянцевые деревянные полы заблестели под ней.

Подняв глаза, я заметила пакет на большом черном круглом столе в фойе, который стоял перед раздвоенной лестницей, покрытой белым ковром. Виктор подошел к ожидавшему нас подарку на годовщину, пока я снимала пальто и вешала его в шкаф в прихожей.

— Интересно, кто это прислал, — размышлял он.

Да, мне тоже.

Я взглянула на него через плечо и увидела, как он потянулся к коробке, развязывая ленточку, прежде чем снять крышку. На его лице появилось изумленное выражение.

— *¿Qué diablos? (пер. Какого черта?)*

— Что это, Виктор? — спросила я, волнуясь.

Мои каблуки застучали по деревянному полу, когда я шагнула ближе к нему. Я

сморщила нос, когда слабый запах бензина наполнил воздух. Стоя у него за спиной, я заглянула через его плечо как раз в тот момент, когда он доставал предмет из кармана.

Это была маленькая, идентичная копия летнего домика, который сгорел вместе с его женой. К конструкции был прислонен спичечный коробок, а под ним лежало письмо с его именем, написанным на внешней стороне.

Он оглянулся на меня через плечо, и я ответила ему, как я надеялась, обеспокоенным взглядом.

Как будто я понятия не имею, что происходит.

В другой жизни я могла бы стать актрисой с тем количеством притворства, которое мне пришлось делать рядом с этим человеком.

Он достал конверт и осмотрел его. На нем был почтовый штемпель от 21 августа, даты пожара, а обратным адресом был адрес их летнего дома.

— Виктор, — Я сделал паузу. — Что это и почему оно пахнет так, как будто кто-то облил его горючим? — переспросила я, поскольку он проигнорировал мой предыдущий вопрос.

Он открыл верхнюю часть конверта ключами от дома, достал записку, лежавшую внутри и пролистал ее, прежде чем начать читать.

Его плечи напряглись, пока он продолжал читать, лицо побледнело, кровь медленно отхлынула от него с каждой секундой.

Когда он закончил читать, он посмотрел прямо перед собой, его рот напрягся, и выражение лица снова изменилось. Но на этот раз в его чертах появилась ярость.

Его челюсть сжалась, а костяшки пальцев побелели от того, с какой силой он сжимал листок бумаги.

Я снова и снова шептала его имя, но он продолжал смотреть на записку.

Я попыталась успокоить его прикосновением, но он отдернул руку, бросил записку на пол и направился к задней части дома. Он распахнул одну из раздвижных стеклянных дверей и вышел на задний двор, выкрикивая имя Джексона.

Я присела и подняла скомканный лист бумаги, чтобы прочитать его содержание.

Зажженная спичка начинается с мерцания

Прежде чем она встретится с воздухом и самонадеянно превратится в пылающий факел.

Оставляя после себя пепел любимой.

Позволишь ли ты истории повториться?

Я оставила свою нацарапанную записку, колени хрустнули, когда я вставала. Выйдя из кухни, я вышла на улицу и услышала напряженный голос Виктора, который отчитывал Джексона за то, что он не был более осторожен.

— Как ты мог допустить, чтобы это случилось снова? — рявкнул он, чувствуя, как его захлестывает гнев. Джексон извинился и сказал, что они не видели ничего плохого в посылке, так как это был подарок на нашу годовщину.

— Виктор, что происходит? Что ты подразумеваешь под "снова"? — перебила я, позволив фальшивой слезе скатиться по моей щеке и заставив свою нижнюю губу задрожать.

Виктор быстро переключил свое внимание на меня. Он кивнул Джексону, прежде чем подойти ко мне и притянуть меня к себе, обхватив руками.

Когда дверь кабинета охраны закрылась, его рука была в моих волосах, и он еще крепче прижал меня к своей груди, а мои руки обмякли по бокам. Я закрыла глаза и сделала то, что, как мне казалось, было уместно в данной ситуации, уткнувшись лицом в его плечо.

— Ничего страшного, *mi amor*. Поверь мне, я не позволю, чтобы с тобой что-то случилось, — прошептал он над моим правым ухом, пытаясь успокоить меня.

Я дрожала в его объятиях, но не от страха, а от отвращения, которое охватывало меня каждый раз, когда он прикасался ко мне. Наконец я обхватила его за плечи и увидела наше отражение в окне позади него.

Мои глаза остановились на моем отражении, и небольшая ухмылка натянула мои черты, в то время как я позволила еще одной слезе вытечь. То, что я стала катализатором падения Виктора Моралеса, было похоже на великолепное возмездие. Заставить его предвкушать и бояться того момента, когда его мир рухнет, было захватывающе интересно.

Да начнутся игры.

ТЕО

Мой телефон завибрировал, оповещая новое сообщение, когда я въехал на свою подъездную дорожку. Я припарковался и выключил зажигание, затем поднял телефон, чтобы найти сообщение от Ноя.

Ной: Позвоню тебе, когда выйду из офиса. У меня есть для тебя работа.

Мы с Ноем познакомились, когда я предложил взять его в академию. Я перебирал заявки и оценки, когда наткнулся на его. Он еще учился в колледже, когда сдавал тест и получил почти идеальный результат, что было редкостью в бюро.

Когда я впервые появился на пороге его общежития с предложением, он поначалу захлопнул дверь перед моим носом. Но после того, как я стал появляться каждый день, как по расписанию, он, наконец, сдался и согласился.

После окончания университета он начал работать в Управлении по борьбе с наркотиками, а я пошел работать в отдел по борьбе с организованной преступностью. Через несколько месяцев работы на новой должности ему поручили громкое дело, и ему пришлось переехать на Сардинию, маленький остров, примыкающий к берегам Бемеса.

Он исчез на несколько лет после смерти своего напарника, а затем вернулся и стал офицером по подготовке в академии в Блэквелле, который находился в двух городах к востоку отсюда. Ходили слухи, что он согласился на эту должность, чтобы защитить ребенка своего покойного партнера, который выжил после пожара, в котором погибли его родители.

Я ничего не слышал о нем с тех пор, как ушел из бюро.

До сегодняшнего дня.

Я убрал телефон и зашел в свой дом. Все было тихо, чувствовалась пустота. Никаких личных вещей здесь не было, никаких следов того человека, которым я был раньше. В течение многих лет я переезжал каждые несколько месяцев, потому что всякий раз, когда я оставался где-то слишком долго, в голову лезли воспоминания о том, что я имел и потерял.

Только в прошлом году я решил построить этот дом и наконец-то обосноваться в нем.

Я холодно рассмеялся себе под нос над своей жалкой жизнью. Отвлечшись от непрошенных мыслей, которые пытались просочиться в голову, я осмотрел помещение в поисках чего-нибудь неуместного — привычка, сохранившаяся со времен моей работы в бюро.

Убедившись, что ничто не потревожено, я бросил ключи на стол рядом с дверью и

вынул пистолет из кобуры, положив его в ящик. Я направился в ванную, разделся и встал под горячий душ, чтобы смыть с себя сегодняшний день.

После того как я провел несколько недель после увольнения, греясь в одиночестве у себя дома, я начал заниматься частными расследованиями, чтобы успокоить мысли, которые терзали мой разум. Если бы мой мозг не был постоянно в рабочем режиме, он бы переполз в пространство, где голоса взяли бы верх, а я не мог этого допустить.

Я ушел из бюро не потому, что ненавижу свою работу. На самом деле раньше мне это нравилось.

Это было волнующе, приносило удовлетворение.

Но после ее ухода все стало по-другому. Ничто больше не казалось реальным.

И до сих пор не ощущается.

Приходить на работу, даже вставать с постели, стало непросто. Я едва не сошел с ума, пытаюсь найти ее, пока не был вынужден двигаться дальше. В бюро решили, что у меня развилась нездоровая одержимость, и пригрозили уволить меня, если я не прекращу ее искать.

Но как можно жить дальше после того, как единственный человек, которого ты когда-либо любил, покинул тебя? Моя работа всегда была для меня спасением, но я находил утешение в ней.

Так было до тех пор, пока она не исчезла, забрав с собой частичку моей души.

Я смыл последние остатки мыла и потянулся за полотенцем, которое обернул вокруг талии.

Телефон зазвонил, когда я подошел к шкафу, чтобы одеться. Я почти проигнорировал его, переключив на голосовую почту, когда увидел, что на экране высветилось имя Ноя.

— Ты видел, который сейчас час? — прошипел я в телефон, прежде чем включить громкую связь и положить его на кровать. Я вытерся, достал пару черных боксеров и натянул их.

— У меня есть для тебя работа, — сказал он, полностью проигнорировав мой комментарий. Я вернулся к своему телефону и сел на край кровати, протирая голову влажным полотенцем, чтобы высушить волосы.

Прежде чем я успел спросить его, что он имел в виду, звук тяжелого удара в мою дверь эхом разнесся по дому. Я встал с кровати, схватил свой телефон и прижал его к уху.

— Подожди секунду, — сказал я ему, направляясь в гостиную.

Мой взгляд метнулся к окну, но никаких машин видно не было. Я направился к выходу и бросил телефон на консольный столик, чтобы взять свой пистолет. Сняв пистолет с предохранителя, я медленно подошел к двери и распахнул ее одной рукой, поднимая пистолет.

Меня встретил совершенно невозмутимый Ной, который положил трубку и убрал телефон в задний карман брюк.

Я быстро осмотрел его. Он действительно выглядел дерьмово. Его темно-каштановые волосы были растрепаны, глаза налиты кровью, под ними темные мешки. Признаки того, что он, вероятно, не спал несколько дней, с чем я, к сожалению, был хорошо знаком.

Он нахмурился, и я опустил пистолет, убирая его обратно в ящик.

— Ты выглядишь хреново, друг мой, — сказал я, бросив на него взгляд.

Он бросил на меня раздраженный взгляд и вошел, заставив меня отойти в сторону.

— Нам нужно поговорить, а у меня мало времени, — раздраженно заявил он, держа в

руках папку, направляясь напрямиком на кухню.

— Пожалуйста. — махнул я рукой, прежде чем закрыть за ним дверь. — Заходи и почувствуй себя как дома.

Он встал за кухонным островком и окинул меня беглым взглядом, нахмурившись, когда заметил, что я раздет.

— Почему ты только в нижнем белье?

— Я только что вышел из душа. Не думал, что у меня будут гости в час ночи. — Фыркнув, я направился в свою спальню, чтобы переодеться.

Я схватил валяющуюся рядом футболку и поднес ее к носу, чтобы убедиться, что она не пахнет, прежде чем натянуть ее, а затем надел спортивные штаны. Я появился мгновение спустя и сел на один из барных стульев напротив него.

Откинувшись на спинку стула, я начал барабанить пальцами по мраморной столешнице.

— Что все это значит?

— У меня есть работа для тебя, — заявил он, его глаза цвета виски уставились на мои темные глаза.

Я поднял бровь, ожидая от него подробностей, когда он протянул папку, которую держал в руке, в мою сторону, и я потянулся, чтобы взять ее. Открыв ее, я достал толстую пачку бумаг и высыпал содержимое на прилавок.

Там была дюжина черно-белых фотографий одной и той же женщины в разных ракурсах.

Я наклонил голову.

— Кто это? — спросил я, недоумевая, почему он дает мне бесчисленные снимки этой женщины.

Он прислонился к плите и скрестил руки на груди.

— Оливия Моралес. Твое новое задание.

Моралес... Я несколько раз прокрутил это имя в голове. Имя казалось знакомым, но я никак не мог его вспомнить.

Я потянулся к одной из фотографий, анализируя ее, прежде чем снова взглянуть на него.

— Кто она? — Я сделал паузу, когда слово "задание" наконец-то прозвучало в моем сознании. Мой барабанная дробь замедлилась до остановки, и из меня вырвался глухой смех. — Подожди, что ты имеешь в виду под *моим новым заданием*?

— Виктор Моралес владеет "Моралес Индастриз", текстильной компанией, которая стремится к глобальному расширению. Прошлой ночью он и его жена вернулись домой после ужина в честь годовщины свадьбы и обнаружили угрозу для жизни своей жены.

Он указал на фотографию отсканированной записки.

Мои глаза быстро пробежалась по написанному, но остановились на последних словах.

Позволишь ли ты истории повториться?

— Что это вообще значит и какое отношение это имеет ко мне? — раздраженно спросил я, перелистывая остальные фотографии с камер наблюдения.

Все они были сделаны издалека, а объект, казалось, всегда носила очки, которые скрывали большую часть ее лица. Я не мог получить четкого представления о том, как она выглядит на самом деле, но это не мешало моим глазам блуждать по ее соблазнительной фигуре и темным вьющимся волосам, спускавшимся до середины спины.

Когда я смотрел на нее, мне на ум приходило только одно слово.

Красивая.

Он прочистил горло, выведя меня из транса.

— Он ищет кого-то, кто защитит его жену, и я назвал им твое имя.

Мои пальцы напряглись над фотографией, которую я держал, мои брови нахмурились.

— Я не гребаная нянька, и у меня нет на это времени, — сказал я сквозь стиснутые зубы.

— Как будто у тебя есть занятие поинтереснее.

Он оглядел мою неопрятную гостиную, прежде чем его взгляд снова упал на меня.

Я решил проигнорировать его ехидное замечание.

— Кроме того, почему ты хочешь, чтобы я согласился на эту работу? Я уволился из бюро несколько месяцев назад, помнишь? — указал я. — Ты не можешь поручить это одному из своих новичков?

Его плечи напряглись, а тело выпрямилось, выражение лица стало серьезным. Он замешкался на секунду, прежде чем испустить тяжелый вздох. — Ты единственный, кому я могу доверить эту работу.

В замешательстве я поднял брови.

— Просто присматривать за женой миллиардера?

Он избегал моего взгляда, но потом неохотно добавил: "Все гораздо сложнее".

— А можно поподробнее, — язвительно ответил я. Наклонившись вперед, я упёрся локтями в холодный гранит, ожидая его объяснений.

— Я не могу, — огрызнулся он.

Какого хрена? Он просил меня об одолжении и разозлился, когда я запросил больше подробностей.

Я встал, разочарование разгорелось у меня внутри. Моя челюсть сжалась, и я закрыл папку, затем передал ее ему обратно, собираясь уйти.

— Тогда можешь на меня не рассчитывать. Ты знаешь, где дверь.

Он замолчал на мгновение. Проведя руками по своим взъерошенным волосам, он глубоко вздохнул.

— Послушай, Виктор Моралес не тот, за кого его принимают люди. Я не могу допустить, чтобы мои люди копались в этом, поэтому я прошу тебя об этом как об одолжении, — признался он..

Я посмотрел ему в глаза, его взгляд озадачил меня. Ной всегда был таким уверенным, поэтому видеть его таким уставшим и побежденным из-за чего-то подобного не имело смысла.

Наступила пауза.

— И ты мне должен.

Застонав, я провел руками по лицу и бороде. Я всегда был предан до мелочей, и Ной столько раз прикрывал меня, пока я искал ее, отчаянно пытаюсь найти ее в течение нескольких месяцев после ее исчезновения.

Исчезновение, — насмехался маленький голосок в моей голове.

Выражение его лица в сочетании с нашим прошлым заставило меня окончательно смириться.

— Хорошо, — выдохнул я.

Я не думал, что все будет вот так.

Через неделю я уже был на пути в их поместье. Ной мало что рассказал об этом задании, только то, что я проведу следующие несколько недель, присматривая за женой Моралеса, пока они не поймают преступника.

Очевидно, все было готово еще до того, как Ной обратился ко мне с этим предложением; он заехал ко мне только для формальности, поскольку уже обсудил мою кандидатуру с начальником службы безопасности Виктора, Джексоном Вальдесом. Который также оказался одним из его информаторов.

Ноа упомянул ему, что я работал в частной охранной компании при правительстве, а затем перешел на самостоятельную работу в качестве частного детектива.

Это была моя история. Никто не знал, чем я зарабатываю на жизнь, даже моя семья, что и происходит, когда ты работаешь в организации по борьбе с преступностью.

Перед тем, как уйти в тот вечер, Ной признался, что он занимается расследованием деятельности наркокартеля и выяснил, что Моралес может быть одним из их близких сообщников.

Он объяснил все очень туманно, и я не знал, что Ной задумал и почему он не хочет, чтобы его команда из бюро принимала в этом участие, но я знал Ноа лучше, чем кто-либо другой. Если он был скрытным, то, вероятно, пытался защитить их.

Через несколько часов после его ухода я получил зашифрованную ссылку с дополнительной информацией о Моралесе. Затем я провел остаток недели, изучая работу Виктора и, самое главное, его жену. Информация о ней практически отсутствовала, и о ее жизни до замужества с Моралесом не было почти никакой информации, только то, что она попала в аварию и потеряла мужа.

Как будто она была призраком.

Во что я ввязался? Я и мое глупое чувство преданности.

Когда их дом показался в поле зрения, мои глаза мельком увидели его.

Это воспоминание навсегда отпечаталось на моей коже, тяжело давя на безымянный палец.

СОФИЯ

Прошла ровно неделя с момента доставки посылки, и Моралес был таким, каким я хотела его видеть.

Подозрительный ко всем и медленно теряющий контроль над собой и рассудок.

За последнюю неделю он уволил почти всю свою команду охраны, наняв совершенно новую, за исключением Джекса, своего самого надежного советника. Он вскользь упомянул, что хотел бы нанять кого-то специально для моей собственной безопасности, и мы не раз спорили на эту тему, но он больше не понимал эту тему.

Должно быть, он просто отмахнулся от этой идеи, что было бы неудивительно. Обычно он давал мне все, что я хотела, так что в этом случае ничего не должно было измениться. Кроме того, мне определенно не нужен был еще один человек, о котором нужно было беспокоиться.

Я заканчивала разговор с одним из поставщиков провизии для ежегодного благотворительного мероприятия компании, которое должно было состояться через четыре недели, когда услышала, что кто-то стучит в дверь моего кабинета.

— Войдите, — позвала я.

Джексон вошел внутрь, заложив руки за спину и кивнув в знак приветствия. Джексон не был многословным человеком. Он говорил только тогда, когда считал это необходимым. Очевидно, словесные приветствия не входили в эту категорию.

— Да, мистер Вальдес? — спросила я его.

Он слегка поджал губы, услышав формальность, особенно после того, как он постоянно просил меня называть его просто Джексом с тех пор, как мы познакомились. Но формальности гарантировали, что никакой связи или привязанности не возникнет. Джексон мне нравился, но если бы я обнаружила, что он угрожает моей мести, у меня не было бы другого выбора, кроме как убрать его.

— *Por favor, señora* (пер. *Пожалуйста, сеньора*), просто Джексон, — умолял он, прежде чем добавил — Сеньор Виктор хотел бы видеть вас в своем кабинете.

— По поводу чего? — спросила я, вопросительно сдвинув брови.

В его глазах мелькнул дискомфорт, но потом он сдержал свою реакцию и продолжил своим обычным спокойным тоном. — Я думаю, будет лучше, если он сам все объяснит.

Объяснить? Что мой муж должен объяснить?

Со стоном я вышла из электронной таблицы, содержащей список подтвержденных поставщиков для гала-вечера, и поднялась со своего места, прежде чем последовать за Джексоном.

Мои каблуки стучали по деревянному полу, пока мы шли к офису Виктора. Костяшки пальцев Джексона мягко почтучали по двери, возвещая о нашем присутствии. Он дождался слабого звука подтверждения, после чего открыл дверь и жестом пригласил меня внутрь.

Виктор закончил печатать на своем компьютере, затем закрыл его и поднялся со стула. Обойдя свой стол, он сел на край и взял меня за руку, притянув к себе между бедер.

Он взглянул через мое плечо на Джексона, который остался возле двери, и сказал ему пренебрежительное "спасибо". Дверь закрылась за ним с тихим щелчком, оставив меня наедине с моим любимым.

— Ты хотел меня видеть, *mi amor*? — спросила я, сглатывая поднимающуюся желчь от этого ласкового слова.

Боже, я чертовски ненавидела называть его так, но в конце концов я должна была играть роль его любящей жены.

Он хмыкнул.

— Да, *caríño*. Сейчас мы познакомимся с твоим новым телохранителем.

— Моим что?

Я подняла на него глаза, сведя брови вместе. Мои внутренности свернулись от его заявления, и мои пальцы дернулись в его руках. Желание сжать их в кулаки вырвалось на поверхность, но я восстановила самообладание, проглотив свое разочарование.

— Виктор, я думала, мы уже говорили об этом? Мне не нужен личный телохранитель. У нас уже есть команда, и я сказала тебе, что со мной все в порядке. Я просто немного испугалась, когда мы получили ту записку. Я уверена, что это была просто глупая шутка одного из ваших конкурентов, чтобы выбить тебя из колеи, тем более что ты объявил о желании расширить компанию.

Я слабо улыбнулась ему, пытаясь развеять его беспокойство по поводу ситуации на прошлой неделе.

Руки Виктора прошли по моим бокам, и мне пришлось бороться со своим отвращением под тщательно подобранной маской. Мой желудок сжался, когда он провел руками по моим бедрам, где он крепче сжал их.

Ну вот опять.

— Это не тебе решать, Оливия, — холодно ответил он. — Никогда...

Мягкий щелчок дверной ручки прервал его следующие слова.

— Извините что прерываю, мистер Моралес, — раздался глубокий бархатистый голос у меня за спиной, отвлекая гнев *моего мужа* от меня.

Знакомая дрожь пробежала по моему позвоночнику, узнавание поглотило мое тело, прежде чем мой разум успел это осознать. Потому что каким-то образом я *знала*, просто *знала*, хотя вероятность того, что он здесь, была практически невозможной. Потому что это никак не мог быть он.

Мой разум явно разыгрывал меня. Это было единственное правдоподобное объяснение.

Я повернулась, чтобы опровергнуть свою гипотезу, когда мой взгляд наконец сфокусировался на вошедшем мужчине.

Нет... Этого не может быть.

Кровь отхлынула от моего лица, и моя маска дрогнула, когда я столкнулась лицом к лицу с человеком, которого я никогда не думала увидеть снова, единственным мужчиной, которого я когда-либо любила.

Человеком, которого я семь лет пыталась забыть.

Человека, которого я оставила, чтобы убить другого.

Он переступил порог, и комната мгновенно стала меньше. Воздух изменился, приветствия Виктора отошли на задний план, и все словно остановилось. Словно услышав мои мысли, он поднял голову, и знакомые темные глаза остановились на моих, удерживая меня на месте.

Я не могла отвести взгляд, даже если бы захотела.

Этого не может быть. Не может быть, чтобы он был здесь. Это, должно быть, сон.

Давление воздуха в комнате упало, и что-то тяжелое навалилось на мою грудь, сдавливая ее своим весом и затрудняя дыхание в легких. Мое сердце билось о ребра, а кровь грохотала в ушах.

Как такое вообще возможно?

Я была готова к любому препятствию, которое могло бы встать на моем пути, но я никогда не была готова к этому.

Никогда не была готова к нему.

Он еще красивее, чем я помню.

Передо мной, одетый в черный костюм, стоял единственный мужчина, который когда-либо преследовал мои самые темные желания. Единственный человек, который показал мне, что я не одинока в этой жизни после тех смертей.

Человек, которого я оставила, чтобы защитить его. А теперь он вернулся, чтобы защитить меня.

Моя грудь болела от этой мысли, боль пронзила живот, словно пуля, которая застряла внутри много лет назад, и которая появилась вновь, оставляя за собой след, подкрадываясь без предупреждения, угрожая перебить мне колени.

Казалось, он стал больше, чем я помнила. Все в нем казалось *больше*.

Несмотря на тревогу в голове, предупреждавшую меня разорвать связь, я не могла удержаться, чтобы не взглянуть на него. Мой взгляд переместился на его фигуру. Он был выше, плечи шире, а массивные бедра наполняли его костюм. Я пробежалась глазами по его лицу, рассматривая его более взрослую, более... безжалостную его версию.

Загорелая кожа, темно-карие глаза, полные губы с бородой, украшающей челюсть.

Даже после стольких лет, проведенных в разлуке, он все еще был, возможно, самым красивым мужчиной, на которого когда-либо падал мой взгляд, и, несмотря на все незначительные изменения, он все еще был, все еще *чувствовался* моим Тео.

Все в нем казалось было таким знакомым, вплоть до боли в груди, которая никогда не покидала меня.

Черт, почему это так больно?

Знать, как ему хорошо в моих объятиях, но не иметь возможности подбежать к нему. Знать, что когда-то он был моим, а я утратила на него права.

Когда он приблизился, прядь его темных волнистых волос упала на лоб, задев суровые брови, седину на висках.

У меня пересохло во рту, а по кончикам пальцев пробежала дрожь от воспоминаний. Румянец окутал все мое тело, когда воспоминание о том, как мои пальцы перебирали те же

самые волосы, дергали, притягивая его к себе ближе, затопило мой разум.

Прошло семь лет, но мое тело все еще реагировало на него, как будто я ушла только вчера.

Воспоминания быстро рассеялись, когда я поняла, что он остановился как вкопанный, слегка нахмурившись и пощипывая кожу между бровями. Его массивная бородатая челюсть сдвинулась, когда он рассматривал меня, его глубокие карие глаза блуждали по моему телу в медленной, расчетливой оценке.

Его глаза прошли по моему лицу, посылая прилив тепла по моему телу. На какое-то мгновение у нас обоих было одинаковое ошеломленное выражение лица, между нами возникла негласная связь. Чем дольше я смотрела на него, тем больше убеждалась, что он мне мерещится.

Пока мое имя не вырвалось из его губ на выдохе, подтверждая, что это действительно был он, что он действительно был здесь.

— София...?

Мое имя на его губах пробудило что-то внутри меня, что-то, чего я не чувствовала с той ночи, которую мы провели вместе.

Воспоминание о том переломном моменте всплыло без предупреждения, и я закрыла глаза от его силы, совершенно забыв, где мы находимся.

Украденные взгляды и прикосновения, уступающие место жгучей страсти. Губы в нескольких сантиметрах друг от друга после ссоры. Пальцы обводили линии тела так, словно они часами заучивали их наизусть.

Крепкая хватка на затылке, лоб, опускающийся к другому, прежде чем прошептать: "Мне нужно тебя поцеловать", — и прижаться губами к губам. И, не дожидаясь ответа, они набросились друг на друга.

Я вынырнула из своих грез, и застрявший ранее воздух со свистом вырвался наружу, моя грудь сжалась от тяжести общих воспоминаний.

Холод пробежал по моей коже, когда я заметила, что он пристально изучает меня. Я почти отвела взгляд, но мне нужно было, чтобы он поверил в маскировку, на создание которой я потратила месяцы, годы.

Я должна была вести себя так, будто мы незнакомы, но на этот раз храня в себе воспоминания о нем, о нас. Я представляла, как увижу его снова, представляла наше воссоединение бесчисленное количество раз.

Но не сейчас, не раньше, чем все это закончится.

Паника нарастала в моей груди, и мне потребовалось все, чтобы сохранить нейтральное выражение лица, когда все внутри меня было натянуто, угрожая лопнуть. Я хотела воспользоваться моментом, чтобы оправиться от его присутствия, но такой возможности не было. Поэтому я взяла себя в руки, выпрямила спину и встала чуть выше, чем обычно.

Он открыл рот, чтобы продолжить, но все, что он собирался сказать, было утеряно из-за того, что мой муж громко прочистил горло. Именно тогда я поняла, что отодвинулась от него еще дальше, а мои руки теперь лежали по бокам.

— София? — повторил Виктор, с ноткой раздражения в голосе.

Словно в трансе, мой будущий телохранитель проигнорировал его вопрос, продолжая смотреть на меня, и тяжесть его взгляда слегка касалась моей кожи.

Все вокруг нас гудело опасным гулом. Как будто *мой муж* наконец-то почувствовал перемену в воздухе, я почувствовала, как он отодвинулся от края стола и обхватил меня рукой за талию, прижимая к себе.

Это могло показаться жестом любви, но Виктор был экспертом в этом, в *иллюзиях любви и внимания*, когда на самом деле его пальцы впивались в мое бедро, напоминая мне о том, кому я якобы принадлежу. Но мне было все равно, что его пальцы заставляли шрам на моем бедре зудеть от обещания мести, потому что мои глаза все еще были прикованы к нашему гостю.

Виктор попытался вмешаться еще раз, после того как ему не удалось разорвать нашу связь в первый раз.

— Мистер Альварес, это моя *жена*, Оливия, — сказал мой муж, сделав ударение на слове "жена". Еще одно напоминание всем присутствующим, что я — его собственность.

Но все, о чем я могла думать, это то, что он только что еще раз подтвердил, что это действительно Тео.

Мой Тео.

На долю секунды что-то мелькнуло во взгляде Тео. Это было мимолетно, *едва заметно*, но я не пропустила, как напряглись его плечи и сжалась челюсть при слове "жена". Оно быстро исчезло, оставив после себя контролируемую напряженность.

Вернувшись к своей отрететированной позе, он шагнул ближе, протягивая руку.

Рот Виктора на кратчайшую секунду сжался, затем он привел свое выражение в политкорректное состояние и широко улыбнулся в ответ. Виктор слегка сдвинулся, когда Тео приблизился к нам, расположив свое тело напротив моего, как бы загораживая меня от взгляда Тео.

Затем он схватил его за руку и крепко пожал ее. Мужчины.

Не обращая внимания на тонкое проявление собственнических чувств *моего мужа*, Тео убрал свою руку от руки Виктора и снова обратил свое внимание на меня. Он протянул руку в мою сторону, и я инстинктивно наклонилась, чтобы взять ее, чувствуя сильное притяжение к нему.

Мое дыхание сбилось вместе с сердцебиением, когда тепло его кожи соединилось с моей. Его знакомый свежий и пьянящий аромат окутал меня, посылая пьянящее возбуждение по позвоночнику.

Наши взгляды встретились и задержались на мгновение дольше, чем нужно. Его тело было слегка наклонено ко мне, его грудь поднималась и опускалась в ритме, совпадающем с моим собственным.

Горловой звук прорвался сквозь наше оцепенение, и наша связь медленно рассеялась. Я дважды моргнула, пытаюсь вернуть свое внимание к мужчине, за которого вышла замуж.

Я пыталась справиться со своими эмоциями, в то время как Тео слегка ослабил хватку на моей руке.

— Оливия, это Теодор Альварес, твой новый телохранитель.

Голос Виктора прогремел в его кабинете, прорвавшись сквозь напряжение, бушующее вокруг нас.

За его спокойным тоном скрывалась острая, как бритва, грань, достаточно острая, чтобы порезаться. Его хватка еще сильнее сжала мое бедро, посылая искры боли по всей длине моей ноги.

Когда наши руки разъединились, большой палец Тео слегка коснулся моего

обнаженного запястья — шепот, который, как я думала, мне привиделся.

Пока наши глаза снова на мгновение не встретились, и я не увидела, как его зрачки слегка расширились, прежде чем он отвел взгляд и снова перевел его на *моего мужа*.

— Приятно познакомиться с вами обоими, — сказал он непринужденным голосом, пытаюсь рассеять напряжение, царившее в комнате.

Снова надев маску, я прочистила горло и снова обратила внимание на Виктора. — Я же говорила тебе, что мне не нужен телохранитель, — сказала я с вызовом в голосе.

Я знала, что позже пожалею об этом.

Уголкем глаза я заметила вспышку обиды, мелькнувшую на лице Тео при звуке моего отказа, отчего укол вины пронзил меня изнутри. Я подавила это чувство, заставив себя игнорировать его, пока оно не прорвалось наружу.

— Это не обсуждается, Оливия. — ю прорычал Виктор сквозь стиснутые зубы, смирие меня взглядом, его челюсть сжалась от моего небольшого неповиновения. Он снова переключил свое внимание на моего нового телохранителя, его рука покинула мою, чтобы подойти ближе и схватить Тео за плечо.

— Мистер Альварес, простите за мою жену, — извинился он. — Наверное, сейчас у неё эти дни. А теперь позвольте мне показать, где ты будешь жить в течение всего срока действия твоего контракта.

Голова шла кругом, как только до меня дошел тот факт, что он будет жить здесь.

— Что? — спросила я громче, чем намеревалась, думая, что ослышалась.

— Что на этот раз, Оливия?

Он нахмурился, заметно раздраженный моей вспышкой.

Зная, что эта вспышка, вероятно, дорого мне обойдется, я выругалась, вернув свой тон к милому, невинному тону, который я доводила до совершенства. — Он останется здесь?

— Мистер Альварес занял должность на полный рабочий день. Я не думаю, что ты осознаешь всю серьезность угрозы твоей жизни, *mi amor*. Я обещал, что с тобой ничего не случится, — ответил он окончательным, выражение его лица говорило о том, что он ожидает, что я буду молчать.

Я устала на них обоих, впившись ногтями в ладони, чтобы подавить желание спорить дальше. Я кивнула, как послушная жена, которую я и должна была изображать.

В этом не было смысла. Я должна была приспособиться.

— Я рад, что нам удалось достичь взаимопонимания.

Он кивнул сам себе, успокаиваясь. Как будто он не достиг *понимания* сам.

— Мои сотрудники сейчас подготавливают гостевой домик у бассейна, который должен быть готов к завтрашнему дню. Ты можешь провести остаток дня с Джексоном, начальником моей службы безопасности, и вернуться утром.

Тео кивнул, протягивая руку.

— Показывайте дорогу, сэр.

С этими словами Виктор направился к двери и вышел в коридор, а Тео последовал за ним. Я смотрела ему в спину, ожидая, когда он уйдет, но он оглянулся через плечо, еще раз встретился с моим взглядом и положил руку на дверную ручку.

Мое сердце замедлилось, а электрические разряды гудели под тяжестью его взгляда.

— Миссис Моралес.

— Мистер Альварес, — ответила я, кивнув в его сторону.

Когда дверь кабинета захлопнулась, в моем животе поселился ужас, а их шаги медленно

удалялись.

¿Qué diablos acaba de pasar? (прим. Что это, черт возьми, сейчас было?)

Будучи единственным человеком, которого я когда-либо подпускала близко, он всегда представлял угрозу. Он был опасным отвлекающим фактором, который я не могла себе позволить. Именно поэтому я ушла, не попрощавшись.

Присутствие Тео усложнило бы ситуацию, сделав эту мою маленькую игру немного сложнее, но когда я отступала перед трудностями?

Я делала все возможное, чтобы следить за его местонахождением все эти годы, убеждая себя, что это нужно для того, чтобы он никогда не подобрался слишком близко к тому, чтобы найти меня. Он провел несколько месяцев в безуспешных одиночных поисках, пока бюро не перевело его на другое дело, и он был вынужден отпустить меня.

Но стал ли он жить дальше или ему по-прежнему дорога девушка, которую он защищал все эти годы?

Мне нужно держать дистанцию на случай, если он все еще ищет ее.

ТЕО

Она была чертовски красива. Фотографии едва ли передавали ее красоту.

Я не знал, что на меня нашло, но прежде чем я смог остановиться, я обнаружил, что протягиваю руку, внезапное желание прикоснуться к ней захлестнуло мои чувства.

Но это была не самая странная часть нашего общения. Зловещее чувство овладело мной, когда кончики моих пальцев коснулись точки пульса на ее нежном запястье.

Простое прикосновение, легкое касание большого пальца к ее обнаженной коже вызвало шквал мурашек, пробежавших по моей руке, и дрожь по *нашим* телам.

У меня не было подобной реакции на кого-либо уже очень давно, особенно после нее.

Я даже не мог заставить себя произнести ее имя, потому что это заставило бы всплыть все воспоминания, которые я задвинул в самую дальнюю часть своего мозга. Не то чтобы это когда-либо срабатывало.

Воспоминания о ней всегда присутствовали в каждом уголке моего сознания, преследуя меня, как живой призрак.

Но Оливия была так похожа на *нее*.

Тонкие черты ее лица, изгиб носа, рот, от которого невозможно было отвести взгляд.

Последний раз, когда я прикоснулся к ней, все еще был свеж в моей памяти, напоминание о ее мягких губах и о том, как идеально они прилегали к моим, поселилось в моей памяти навсегда.

Оливия так сильно напоминала мне мою Софию.

Твоя София, — пробурчал голос в моей голове. *Она никогда не была по-настоящему твоей*. Он продолжал дразнить меня.

Но это была не она.

Это не могла быть она, потому что это означало бы, что я потратил последние семь лет на поиски того, кто все это время был здесь, прямо под рукой. Это означало бы, что я потратил последние семь долбанных лет на поиски того, кто не хотел, чтобы его нашли.

Потому что она никогда не писала. Никогда не искала меня.

Я все испортил той ночью, поцеловав ее, *желая* ее. Но если бы она осталась, я бы дал ей все, что она хотела. Даже если бы это была жизнь без меня.

Я только хотел, чтобы она была в безопасности, *счастлива*.

В тот вечер я был на складе, работал над нашим последним заданием, когда мне

позвонили и сообщили о стрельбе в доме сеньора Эрреры.

Бюро следило за его семьей с тех пор, как его офис объявил, что он хочет ввести в действие новый закон, ограничивающий поставки через порты. Мы знали, что картели будут не в восторге, поскольку новые ограничительные меры помешают их основному способу торговли.

За прошедшие годы мы разоблачили несколько мелких групп, но Бюро всегда пыталось найти главаря картеля. В конце концов мы выяснили, что семьи Аморетти и Валенте были не единственными в торговле наркотиками и оружием между странами. Они лишь снабжали тех, кто монополизировал этот бизнес здесь.

Однако в последние годы работы в бюро я стал больше подозревать Баррерасов, очень влиятельную семью на юге, но было трудно конкретно связать их с исчезновениями и трупами, которые, как мы подозревали, они оставляли после себя.

Кто бы за них ни отвечал, они всегда охотились за конкурирующими семьями или людьми, которые могли стать проблемой позже, но они никогда не выбирали в качестве цели высокопоставленных лиц.

По крайней мере, до того дня.

За годы работы я видел много мест преступления, но убийство Эрреров было, пожалуй, самым ужасным. Когда я прибыл на место преступления той ночью, меня встретило оглушительное эхо тишины.

И столько чертовой крови, что невозможно было даже определить, от кого она исходила.

Тогда я и нашел ее, со слабым пульсом и едва слышным дыханием. Как только я увидел ее лицо, мое сердце заколотилось в груди, а горло сжалось до невозможности.

Несмотря на всю кровь, которую она потеряла, она была самой красивой из всех, кого я когда-либо видел. Багровые пятна окрасили ее загорелую кожу, темно-каштановые локоны обрамляли ее, как ореол, ее красота сияла сквозь эту жуткое зрелище.

Я бросился к ней и попытался остановить кровь, которая сочилась из ее бока, пока мы ждали медиков, которые были уже в пути. Когда они прибыли, мы отвезли ее в больницу, где они провели несколько часов в операционной, пытаясь остановить внутреннее кровотечение, вызванное пулей.

Если бы я приехал на минуту позже или стрелок прицелился бы на миллиметр выше, она бы не выжила.

И я был бы лишен лучшего года в своей жизни. Лишенный встречи с любовью всей моей жизни, каким бы коротким ни было наше с ней время.

Все это того стоило.

После операции ее перевели в отделение интенсивной терапии для наблюдения, пока ее состояние не будет признано достаточно стабильным, чтобы мы могли перевести ее в более безопасное место, где наш собственный медицинский персонал сможет присматривать за ней во время ее восстановления.

Когда действие анестезии закончилось, она была в таком паническом состоянии, что успокоилась только тогда, когда, к удивлению, находился с ней в палате я.

Через несколько дней после операции заместитель директора навестил ее, чтобы представить назначенного агента, который должен был стать ее опекуном в программе защиты свидетелей, но она отказалась взять ее под защиту, если только я не буду тем, кто это делает.

Несмотря на то, что я вел другое дело, Бюро поручило мне охранять ее, поскольку я мог продолжать свое наблюдение дистанционно.

Я не был в восторге от идеи приостановить свою работу, но что-то, связанное с необходимостью обеспечить ее безопасность, заставило меня согласиться.

Мы провели месяцы в изоляции, чтобы убедиться, что они по-прежнему считают, что она погибла во время нападения, как и ее родители. Чтобы убедиться, что они не вернутся и не закончат начатое.

Когда я не помогал ей выздоравливать, я утопил себя в поисках того, кто сделал это с ней. Я сделал своей личной миссией найти ублюдка, который причинил ей вред.

Но мы до сих пор не знаем, кто заказал и исполнил убийство.

Когда годами работаешь над делами, подобными тем, что поручили мне, это перестраивало твое сердце. Меня наняли, чтобы присматривать за ней, но природный инстинкт защищать ее в конце концов стал более сильным, чем долг.

Ей не потребовалось много времени, чтобы оживить мою душу и вернуть ее к жизни, и я влюбился в нее.

Сильно.

Да, она была красива — вы были бы слепы, если бы не видели этого — но что действительно привлекло меня, так это ее стойкость. Несмотря на все, что ей пришлось пережить, начиная с того, что она стала свидетельницей убийства своих родителей до того, когда ее застрелили, она была сильнее большинства парней, с которыми я работал.

Я старался ограничивать свое общение с ней и избегать любых ситуаций, которые могли бы отклонить меня от профессионализма, потому что у меня была работа. Мне нужно было сохранять ясную голову, чтобы защитить ее.

Но она была очаровательна. *Опьяняющей.* Я не должен был хотеть ее. Я не мог ее хотеть.

По крайней мере, я так думал до той ночи, когда все изменилось.

Из всех людей в этом мире я влюбился в сердце, которое билось не синхронно с моим.

При мысли о том дне, когда я проснулся без нее рядом, у меня скрутило живот. Мне потребовалось все усилие, чтобы не выдать себя. Я засунул руки в карманы, чтобы никто не заметил, как я сжимаю кулаки, пытаюсь не дать гневу взять верх.

Я не видел Софию и не слышал о ней. Это не означало, что я перестал ее искать. Потому что, поверьте мне, это не так.

Семь долбанных лет я искал ее.

Честно говоря, я не знал, зачем продолжал поиски, когда она ушла от меня, не сказав ни единого слова. Но что-то глубоко внутри всегда подсказывало мне продолжать искать ее.

Звук открывающихся стеклянных дверей отвлек меня от моих мыслей. Кончики пальцев все еще покалывало от ее прикосновений, поэтому я провел ими по бедру и вышел вслед за ее мужем на террасу.

Он подвел нас к мраморному столику во внутреннем дворике, где сел в одно из кресел.

— Нам нужно кое-что обсудить. Это касается Оливии, — сказал он, жестом указывая на одно из свободных мест перед собой. — Садись.

Я в замешательстве вскинула брови, гадая, затронет ли он тему моей реакции на встречу с его женой.

— А как насчет миссис Моралес, сэр?

Я сел напротив него, откинулся на металлический стул, перекинул руку через спинку соседнего и положил каблук своей черной оксфордской туфли на другое колено.

Моралес выдохнул и медленно потянулся к пиджаку. Он вытащил небольшую пачку смятых записок и положил их на стол. Я потянулся за ними, прочитал ту, что лежала сверху, и быстро понял, что это та же записка с угрозами из досье Ноя.

Мои глаза снова переместились на последнюю строчку, где черными чернилами было написано *"позволишь ли ты истории повториться?"*. В моем сознании промелькнул образ его жены, и в груди вспыхнуло неистовое пламя при мысли о том, что ее постигнет та же участь, что и его покойную жену.

Это было нелепо. Я познакомился с ней недавно.

Она напоминает тебе Софию, — сказала та часть меня, которая все еще держалась за нее. Я внутренне проклял ее, заставив замолчать на время.

— Мистер Моралес, что они имели в виду, говоря, что история повторится? — спросил я, не в силах собрать все воедино. Я знал, что меня наняли для защиты его жены, но вся информация, которую мне дали, была туманной.

Мне нужно было знать больше.

Он не ответил. Что-то навязчивое появилось в выражении его лица. Между нами повисло молчание, но я решил не давить на него дальше. Мне нужно было, чтобы он передал мне информацию добровольно, к чему, судя по выражению его лица, он не привык. Пока я ждал его ответа, я просмотрел другие записки — ещё больше угроз с теми же каракулями.

Подождите, я думал, что была всего одна записка, но здесь их по меньшей мере дюжина.

Я снова встретил его взгляд, и он выдохнул, осматривая окружающую обстановку.

— Пожар, в котором погибла моя жена, не был случайным, — признался он. — Она была убита.

Наступила пауза.

— Все началось также с писем, но однажды ночью все обострилось, и они пришли за ней. Другие письма, которые у тебя в руках — это все те, которые я получил до того, как они забрали у меня Елену.

Они? Кто они?

Озадаченный его откровением, я переводил взгляд с него на бумаги, которые держал в руках, и обратно. Положив их на место, я нахмурил брови, прежде чем передать информацию, которую я собрал из отчета о вскрытии его жены.

— Полицейский отчет показал, что ваша жена умерла во сне от вдыхания дыма и обезвоживания, вызванного сильными ожогами. Пожарные заявили, что пожар был несчастным случаем, когда неисправный провод оборвался, вызвав электрический пожар.

Моралес замешкался, быстро оглядел меня еще раз, прежде чем поерзать на своем месте.

— Потому что мои люди сделали так, чтобы это все выглядело именно так. После того, как мы получили первую записку с угрозой жизни Елены, я попросил их не сообщать в полицию, потому что был уверен, это как отвлекающий маневр от соперника, поскольку мы работаем над расширением.

Это было неудивительно, поскольку у таких коррупционеров, как он, всегда есть хотя бы один человек в полиции, работающий на них. Но, несмотря на его открытость, я не доверял ему.

В этой истории должно было быть что-то еще, ведь зачем ему врать о смерти жены? Зачем ему скрывать это только для того, чтобы снова иметь дело со своей последней женой?

Он мрачно усмехнулся, проведя рукой по волосам.

— Не то чтобы этого никогда не случилось раньше, но это всегда были пустые угрозы.

После паузы он сглотнул.

— По крайней мере, были, пока мне не позвонил начальник полиции и не сообщил о смерти моей жены.

Он поднялся на ноги и посмотрел в сторону своего дома.

— Оливия не знает правды о смерти Елены и других письмах.

Он снова переключил свое внимание на меня, собирая записки со стола, чтобы положить их обратно в карман.

Нависнув надо мной в угрожающей позе, он положил твердую руку мне на плечо.

— Я бы хотел, чтобы все так и оставалось.

Мы встретились взглядами, раздражение скрутило мои внутренности от его вызывающего приказа. Это не было предложением. Это был приказ.

Я проглотил свою досаду.

— Хорошо, сэр, — наконец сказал я, отодвигая стул, чтобы встать, его ножки заскрежетали по каменным плитам.

— Хорошо. А теперь я попрошу Джексона показать тебе окрестности.

Я начал следовать за ним, когда мой взгляд привлек силуэт, появившийся за занавесками окна, выходящего в сад.

Я не смог защитить Софию, но я защищу *ее*.

СОФИЯ

Холодный дождь хлестал меня по лицу, когда я бежала прочь от дома, плотнее натягивая на голову капюшон толстовки. Мои ноги проваливались во влажную землю, но я продолжала бежать все быстрее.

Время от времени я оглядывалась через плечо, чтобы убедиться, что за мной не следят. Хотя я знал, что Виктор крепко спит, а ночная команда не будет делать новый обход до самого утра, никогда нельзя быть слишком осторожным.

Если я чему-то и научилась, так это тому, что в тени может скрываться кто угодно.

Огни в доме медленно угасали, погружая меня в густую темноту леса, простирающегося за домом. Земля была едва заметна, а ее неровности в сочетании с торчащими наружу узловатыми корнями превращали бег по этим лесам в чертовски трудную задачу.

Но поскольку я потратила несколько часов, исследуя их и запоминая спутниковые снимки участка и окружающих его земель, я уже знала выход.

Лишь тени лунного света просачивались сквозь густые кроны деревьев, и я пробралась на другую сторону участка.

Подсыпать снотворное в напиток *мужа* было не так-то просто, поскольку его паранойя проявилась после той небольшой посылки, которую мы получили на прошлой неделе, но я должна была быть уверена, что он не испугается, когда я уйду посреди ночи.

Как только он крепко заснул, я пробралась через окно спальни, воспользовавшись виноградными лозами, вьющимися вдоль стены дома. Я прокралась вдоль стены дома, держась вне поля зрения камер наблюдения, сливаясь с тенью, чтобы меня не было видно.

Дойдя до угла, я выглянула из-за него, чтобы посмотреть, нет ли движения в саду, а затем добралась до единственной слепой зоны на участке и бегом бросилась в лес.

Перед тем как переехать в его дом, я взломала систему безопасности и обнаружила, что камеры не охватывают западную часть сада, где находился гостевой дом.

Вот почему это не могло подождать.

Я должна была сделать это сегодня, потому что с завтрашнего дня мой новый *телохранитель* будет следить за каждым моим шагом. Выбраться незаметно будет непросто, так как он будет жить в упомянутой слепой зоне, а я не могла позволить себе быть пойманной, не после всех этих лет.

Сегодня вечером у меня был единственный шанс привести в действие остальную часть

плана.

Пробираясь через густой лес, я старалась сосредоточиться на том, чтобы добраться до места назначения. Сосредоточиться на том, ради чего я работала восемь лет, но фрагменты моей прежней жизни продолжали тянуть меня назад.

Carajo. (пер. *Черт.*)

Воспоминания нахлынули на меня, ударив прямо в грудь. Воспоминания о *нем*.

Mi luz en la oscuridad, mi cielito, mi Theo. (пер. *Мой свет во тьме, мое солнышко, мой Тео*)

Несмотря на то, что ветки царапали мои лодыжки, грязный дождь, заливающий глаза, и то, и другое пыталось вернуть меня в настоящее, его лицо было всем, что я могла видеть.

Воспоминания о нас запечатлелись в моем мозгу.

Замешательство в его взгляде, когда он увидел меня, а затем едва уловимое узнавание, которое переросло в надежду, прежде чем ее уничтожили два простых слова. *Моя жена.*

Я почувствовала, как объем моего бьющегося сердца увеличивается, сжимая легкие, выдавливая воздух и оставляя горло сжатым от образовавшегося комка.

Видеть его после стольких лет было просто невыносимо. И я не могла этого допустить. Я не могла рисковать.

На кону стояло нечто большее, чем я.

Мое сердце бешено заколотилось в грудной клетке, когда грязная земля превратилась в бетон, и я подняла взгляд на здание впереди меня. Наполнив легкие влажным воздухом, я сделала шаг вперед, пробиваясь из темноты к заброшенному сараю, где, как я надеялась, меня все еще ждала моя *Розалина*.

Дверь сарая была слегка приоткрыта, и я медленно толкнула старую, потрескавшуюся от непогоды деревянную дверь. Дверь открылась со скрипом, и я зашла внутрь. Там было темно, но сквозь трещину в крыше просачивались лучи лунного света, позволяя мне разглядеть ее фигуру.

Я вздохнула с облегчением и направилась к ней. Я наклонилась и сняла брезент, прикрывавший ее.

— Вот ты где, — сказала я, когда мои глаза остановились на непокрытой Розалине. Моя машина, на которой я провела бесчисленные ночи на ее заднем сиденье, пока не нашла приличную работу, позволяющую снимать жилье.

Я потянулась к защелке, чтобы открыть капот, и схватила ключи, приклеенные скотчем под капотом.

Дождь усилился, вдалеке гремел гром. Я подошла к краю сарая, чтобы открыть боковую дверь. Сев за руль и застегнув ремень безопасности на своей влажной груди, я завела машину. Она заглохла на мгновение, прежде чем знакомый рокочущий звук наполнил воздух.

Я выключила фары и выехала из сарая, свернув на небольшую подъездную дорожку.

Выехав на главную дорогу, я снова включила их, чтобы не вызвать подозрений у

патрульных машин. Я ехала по улицам, сворачивая на разные повороты всякий раз, когда чувствовал, что за мной едет другая машина.

Мой разум работал на автопилоте, и через полчаса я ехала по Бемесу, пока не выехала за пределы города, направляясь в свой старый район.

Я не видела это место почти целый год.

Я подъехала к задней части жилого комплекса и припарковала машину, но не стала сразу выходить. Вместо этого я выключила зажигание, ожидая, не пустит ли кто-нибудь за мной хвост.

Откинувшись на спинку сиденья, я боролась с эмоциями, подступающими к горлу из-за того, что меня заставили солгать Тео.

Все во мне, во всей этой истории с браком — даже мое имя — было ложью. Я не хотела лгать ему, но я также не смогла бы жить, если бы что-то случилось с ним из-за меня.

Я могла бы смириться с тем, что разбила его сердце, но никогда не смогла бы простить себя, если бы из-за меня оно перестало биться. В глубине души я знала, что это то, что я должна сделать.

Когда я убедилась, что за мной никто не следит, я перегнулась через консоль, чтобы взять пистолет и снаряжение, спрятанное в бардачке. Я выскользнула из машины и направилась к последней двери справа, засунув набор в задний карман и убрав пистолет за пояс.

Темный ветерок пронесся мимо меня, заставив мой нос покалывать, а кожу покрыться мурашками.

Звук автомобиля прервал тишину, и мой желудок перевернулся. *Черт.* Я оглянулась и увидела, как по улице проносится машина.

Cálmate.(пер. Спокойно.) *Никто тебя не преследует. Ты была уверена в этом.*

Дойдя до входной двери, я еще раз оглянулась и встала на колени, доставая из заднего кармана свой набор. Развернув его на боку, я достала скрепку и разогнула одну сторону. Глубоко вздохнув, я взяла маленький ключ и вставила его в нижний край замочной скважины, слегка надавив.

Повернув замок немного вправо, я осторожно надавила на скрепку и приподняла ее назад и вверх. Слегка усиливая давление ключа, я повторяла круговые движения скрепкой, пока звук, которого я ждала, не раздался в тихой ночи.

Щелчок. Рада был узнать, что не потеряла хватку.

На этот раз я полностью повернула ручку, и дверь со скрипом открылась. Я вошла в темное помещение, и холодный, затхлый запах вторгся в мои чувства. Я наморщила нос и повернулась, чтобы закрыть за собой дверь и запереть ее.

Тусклые желтые лампочки от мерцающих уличных фонарей на стоянке проникали сквозь небольшую щель в занавешенных окнах. Пыль покрывала каждую поверхность, а спертый воздух был слишком сильным, но все выглядело именно так, как я его оставила.

Перед тем как покинуть эту квартиру, когда Виктор сделал мне предложение и попросил переехать, я дала владельцу щедрый аванс, чтобы он не трогал квартиру. Получив деньги, он ушел, не проронив ни слова.

Мои ботинки скрипели по полу, когда я заходила в каждую комнату с пистолетом в руке, чтобы убедиться, что там пусто. Когда все комнаты были очищены, я подошла к единственному месту, которое действительно успокаивало мой бушующий гнев.

Вот тут-то все и началось. Где я провела бесчисленные часы, собирая информацию о

Викторе Моралесе, и нашла команду, которая поможет выполнить план.

Я села за свой стол, положила рядом пистолет и включила мониторы. Знакомое гудение разлилось теплом по моим конечностям, когда я стянула с себя влажную толстовку, и она с гулким стуком опустилась на спинку пластикового стула.

Я вздохнула с облегчением. Компьютеры были единственной постоянной частью в моей жизни. Я всегда чувствовала себя спокойнее в окружении их мягкого гула, чем где-либо еще. Они переносили меня в другое измерение, где проблем не существовало. Они никогда не разочаровывали, и я всегда могла рассчитывать на правду.

После того, как я покинула защиту Бюро, я чувствовала, что могу выжить только с помощью множества алгоритмов. Тео научил меня основам, и я нашла утешение в щелчках клавиатуры, но после отъезда у меня не было другого способа научиться.

Так, через месяц после того, как я попыталась выжить самостоятельно, я пробралась вечером на занятия по компьютерному программированию. Когда мой профессор обнаружила, что у меня нет материалов, необходимых для выполнения заданий, она одолжила мне подержанный ноутбук на семестр, и с тех пор он стал моим самым верным спутником.

За несколько коротких недель и бесчисленное количество бессонных ночей из-за кошмаров, я открыла банковский счет и защитила его, обойдя брандмауэр банка и создав свой собственный уникальный брандмауэр в их системе, чтобы его нельзя было отследить.

Затем я начала переводить небольшие суммы с различных счетов богатых людей, которые не заметили бы пропажи нескольких сотен со своих счетов.

После этого оставалось только создать псевдоним, выстроив для себя вторую линию защиты на случай, если мое кодирование будет отслежено. Подготовившись несколько лет, я начала то, что в итоге стало семью годами терпеливого ожидания подходящего момента.

Мои глаза мелькнули к фотографии моих родителей, заполнившие мой рабочий стол, ностальгия охватила меня, как приливная волна, заставив мое сердце сжаться. Я отбросила эту мысль, позволив своим пальцам пробежаться по клавишам для доступа к зашифрованному серверу, и начала набирать текст.

Немезида: Планы изменились.

ТЕО

После знакомства с Джексоном и тем немногим, что осталось от его команды, после увольнения Моралеса в связи с тем, что произошло на прошлой неделе, я направился домой, захватив по дороге еду у одного из уличных торговцев.

Я заглушил двигатель, взял пакеты с едой с пассажирского сиденья, положив телефон в карман, и вышел из машины.

С каждым шагом, который я делал, приближаясь к своей квартире, воспоминания о *ней* не давали мне покоя. Напоминание о том, что я вхожу в пустой дом, а не в тот, где была она.

Горький смех пронзил мое горло. Можно подумать, что после стольких лет я забыл ее, но все, что меня окружало, было лишь постоянным напоминанием о том, чего у меня больше нет.

Сегодняшняя встреча с Оливией Моралес добавилась в этот длинный список, ее неожиданное появление в моей жизни внесло серьезные коррективы в мой распорядок дня.

О чем я вообще думал, когда соглашался? Особенно теперь, когда я увидел, как выглядит моя новая клиентка.

Когда я с неохотой принял предложение Ноя, я не знал, что мне придется смотреть на человека, который будет постоянно напоминать мне о том, что я потерял.

El destino era un puta perra. (пер. Судьба была чертовой сукой)

В конце концов, я затащил себя в дом, ослабил галстук, ненависть к себе разгоралась в моей груди. Покончив с проверкой, я отрезал небольшой кусочек *батата* и зачерпнул им немного *заалука*, прежде чем отправить его в рот, чтобы насытить свой урчащий желудок, остальное оставила на прилавке, планируя вернуться к нему позже.

Пройдя мимо гостиной, я направился к боковой парящей лестнице, перепрыгивая через две ступеньки за раз. На верхней площадке лестницы было несколько дверей, и я направился к той, что была в самом конце, проскользнув в свою спальню.

Я снял одежду и бросил ее на кровать, затем прошел дальше в ванную комнату и включил душ.

Зайдя в кабинку, отделанную серым кафелем, я позволил ледяной воде из крана окатить мою кожу, но ничто не смогло заглушить горечь, бушевавшую внутри меня.

Опираясь одной рукой на стену рядом с ручкой, я уперлась лбом в холодный кафель, капли воды стекали по носу, затуманивая зрение.

Внезапно большие шоколадно-карие глаза и темные кудри, обрамляющие ее лицо, сменили затуманенный образ, в то время как невидимые завитки кокоса и теплого меда заполнили душевую кабину. Ощущение ее нежной кожи покалывало кончики моих пальцев, заставляя меня испытывать жгучее желание прикоснуться к ней снова.

Несмотря на все эти годы, София так глубоко засела в моем сознании, что я все еще *чувствовал* ее запах. Все еще чувствую ее. Воспоминания о ее теле под моим, ногтях, впивающихся в спину, отголосках моего имени, срывающихся с ее губ в придыхательном стоне.

Моя потребность в ней пульсировала сильнее, заставляя мой член дергаться при воспоминании о том, как хорошо было ощущать ее в своих объятиях, даже если это было всего на одну ночь.

Застонав, я тряхнул головой, чтобы отогнать видения о ней, надавил на свой твердый член, пытаясь умерить свое возбуждение при мысли о ней, но новые образы нахлынули на меня.

Бормоча проклятия под нос, я сдался, сжимая в кулаке свой разъяренный набухший член, с кончика которого уже капала сперма. Я уперся своим весом в стену, зажмурил глаза, позволяя своим мыслям дрейфовать, пока я медленно дрожил.

Вспышки мягких губ, приоткрытых для меня, кончик ее языка, облизывающий в мою отверстие, дразнящий и пробующий на вкус, прежде чем обхватить мою головку и пососать.

Ох. Блядь.

Любая унция самообладания, которая у меня была, мгновенно испарилась. Мои пальцы сжались на холодной плитке, когда я набрал скорость, двигаясь быстрее, жестче, дергая, в то время как я представлял, как моя длина входит в нее. Мои движения были грубыми, сердитыми, почти обиженными на то, что я все еще так сильно хотел ее, заставляя себя двигаться быстрее к освобождению.

Я потерялся в фантазиях о том, что она все еще моя.

Тепло разлилось по моему позвоночнику, накапливаясь у основания, и моя кровь взлетела вверх, устремившись в мои уши, заглушая звук холодной воды, окатывающей мою спину.

Я кончил в кулак с незаконным, глубоким стоном, звук вибрировал в моей груди, отскакивая от стен. Мои глаза распахнулись, и мое тело обмякло от напряжения, ожидая, когда мое бешено колотящееся сердце вернется к своему нормальному ритму.

Все, что осталось, когда я спустился с небес, — это насмехающийся надо мной след моего освобождения.

Когда я наконец вышел из ванной с полотенцем, обернутым вокруг талии, я подошел к шкафу и вытерся. Я переоделся в тренировочные штаны и взял очки, прежде чем вернуться на кухню.

Я взял содовую и отнес остатки еды со стойки в гостиную, где меня ждали документы о

моем новом задании.

Мои волосы были еще влажными, когда я сел на диван, чтобы просмотреть разложенные передо мной файлы. Я изучил фотографии, которые Ной дал мне на прошлой неделе, а также кое-какую информацию, которую я собрал самостоятельно.

Возможно, я искал больше, чем нужно, но что-то в глубине души подсказывало мне, что в этой истории есть что-то еще. Что-то в Оливии Моралес.

Конденсат капал со стеклянной бутылки на одну из лежавших под ней манильских папок. Я взял ее и сделал глоток, прежде чем откусить один из остывших *батбутов* с мясной начинкой.

Я просматривал информацию о бизнесе Виктора, когда зазвонил телефон, нарушив тишину, в которой я работал. Я проигнорировал его, взяв другой файл.

Телефон зазвонил снова, и я порылся в папках, ища его. Я перевернул трубку, чтобы посмотреть, кто звонит, но увидела на экране имя Ноя.

Застонав, я провел пальцем вправо, чтобы ответить, и включил громкую связь, затем положил телефон обратно на стеклянный столик.

— Что на этот раз? — спросил я, фыркнув.

— Ну, и тебе привет, дорогой друг, — ответил он, насмехаясь надо мной.

Не обращая внимания на раздражение, которое бурлило прямо под поверхностью моей кожи, я провел рукой по волосам, отбрасывая с лица упавшие мокрые прядки, и откинулся на спинку дивана.

— Ной, — ответил я сквозь стиснутые зубы. — Когда ты звонил в последний раз, я в итоге стал няней. Стоит ли мне также ожидать от тебя очередного ночного визита?

— Не сегодня. — Он усмехнулся. — Как все прошло?

— Отлично, — ворчала я.

— Мне нужны подробности.

Раздражение заскрежетало в моей груди, и я наклонился вперед, опираясь локтями на колени и сдвинув очки на лоб.

— Ной, это был первый день, — пробормотал я, прижимая ладони к глазам.

Он помолчал мгновение, затем прочистил горло, и шаркающий звук заполнил линию.

Я был готова поставить хорошие деньги на то, что он все еще в офисе. Ной Браун был буквально женат на работе. Он даже почти не ходил на свидания, но это, скорее всего, было связано не с отсутствием предложений, а с той зеленоглазой агентом УБН ростом пять футов четыре дюйма, в которую он по сей день отказывается признаваться, что влюблен.

Он вздохнул.

— Просто держите меня в курсе, если заметишь что-то необычное.

Щелчок.

Я в недоумении посмотрел на свой телефон. Это было странно. Мне действительно нечего было сообщить, но это было не похоже на Ноя, чтобы он так легко сдался. Он был из тех, кто будет допытываться, пока не получит именно тот ответ, который искал.

Его голос звучал напряженно, почти на грани, но он повесил трубку прежде, чем я успел попросить его уточнить.

Я отбросил сомнения по поводу его поведения и уставился на документы, продолжая сортировать информацию в поисках подсказки, указывающей на то, во что мог быть замешан Моралес.

На этот раз зажужжал мой телефон, и я наклонился, чтобы поднять его, думая, что Ной

написал мне сообщение.

Но это был не он.

Я провел пальцем по уведомлению, разблокировав телефон. Я подождал немного, пока он направит меня к приложению, которое сейчас показывало прямую видеотрансляцию снаружи дома Моралесов, и мой экран разделился на шесть квадратов.

Ранее сегодня, пока Джексон отвлекся, объясняя, как все работает, я установил небольшой чип в их систему безопасности, чтобы убедиться, что я буду предупрежден о любом движении вокруг дома в те периоды, когда команда либо спит, либо не ведет активного наблюдения.

У них была надежная система, но я никогда ничему не доверял, если сам не приложил к этому руку.

Я открыл запись с камер наблюдения и пролистал разные слайды, ища источник, который вызвал тревогу в моей системе.

Я уже собирался положить телефон обратно, думая, что его могло спровоцировать животное, когда заметил мерцание на экране, но оно исчезло так же быстро, как и появилось.

Что за...

Зная, что мне это не показалось, я перемотал запись назад и сделал паузу, когда тень чего-то снова мелькнула в углу экрана. Едва заметная фигура прижалась к стене, а затем исчезла в слепой зоне.

Казалось, на участке была слепая зона, прямо там, где находился домик у бассейна. Как раз там, где я бы остановился.

Я приблизил изображение нарушителя, и хотя его лицо было едва видно под капюшоном, я сразу узнал его.

В поле зрения попала жена Моралеса.

Что она делает на улице в такое время? И, что еще важнее, почему она избегает камер?

Я уставился на лежащие передо мной документы, пролистывая каждую страницу заново и останавливаясь на фотографии Оливии, чтобы убедиться, что мои глаза меня не обманывают, но это лишь подтвердило мою первоначальную догадку.

Возможно, мне придется присматривать за ней не только ради ее безопасности.

Оливия Моралес станет проблемой, решение которой доставит мне удовольствие.

СОФИ

Я

Я закончила вписывать последний код в систему, когда солнце выглянуло из-за горизонта, его лучи пробирались сквозь края штор, освещая деревянные полы. Меня пробрала дрожь, холодный пот покрыл мое тело.

Я поднесла одну руку к виску, массируя легкую пульсацию в черепе, прежде чем потянуться, чтобы размять спину, которая болела всю ночь из-за слишком долгого разглядывания монитора.

Удовлетворившись своей работой, я нажал enter, и экран погас, прежде чем посыпались ряды цифр, уничтожая все улики с жесткого диска, прямо перед его выключением.

Схватив телефон со стола, я натянула свою уже высохшую толстовку с капюшоном, запах дождя окутывал меня до тех пор, пока я не высунула голову наружу. Снаружи воздух был все еще холодным, но, к счастью, дождя не предвиделось.

Подул легкий ветерок, когда я направилась к машине с пистолетом в руке. Я села за руль, положила пистолет обратно в бардачок и выехала, направляясь к месту по адресу.

Вернувшись в город, я припарковалась на просёлочной дороге, оставив машину с ключами под сиденьем, и направилась к третьему стволу дерева слева, где меня ждал стационарный телефон. Захватив пластиковый пакет, спрятанный в старом логове животного, я направилась обратно к главной дороге.

Полагаясь на то, что еще слишком рано, чтобы кто-то еще выходил на улицу, я трусцой преодолела последние пять миль, отделявшие меня от дома.

Полчаса спустя моя голова непрерывно пульсировала при каждом ударе ноги о тротуар. Несмотря на все принудительные тренировки, через которые Тео заставил меня пройти, я все еще чертовски ненавидела бег. Но я не могла вернуться в старый сарай. Это было бы слишком рискованно, а я не могла позволить себе попасться.

Когда я вернулась в наш район, я достала свой телефон и посмотрела на время.

Черт.

Ребята скоро начнут обход, и мне нужно было быть там до прибытия утренней бригады. Я ускорила шаг, огибая угол нашей улицы, чтобы успеть добраться до дома до того, как кто-нибудь увидит меня и начнет задавать вопросы.

Я ввела код на воротах и быстро закрыла их за собой, после чего побежала по

подъездной дорожке и остановилась на полпути. По лбу стекали капельки пота, а ноги горели. Жестокая судорога свела левый бок, и мои руки упали на колени. Я зажмурила глаза, пытаюсь отдышаться.

— Миссис Моралес, — произнес грубый голос, заставив меня вздрогнуть. — Могу я спросить, что вы делаете на улице в такую рань?

Я отпрыгнула назад, повернув голову в сторону источника звука, рука подлетела к горлу. Я медленно подняла голову, разлепляя веки, чтобы встретиться взглядом. Паника захлестнула меня, и я тяжело сглотнула из-за сухости в горле, когда столкнулась лицом к лицу ни с кем иным, как с Тео.

Debes estar bromeando. (пер. Да, вы издеваетесь) Что он делает здесь в такую рань?

На нем был черный свитер, облегающий его грудь, темно-серые брюки, подчеркивающие очертания его бедер. Его густые темные кудри были в беспорядке, словно он беспрестанно проводил по ним пальцами.

Dios mío. (пер. Боже мой) Почему он должен был так выглядеть?

Проведя руками по лицу, я с силой выдохнула.

— Я просто вышла на пробежку. Что ты здесь делаешь?

— Я здесь работаю. Вам не следует гулять тут одной, — обвиняюще сказал он.

— Я в порядке, — резко ответила я.

— Миссис Моралес, вам следует более серьезно относиться к своей безопасности.

Я смерила его взглядом.

— Кто сказал, что я не отношусь серьезно? — ответила я, чувствуя как начинаю выходить из себя, и как наполняется чаша моего терпения, когда я прошла мимо него и направилась к входной двери.

Я вошла в дом, Тео следовал прямо за мной. Я миновала арку и прошла через коридор, который вел в заднюю часть дома. Когда я вошла на кухню, меня охватило облегчение.

Я взглянула на часы над плитой. До прихода Джексона и остальных сотрудников еще оставалось время, чтобы обсудить все за завтраком.

Массируя одной рукой поясницу, я пересекла комнату и подошла к шкафу рядом с плитой и встала на цыпочки, чтобы достать ибупрофен на верхней полке.

Прежде чем я успела схватить его, тепло его груди прижалось к моей спине, когда он навис над моей головой.

— Вот, — сказал он, ставя бутылочку передо мной.

От его близости мое сердце заколотилось в груди. Я прикусила губу, чтобы у меня не перехватило дыхание. Наши пальцы соприкоснулись, когда я взяла бутылочку из его руки и крепко сжала ее, желая, чтобы мое колотящееся сердце успокоилось.

Он не задержался ни на секунду и отступил, но присутствие его тела оставалось рядом с моим.

Страхнув с себя это чувство, я закрыла дверцу шкафа и повернулась, чтобы увидеть его, прислонившегося к холодильнику с бутылкой воды в руке.

— Я могла бы сделать это сама.

Мой голос прозвучал более хрипло, чем обычно, показывая, насколько сильно его присутствие повлияло на меня.

Он оттолкнулся от стальной дверцы, оперся локтями о кварцевую столешницу и протянул бутылку в мою сторону.

— Простого спасибо будет достаточно.

Я промолчала, оставив воду, которую он протянул мне, на столе. Я достала из бутылочки четыре таблетки ибупрофена и проглотила их, не сводя с него взгляда.

Он усмехнулся, его глаза слегка прищурились в уголках, когда он потирал свободной рукой бороду.

— Принято к сведению.

Его выражение лица стало серьезным, и несколько мгновений мы просто смотрели друг на друга. Я вспомнила, как мы были в таком же положении, когда только начали жить вместе после того, как меня выписали из больницы.

Травмы, которые я получила, не позволяли мне двигаться в течение первых нескольких недель после операции, и Тео приходилось практически во всем мне помогать, что мне не очень нравилось.

Я никогда не умела отдавать контроль и боролась с ним из-за каждой мелочи. Мне не нужна была помощь. *Я не хотела* помощи. Разумом я понимала, что он просто пытается облегчить мне жизнь, но я не заслуживала помощи. Не тогда, когда оба моих родителя не имели такой возможности.

Когда в его глазах мелькнул блеск, я подумала, не думает ли он о том же. Но потом я вспомнила, что даже если это и так, я была кем-то другим.

Чем дальше я смотрела на него, тем сильнее чувствовала, как рваный шрам в моей груди медленно разрывается.

Горловой звук отвлек нас от наших мыслей, и мы оба повернулись к источнику звука, и обнаружили Виктора, прислонившегося к раме двери, соединявшей холл с кухней. Укоренившаяся реакция на его присутствие заставила мою маску прочно встать на место.

Я выпрямила спину и подошла к нему, изобразив на лице улыбку.

— *Buenos días, mi amor.* (пер. *Доброе утро, любовь моя*) Как спалось?"

Я позволила ему обхватить себя руками, его пальцы крепко сжали мое плечо, когда он притянул меня ближе. Я повернулась к нему лицом и откинула голову назад, когда он запечатлел легкий поцелуй на моих губах. Я едва сдержалась, чтобы не нахмуриться, прежде чем отстраниться.

— Я в порядке, *mi amor*, хотя я чувствовала себя немного вялой, когда проснулась. — Он сделал паузу. — Подожди, почему ты не была в постели сегодня утром и почему ты мокрая? — спросил он, слегка оттолкнув меня с отвращением, когда понял, что я вспотела.

Зная, что Тео наблюдает за нашим разговором, я положила руку ему на грудь и хихикнула. Я хихикнула, потому что именно так поступают женщины, влюбленные в своих мужей, верно?

— Я вышла на пробежку. — Я старалась, чтобы мой голос звучал нежно и невинно.

— И с каких пор ты бегаешь? — спросил Виктор со скептическим выражением на лице.

— Девочки из загородного клуба сказали, что это хорошая идея.

— Я согласен, тебе это нужно.

А тебе нужна пуля в твою голову.

Я проигнорировала его заявление, сохраняя улыбку на лице.

— Я собираюсь принять душ.

— Так иди, — сказал он и наконец обратил свое внимание на Тео, как будто только что заметил, что тот находится в комнате.

Я направилась в коридор, их голоса отдалялись, когда я достигла лестницы и направилась в душ.

ТЕО

Я был ее телохранителем всего три дня. Всего три гребаных дня, а она уже сводила меня с ума.

Поскольку работа требовала нахождения с ней почти двадцать четыре часа в сутки, она не жалела ни минуты, чтобы превратить мою жизнь в ад, пытаясь уклониться от моей защиты при каждом удобном случае.

Идти наперекор всему, что я говорил, казалось ее новым любимым занятием. Как будто все остальное было против ее натуры. Я бы поставил хорошие деньги на то, что она просыпалась каждое утро и планировала мою гибель как свою медитацию.

Мысленные упражнения, которые я делал, когда мы оставались наедине, были напряженными, поскольку я заставлял себя не душить ее красивую шею и не приковывать ее наручниками к себе, чтобы убедиться, что она никуда не уйдет без меня.

Я бы никогда не причинил вреда женщине, но один взгляд на Оливию, и, клянусь, она заставила меня забыть о своих принципах и преподать ей пару уроков о том, как себя вести.

Не то чтобы идея перекинуть ее на мое колено не была привлекательной.

Эта мысль улетучилась, когда я услышал, как хлопнула входная дверь и с шумом открылась дверь гаража.

Только не снова.

Я вышел на улицу и встал на подъездной дорожке перед дверью гаража. Наши глаза встретились через зеркало заднего вида, как только она заметила меня, но вместо того, чтобы выйти из машины, она включила передачу и дала задний ход.

В эту игру могут играть двое.

Я оставался на месте, сохраняя зрительный контакт, пока задняя часть машины не задела мои колени.

Поставив машину на стоянку и заглушив двигатель, она открыла дверь и вышла.

— Уйди с дороги, — приказала она.

Я глубоко вздохнул, повторяя про себя, что убийство своего клиента никогда не было хорошей идеей, какой бы привлекательной ни была эта мысль.

— Куда мы едем?

— Мы никуда не едем. Мне нужно выбрать платье для торжества.

— Ключи, миссис Моралес, — настаивал я.

— Вам не нужно идти со мной. Я уверена, что у вас есть дела поважнее, чем ходить по магазинам платьев. Уверяю вас, это довольно скучно.

— Вообще-то, я нахожу покупку платьев весьма увлекательным занятием. Теперь о ключах. Я не люблю повторяться.

Она стояла там, свирепо глядя на меня. Через некоторое время на ее лице появилось понимание, что я не сдвинулся с места, и она бросила связку ключей в мою сторону.

— Хорошая девочка, — прошептал я себе под нос, уголки моих губ дернулись, когда она протиснулась мимо меня, направляясь к пассажирской стороне.

Я последовал ее примеру и сел за руль. Оказавшись внутри, я повернулся к ней, в то время как она уткнулась носом в свой телефон, быстро печатая пальцами.

— Куда едем?

Мы ехали в тишине, единственным звуком было постукивание пальцев по ее телефону. Двадцать минут спустя мы припарковались на другой стороне улицы, вылезли из машины и направились в *Anaya*, небольшой бутик, расположенный в центре Бемеса.

Как только мы вошли в дверь, две продавщицы встретили нас своими лучшими улыбками.

— Добрый день, миссис Моралес. Очень приятно видеть вас снова, — сказала более высокая из них, поприветствовав Оливию поцелуем в щеку.

Оливия натянула на лицо ленивую улыбку, поприветствовав ее в ответ. — И я тебя, Мария.

Затем Мария обратила свое внимание на меня, одарив меня такой же улыбкой.

— Вы, должно быть, ее муж, — сказала она, протягивая мне руку.

— Нет, — твердо ответили и Оливия, и я.

Я прочистил горло и обхватил ее руку в крепком рукопожатии.

— Я ее телохранитель.

Она застенчиво засмеялась, румянец пополз по ее шее, когда она извинялась.

— Мне очень жаль, я просто подумала...

Ее помощница вставила свое слово, прервав ее в этот напряженный момент.

— Не желаете подкрепиться? — спросила она, и мы оба покачали головой в ответ.

— Тогда пойдем посмотрим, что мы для вас приготовили, — сказала Мария, положив руку на спину Оливии и направляя ее к месту, где на вешалке рядом с примерочными висели заранее выбранные платья.

Я закрыл за собой входную дверь, окинув взглядом магазин. Кроме нас он был пуст, скорее всего, это была любезность Моралеса. Вероятно, он арендовал помещение на день, чтобы его жена могла спокойно делать покупки.

Когда их болтовня затихла на заднем плане, я осмотрел помещение. Несмотря на то, что снаружи бутик выглядел довольно маленьким, внутри он был довольно просторным.

Длинные черные шторы свисали с черной стальной конструкции, обрамляя раздевалки. Рядом с ними на стене висело большое старинное зеркало, а прямо перед ним располагалась

небольшая платформа, с которой свисала хрустальная люстра.

Посреди комнаты стояла синяя бархатная кушетка, а перед ней — темный деревянный стол, на котором лежала стопка различных журналов.

В здании было два выхода. Один спереди, а другой сзади, что я заметил, когда мы вошли. Магазин освещался только одной камерой наблюдения. Несмотря на большие окна, украшающие фасад, витрины скрывали большую часть улицы, что было только на руку для защиты от посторонних глаз.

Мы просидели, казалось, несколько часов, пока она примеряла платье за платьем. Ассистентка магазина, Сара, как я узнал позже, постоянно спрашивала меня, не хочу ли я присесть, и я каждый раз вежливо отказывался. Я знал, что если сяду на этот плюшевый диван, то, скорее всего, засну, и ни за что на свете я не собирался давать Оливии повод использовать его против меня.

Кроме того, диван не позволял мне как следует разглядеть Оливию.

Хотя я пытался убедить себя в том, что это решение продиктовано чисто профессиональными соображениями, что мой долг — постоянно присматривать за ней, в глубине души я не мог отрицать, что отчасти мои мотивы были чисто эгоистическими.

Потому что с того места, где я стоял, у меня был прекрасный вид на нее каждый раз, когда она выходила из раздевалки в этих *чертовых* платьях.

Возможно, это противоречило всем правилам, которые я установил, когда дело касалось моих клиентов, но в Оливии Моралес было что-то *особенное*. Я просто ничего не мог с собой поделать.

Я не понимал, почему это заняло так много времени. Все, что она примеряла, выглядело на ней прекрасно. Каждый раз, когда она выходила, мне стоило больших усилий не пялиться на нее. Я пытался отвести взгляд, но не мог перестать восхищаться ею, мое внимание было захвачено ее присутствием.

Прошло еще больше времени, прежде чем я услышал, как Мария сказала: "Я думаю, эта возможно та самая. Что думаете?"

Я вскинул голову, чтобы посмотреть, что они решили, но я не был готов к тому, на что упал мой взгляд. Я никогда не думал, что буду настолько *загипнотизирован* этим зрелищем.

Я зачарованно смотрел, как она отдернула занавеску и вышла из примерочной, черное платье облегло ее тело, словно было создано для нее, облекая каждый изгиб ее фигуры.

Черт возьми, она была прекрасна.

Она была самым изысканным человеком, которого я видел за долгое время, ее красота была почти неземной.

Ее волосы мягкими, распущенными локонами ниспадали на обнаженную спину, касаясь поясицы, из-под ткани слегка выглядывал призрачные две ямочки, умоляя мой язык исследовать их.

Она взяла волосы в руку, откинула их за спину и обернулась, чтобы получше рассмотреть. Ткань прикрывала сзади, поднимаясь прямо над изгибом ее задницы.

Мои глаза не могли определиться, куда смотреть, пока они блуждали по каждому сантиметру ее тела. Я продолжал разглядывать ее, пока ощущение ее взгляда не обожгло мою кожу.

Наконец я поднял голову, наши глаза встретились, и на мгновение в комнате остались только мы. Выражение ее лица послало электрический разряд прямо в мою грудь, и мне потребовалось все, чтобы не отреагировать физически. Она смотрела на меня с такой

нежностью, что у меня в голове возникло множество вопросов.

Но все мои мысли прервались, когда она в мучительном темпе провела руками по своим бокам и талии. Мое дыхание сбилось, в горле застрял комок.

Ее веки сомкнулись, а рот слегка приоткрылся. Мой взгляд перескочил с ее глаз на рот. В моем сознании возникли образы того же выражения ее лица, но при совершенно других обстоятельствах, и меня вдруг охватило отчаянное желание узнать, какова она на вкус.

Она медленно открыла глаза, и я оторвал от нее взгляд, проведя рукой по волосам.

— Я думаю, оно идеально, — услышал я слова Оливии, когда она вернулась в раздевалку, чтобы переодеться обратно в свою одежду.

Какой бы заманчивой ни была мысль о ней, я не мог.

Я никогда не позволял себе переступать эту черту.

На протяжении многих лет я пытался утопить свои эмоции и обиду в алкоголе и сексе, но никогда не мог заставить себя поддаться искушению. Каждый раз, когда женщина прикасалась ко мне, прикосновения, отпечатавшиеся на моей коже, горели сильнее, делая невозможным стереть Софию из моего сознания. Даже на одну секунду.

Как только они договорились, что платье будет выбрано за день до мероприятия, мы направились к выходу. Мы оба потянулись к двери, прежде чем она сделала шаг назад, позволяя мне сделать это за нее.

Мы прошли к парковке на другой стороне улицы, в воздухе витало напряжение и тишина. Как только мы добрались до машины, она повернулась, чтобы что-то сказать, но мой взгляд сфокусировался на белом конверте, приклеенном к лобовому стеклу под одним из дворников.

Я осмотрел окрестности, но ничего не обнаружил, пространство было абсолютно тихим. Я толкнул ее за собой и опустил на пол, ища любые признаки изменений в машине.

Поднявшись на ноги, я переключил свое внимание на нее.

— Внутрь, миссис Моралес, — приказал я ей, жестом приглашая сесть в машину. Зная, что она не послушается, я добавил — Сейчас же.

Я подождал, пока захлопнется пассажирская дверь, и пошел за конвертом.

Я достал записку из конверта и прочитал ее содержание. На кремовой бумаге было нацарапано только одно предложение — три слова.

Время истекает.

СОФИЯ

Прошло несколько дней с момента последней угрозы. Или лучше сказать, моей последней угрозы.

Прочитав записку, Тео подбежал к водительскому сиденью и уехал. Как только мы подъехали к дому, он сразу же направился в кабинет Виктора, где рассказал ему о сегодняшнем событии, Джексон присоединился к ним вскоре после этого, поскольку его уже проинформировали, пока мы добирались до дома.

Они провели остаток дня и ночь, а также последующие дни, проверяя бумагу на наличие отпечатков и анализируя написанное, сравнивая его с другими записями.

К несчастью для них, ни на конверте, ни на маленькой записке, которая была внутри, не было отпечатков пальцев. Однако они нашли сходство в почерке, но, несмотря на эту маленькую победу в их глазах, я знала, что этот почерк они никогда не смогут сравнить ни с чем из баз данных, по которым они его проверили.

Я была чертовски хороша в своем деле, так что, конечно, они ничего не найдут.

— Я с нетерпением жду гала-концерта в следующем месяце. Я слышала, что вы прекрасно справляетесь со своей работой.

Я перестала вертеть шампанское в своем бокале и посмотрела вверх.

Я болтала с одним из деловых партнеров моего мужа, кажется, целую вечность. Он и его жена пригласили нескольких из нас, чтобы отпраздновать пополнение в их семье, и он все время рассказывал о своей новорожденной дочери, показывая мне бесчисленные фотографии, которые он сделал на свой телефон.

Тео сегодня не работал, так как это был обычный ужин, а Джексон в качестве меры предосторожности был выставлен на улицу. Они не сочли нужным, чтобы они оба были здесь сегодня вечером. Кроме того, это вызвало бы подозрения у всех, а Виктор не мог этого допустить.

Ему нужно было сохранить свой имидж. Никто не должен был знать об особенных подарках, которые мы получали.

Я все еще не могла вспомнить, как его зовут, когда Виктора прервал звонок от одного из его зарубежных контактов. Он отошел в укромный уголок комнаты, подальше от любопытных ушей, но достаточно близко, чтобы я могла слышать шепот его разговора.

Я почти не обращала внимания на мужчину рядом со мной, наблюдая за своим мужем

краем глаза.

Его плечи мгновенно напряглись, лицо скривилось, когда он получил ту новость. Затем я услышала, как Виктор пробормотал что-то о пропущенном грузе, который должен был прибыть в порт на прошлой неделе, к чему я, возможно, приложила руку, а возможно, и нет.

— Оливия? — спросил хозяин этого вечера.

— Да, я с нетерпением жду, когда все будет готово, — наконец ответила я, вежливая улыбка тронула уголок моего рта. Он продолжил рассказывать о своей дочери, и я пропустила мимо ушей его бессвязный бред.

Затем я почувствовала его раньше, чем услышала. Я заставила себя не отшатнуться от его приближения.

— А, вот где ты, — объявил Виктор, прервав дальнейший разговор и обхватив меня за талию. — Спасибо, что пригласил нас сегодня вечером, Брайан. Но нам, к сожалению, пора идти.

— Правда, уже? — густые брови Брайана сошлись на переносице.

— Да, долг зовет, — настаивал Виктор, его рука крепче обхватила мою талию.

Да, он действительно был недоволен тем досадным казусом с грузом.

— Что ж, было приятно увидеть вас двоих сегодня вечером, — закончил Брайан.

Он тепло улыбнулся мне, а затем перевел взгляд на Виктора.

— Ты очень счастливый человек, — сказал он, подмигнув ему. Виктор мог показаться спокойным любому, кто смотрел на него, но я провела столько лет, изучая его, что была настроена на небольшие изменения в поведении.

Именно поэтому я знала, что сейчас в нем нет ничего спокойного. Он напрягся рядом со мной, и невинная похвала заставила пальцы моего мужа в ответ впиться в мое бедро.

— Не знаю, что бы я без нее делал. — Он усмехнулся и поцеловал меня в макушку.

То, что, вероятно, выглядело как проявление привязанности, было просто напоминанием, предупреждением о том, что должно произойти. Несмотря на его жесткие объятия, порожденные ревностью и собственничеством, Виктор до сих пор не поднял на меня руку, и я знала, что его жена не была посвящена в эту судьбу.

Но интуиция подсказывала мне, что сегодняшней вечер может закончиться для меня не очень хорошо, и я должна была подготовиться к удару.

Попрощавшись с остальными гостями, мы направились к дому, и всю дорогу меня раздражало напряженное молчание Виктора.

Омар высадил нас на подъездной дорожке, и мы оба поднялись по маленьким ступенькам и вошли в парадную дверь. Как только за мной закрылась дверь, я наклонилась, снимая каблуки один за другим.

Каблуки определенно будут одной из многих вещей, по которым я не буду скучать после того, как этот фарс закончится.

— Что ж, сегодняшний вечер был замечательным. Я собираюсь подняться наверх, чтобы принять душ, — сказала я, поднимаясь по лестнице и держась рукой за перила.

Голос Виктора остановил меня на полпути.

— Ты выглядела довольно уютно с моим коллегой. О чем вы говорили?

Ну вот опять.

Я посмотрела вниз на него. Он все еще стоял у двери, засунув руки в карманы.

— Ничего особенного, *mi amor*. — Я говорила спокойно, пытаюсь отбиться от его вопросов, которые, как я знала, ни к чему к хорошему не приведут.

— По-моему, это так не казалось, — сказал он с легкой ноткой раздражения в голосе, его плечи напряглись под тканью костюма.

— Виктор, — начала я.

— Оливия, я задал тебе вопрос.

На этот раз его тон был более резким, выражение его лица потемнело, когда он шагнул вперед. Я инстинктивно отступила назад, пытаюсь избежать гнева, исходящего от его тела.

Сохраняй спокойствие, София.

— Виктор, мы просто говорили о предстоящем благотворительном вечере, который я планирую, и о его новом ребенке.

Его недоверчивый смех наполнил комнату.

— Просто разговаривали? Я видел, как он смотрел на тебя. — Он сделал паузу. — Я видел, как ты смотрела на него.

Этот человек, блядь, серьезно?

Я знала, что Тео, вероятно, уже спит, но мне нужно было разрядить ситуацию, пока он не услышал шум и не решил ворваться в нее.

Я спустилась обратно вниз и встала перед ним, положив руку ему на бицепс. Я почувствовал, как от ярости он дрожит всем телом. Я хотела сказать ему, что он придает этому слишком большое значение, но любое обвинение, только накалило бы и без того напряженную атмосферу.

Вместо этого я тихо рассмеялась и улыбнулась ему.

— *Mi amor*, он счастлив в браке, как и я. Давай просто ляжем спать, хорошо?"

Что-то изменилось в его взгляде, но я решила не обращать на это внимания.

Я направилась обратно к лестнице, но прежде чем я успела сделать это, он схватил меня за запястье и крутанул, ударив спиной о стену, отчего мои плечи пронзила острая боль.

Он навалился на меня всем телом, его пальцы сжались вокруг моих костей, и боль пробежала по моей руке.

— Этот разговор еще не закончен, — процедил он сквозь зубы.

Я посмотрела вниз, на его карающую хватку на моем запястье, на мою руку, зажатую между нашими телами. Снова посмотрев на него, я спокойно сказала: "Виктор, отпусти меня".

Вместо того чтобы отпустить меня, он развернул меня и заломил руку за спину, впечатать в стену в качестве наказания. Мое лицо ударилось об оштукатуренную стену, громкий стук разнесся по комнате и заставил мое зрение расплыться.

Черт. От этого останется синяк.

Этот звук вывел его из гневного транса, и его рука тут же опустилась.

— Фу, посмотри, что ты заставила меня сделать, — сказал он раздраженно.

Этот человек серьезно? Он ударил меня, и теперь это была моя вина. Боже, как же мне не терпелось всадить пулю ему череп.

Я подавила желание отомстить и проигнорировала пульсирующую боль в своем лице, прежде чем повернуться к нему. Он молчал, а я просто смотрела на него, его глаза блуждали по моему израненному лицу, презрение переполняло его.

— В следующий раз знай свое место, — наконец сказал он, и в его словах было предостережение. Он развернулся на пятках и вихрем промчался по коридору в свой кабинет.

Когда дверь за ним захлопнулась, я поднесла руку к щеке, надеясь, что это притупит

боль, пока я поднималась по лестнице. Я вошла в спальню, направилась напрямик в ванную.

Включила свет и закрыла за собой дверь, прежде чем включить душ. Я взяла несколько обезболивающих из шкафа и наклонилась, чтобы запить их водой из раковины.

Я провела рукой по рту и посмотрела вверх, впервые увидев себя в зеркале. Я подняла руку, осторожно коснувшись опухшего места, и вздрогнула от прикосновения.

Я прислонилась к стойке в ванной, напоминая себе, что делаю это не просто так.

Ты получишь то, что тебя ждет, Виктор Моралес.

СОФИЯ

Сегодня был еще один ужасный день, наполненный напряженными встречами по предстоящему сбору средств, начиная с составления бюджета и заканчивая поиском предметов для аукциона.

Сейчас я сидела на последней встрече с одним из самых элитных представителей Бемеса, чтобы заручиться его поддержкой, и с нетерпением отсчитывала минуты до ее окончания.

Селена Фарес недавно была избрана губернатором, и она оказалась более избирательной в вопросах составления бюджета, чем ее предшественница.

Она вела личную войну с незаконной торговлей наркотиками и оружием, из-за чего не решалась вкладывать деньги во все, что вызывало у нее хоть малейшие подозрения. Она безжалостно стремилась искоренить коррупцию в нашем городе, особенно после того, как ее сын попал под перекрестный огонь неудачной сделки.

Хотя это была довольно почетная миссия, я не верила, что что-то может уничтожить болезнь, которая так глубоко пустила корни за последние два десятилетия.

Картель Баррера приобрел монополию, когда я была еще молода, и железным кулаком управлял большей частью страны. С годами они установили прочные связи за границей с испанцами и итальянцами, уничтожив тем самым большую часть своих конкурентов.

Они довели свой легальный бизнес до такой степени, что поймать их было крайне сложно. Все, что власти теперь имели на них, было лишь косвенным, и они старались держаться в тени в Баб-эль-Мансуре, где находилась их штаб-квартира.

И, по иронии судьбы, там, откуда я родом.

Я знала все это, несмотря на то, что был оттуда родом, только потому, что навела справки о Викторе Моралесе, и так получилось, что он поддерживал с ними отношения. Ему было поручено проводить их торги в порту Бемес, отслеживая, что поступает и выходит из него, незаконно или нет.

Мы с моей помощницей Мариам, которая присоединилась ко мне на этой последней встрече, уже час ходили взад-вперед с губернатором Фаресом, пытаясь выманить у нее потенциальные инвестиции, когда в комнате раздался звонок телефона. Все сидящие за столом посмотрели на свои телефоны, но звонок, похоже, исходил не от кого-то из нас.

Звонок раздался снова, и я оглянулась через плечо, где стоял Тео.

Он вытащил телефон из кармана и посмотрел на звонившего, его невозмутимое выражение лица быстро изменилось.

— Мне очень жаль, миссис Моралес, но я действительно должен ответить, — объявил Тео, на его лице отразилось беспокойство. Он быстро извинился перед остальными присутствующими за то, что прервал разговор, и прежде чем поспешно уйти, захлопнул за собой дверь.

Мариам взяла на себя разговор, обсуждая цифры и логистику, в то время как я не обращала внимания на их голоса, мои мысли вернулись к внезапной перемене в поведении Тео, что случалось нечасто.

Тео никогда раньше не отходил от меня, не говоря уже о телефонном звонке. Я была благодарна, что встреча уже заканчивается, потому что любопытство узнать, что было настолько важным, что он ответил на личный звонок по работе, взяло верх.

— Мой помощник свяжется с вашим, — сказала Селена, выведя меня из задумчивости.

Назначив дату следующей встречи, мы пожали друг другу руки, и я вышла из ее кабинета, расставшись с Мариам, как только мы закончили обсуждение завтрашней повестки дня.

Тео находился в другом конце коридора, его тело было напряжено, когда он расхаживал взад-вперед. Я наблюдала за ним издали, слыша, как он коротко ответил "хорошо" тому, кто был на том конце, после чего повесил трубку и набрал другой номер.

Как только другой номер ответил, он заметно расслабился, его плечи опустились от облегчения, а в уголках губ появилась тень улыбки.

— Привет, *mijita*, — поприветствовал он собеседника, и у меня свело живот от того, что он использовал ласковое обращение.

Я стиснула челюсть, позволяя его голосу донестись до меня, ревность медленно пробиралась по моим венам, обвиваясь вокруг мышц и туго натягивая их.

Хотя у меня не было никакого права на Тео, одна мысль о том, что он может принадлежать другой женщине, приводила меня в ярость.

Я знала, что это я ушла, но я не собиралась уходить навсегда. Я знала, что не могла ожидать, что он будет ждать вечно, но в глубине души я желала, чтобы он никогда не двигался дальше, чтобы он дождался меня.

Это было эгоистично, но я ничего не могла с собой поделать.

Закончив разговор с той, кем бы она ни была, он вернулся к тому месту, где я стояла, с извиняющимся выражением лица.

— Я очень сожалею, что прервал вас ранее. Этого больше не повторится. — Он сделал паузу, обдумывая свои следующие слова. — Возникла небольшая семейная проблема. Ничего, если мы сделаем небольшую остановку на обратном пути? Это не займет много времени.

Я проглотила комок в горле, который образовался, когда он произнес слово "семья".

— Конечно, — решительно ответила я.

Через двадцать минут мы припарковались перед старым зданием, на фасаде которого синими металлическими буквами было написано Vemes Valley. Маленькая девочка сидела на скамейке в нескольких футах от входной двери, рядом с ней стояла пожилая женщина.

Это объясняло, почему он заскочил в магазин по дороге сюда, чтобы купить автокресло.

Я не могла четко разглядеть ее лицо, но на вид ей было не больше пяти лет. На ней было что-то похожее на школьную форму, за спиной висел желтый рюкзак. Она свесила свои короткие ноги на край скамейки, ее глаза блуждали по сторонам, пока она терпеливо ждала кого-то.

Это...? Нет, не может быть.

— Оставайтесь внутри. Я ненадолго, — сказал он, нарушая пьянящую тишину, которая окружала нас во время поездки. Он быстро вышел из машины, захлопнул за собой дверь, обогнул капот и подбежал к ней.

Несмотря на его предупреждение, я выскользнула наружу, желая посмотреть поближе.

Как только она заметила его, девочка спрыгнула со скамейки и подбежала к нему, ее радостные крики наполнили воздух. Ее темные волосы развевались за спиной, когда она мчалась к нему, а загорелое лицо озаряла лучезарная улыбка.

Как только Тео достиг ее, она бросилась к его длинным ногам, поскольку это была единственная часть его тела, до которой она могла дотянуться со своего роста.

Я подошла поближе, руководствуясь сильным желанием понаблюдать за их общением. Мои шаги замедлились, когда я была достаточно близко, чтобы слышать их, но не настолько близко, чтобы быть замеченной, поскольку их внимание было полностью сосредоточено друг на друге.

Я еще не могла полностью разглядеть ее лицо, но я могла видеть реакцию Тео со стороны. На его лице была самая мягкая улыбка, какой я не видела уже очень давно.

— Ты здесь, — громко сказала она, крепче обхватывая его ноги своими маленькими ручками и подпрыгивая вверх-вниз от радости. Он положил руку ей на голову, побуждая ее остановиться и посмотреть на него снизу вверх.

— Мне очень жаль, что я опоздал, Майя, — мягко сказал он, опускаясь на колени, чтобы они оказались на уровне глаз.

Она показала на того, кто, как я понял, был ее учителем.

— Все в порядке. Мисс Мина сказала мне, что мама застряла на работе и не может меня забрать, — ответила она.

Он улыбнулся ей, подхватив ее на руки, заправил за ухо упавший ей на лицо локон и поцеловал в висок.

— Да, они дали маме еще несколько часов поработать в больнице, — прошептал он ей в макушку.

— Я скучала по тебе, — воскликнула она, прижавшись к его шее и уткнувшись лицом в его изгиб.

Когда она отстранилась, положив руки на его щеки, я застыл на месте, не в силах пошевелиться от откровения, которое материализовалось в моем сознании, когда она, наконец, предстала перед моим взором.

Она была абсолютно прекрасна. Ее тугие каштановые локоны, распущенные по плечам, каскадом ниспадали по спине, а два маленькие заколки убрали передние пряди с круглого лица.

Меня поразило то, что она не только была красива, но и выглядела в точности как он, с

большими карими глазами и высокими скулами. Слезы залили мои глаза, когда обрывки их разговора отошли на задний план.

Дочь. У моего Тео была семья.

Без меня.

Я почувствовала, что моя тщательно выстроенная броня слабо треснула, когда я увидела, что ему так спокойно с ней.

Из его горла вырвался тихий смех, и он поцеловал ее в висок.

— Полегче, детка. — Он хихикнул. — Я тоже скучал по тебе, *mijita*.

Шепот его смеха пронесся по холодному воздуху и пронесся надо мной, этот звук сдавил мою грудь.

Боже, как я скучала по этому звуку.

Когда-то давно я думала, что всегда буду иметь все его смешки при себе, что буду знать, как они звучат при любых обстоятельствах. Но именно в этот самый момент я вспомнила, как долго длились семь лет, как много я пропустила в его жизни.

Что жизнь, которую мы планировали прожить вместе, исчезала, как зыбучий песок.

От вида того, как Тео обнимает ее, направило молот в мою грудь, холодный металл ударял в мое сердце, пока я не почувствовала, как к десяткам уже имеющихся зазубрин добавилась еще одна.

Я положила руку на сердце, сильно надавив, чтобы облегчить боль.

Я думала о том, что он может уйти к другой, но, наблюдая за этим и видя, каким счастливым он выглядит, обнимая ее на руках, я поняла, что в конце всего этого у меня может не быть дома. Мой самый большой страх, когда я начала все это, стал реальностью.

Думаю, это последствия мести.

Мое сердце стало сопутствующим ущербом.

Как будто услышав мои мысли, Тео развернулся и направился ко мне. Я привела себя в порядок и вернула маску на место.

Улыбка Майи стала ярче, когда они приблизились к тому месту, где я все еще стояла, и это вывело меня из задумчивости.

— Кто это? — спросила она, ее глаза с любопытством блуждали по моему лицу.

Тео одарил меня небольшой улыбкой, и мое сердце подпрыгнуло.

— Майя, это Оливия.

— Привет, — застенчиво сказала я, протягивая ей руку для пожатия.

Она проигнорировала мою руку, и ее маленькие пальчики потянулись к моей щеке.

— Ты такая красивая.

Я покраснела от ее комплимента, положив свою руку на то место, где она положила свою.

— Я могу сказать то же самое о тебе.

Она хихикнула.

— Ладно, поехали домой, — сказал Тео, возвращаясь к машине, а я последовала за ними.

Пристегнув ее к детскому креслу, которое он подобрал ранее, он уехал, а я сидела, размышляя о новой ситуации, разворачивающейся вокруг меня.

Я не знаю, сколько времени прошло, прежде чем мы добрались до места назначения и въехали на подъездную дорожку одноэтажного дома. Тео едва успел припарковаться, как Майя отстегнулась от заднего сиденья и бросилась к нему, а затем схватила его за руку и

потянула к дому.

— Давай, пойдём к *Ми*, — крикнула она счастливым голосом.

Его смех разнесся по воздуху, когда он последовал за ней.

— Помедленнее, Майя. Я иду.

Она оглянулась, заметив, что я все еще в машине.

— Ты идешь, Оливия? — спросила она.

Я улыбнулась ей.

— Хорошо.

Это был тихий район, вдоль улицы стояли жилые дома. Как только мы вошли, она побежала на кухню в объятия женщины, которая, как я поняла, была бабушкой, о которой она говорила ранее.

— *Ми, ми*, смотри, у нас особый гость, — воскликнула Майя, сияя.

Бабушка наклонилась, чтобы поднять ее, одарив любящей улыбкой, прежде чем нежно поцеловать ее в макушку.

Она подняла глаза, теперь ее взгляд был устремлен на меня, и она приветливо улыбнулась мне.

— Я вижу, *tesoro*.

— Привет, приятно с вами познакомиться, — робко поприветствовала я ее. Я никогда не думала, что буду так нервничать, встречая кого-то нового, но я никогда не встречалась с его матерью, так как мы скрывались, когда были вместе.

Я встречалась с матерью любви всей моей жизни во лжи. Лгать ему было достаточно сложно, а теперь мне ещё приходилось притворяться кем-то другим и перед его семьей.

— Мне тоже приятно познакомиться с тобой... — Она сделала паузу, ожидая, пока я представлюсь.

— Оливия, — закончила я за нее.

— Приятно познакомиться с тобой, Оливия, — сказала она с ухмылкой.

Она поставила Майю обратно на землю и посмотрела через мое плечо на Тео, полностью перейдя на испанский, спрашивая его, кто эта красивая девушка, которую он только что привел домой, и что ему давно пора привести кого-нибудь домой.

Он положил руку мне на поясницу, отчего у меня по позвоночнику пробежала дрожь, когда он прошел мимо меня, чтобы поприветствовать свою мать. Он обхватил ее за плечи, притянул к себе и поцеловал в лоб.

— Мама, она мой новый клиент. И она возможно понимает тебя.

— Оу.

Он тихонько усмехнулся, покачав головой.

— Действительно, оу.

— Ты останешься на ужин, *míjo*?

— Извини, я не могу. Нам нужно возвращаться.

— Нет, дядя Тео, — ныла Майя, обнимая его за ноги. Она подняла на него глаза, надув губы. — Останься, пожалуйста.

Дядя? Подождите, она не была его дочерью.

— Я не могу, *mijita*. Мне нужно возвращаться к работе, — неохотно признался он. — Вот что я тебе скажу. — Он присел на корточки, оказавшись на одном уровне с ней и взял ее за подбородок, чтобы она посмотрела на него. — Когда мама вернется вечером домой, попроси ее позвонить мне, и я прочитаю тебе твою любимую сказку на ночь, пока ты не

заснешь.

Она кивнула, крепко обхватив его за шею руками.

— Хорошо.

— Я люблю тебя, — сказал он, поцеловав ее в лоб.

Она улыбнулась, звонко поцеловав его в щеку.

— Я люблю тебя еще больше.

Его мать подошла к нему сзади и погладила его по спине.

— Не уезжай надолго.

— Обещаю, — ответил он, еще раз поцеловав ее в лоб.

Он направился к двери, а я бросила последний взгляд на кухню, где его мать и племянница смеялись, готовя еду, и мое сердце сжалось при воспоминании о бесчисленных попытках моей матери научить меня готовить в детстве.

Как только мы оказались в машине, я повернулась к Тео и задала вопрос, который не давал мне покоя с тех пор, как Майя назвала его дядей.

— Она не твоя дочь?

— Нет, она дочь моей младшей сестры. Камила работает медсестрой в отделении неотложной помощи, и одна из ее коллег уволилась в последнюю минуту, так что ей пришлось остаться ещё на несколько часов, пока они не найдут замену. Моя мама не садилась за руль больше десяти лет, а младший брат уехал в колледж. — Наступила пауза. — Кроме того, я обычно первый, кому звонит моя семья, когда что-то не так или нужна какая-то помощь.

Он завел машину, отъезжая от подъездной дорожки.

— Я не знал, что у тебя есть братья и сестры.

За те годы, что мы провели вместе, мы много общались, но никогда не говорили о его жизни за пределами бюро.

Он переключил свое внимание на меня. — Да. Я самый старший.

Его взгляд вернулся к дороге, и мы поехали домой в полной тишине, и только одна мысль ветров у меня в голове.

Может быть, ещё не все потеряно.

СОФИЯ

Я весь день просидела в своем кабинете и ждала, когда Виктор уйдет из дома на свою позднюю встречу с поставщиками после инцидента с задержкой отгрузки. Было уже почти одиннадцать вечера, а Виктор все еще не выходил из дома, что навело меня на мысль, что встречу отложили.

Я уже почти закончила готовиться ко сну, когда фары его Майбаха проникли в окно спальни, окрасив стену напротив в оттенки белого, а затем исчезли.

Я подошла к окну и смотрела, как он отъезжает от подъездной дорожки, Джексон сидел на водительском сиденье. Ворота закрылись прямо за ними, и они уехали в ночь, три черных внедорожника последовали за ними, оставив нас без охраны по крайней мере на следующий час.

Я должна был действовать быстро. Это была моя единственная возможность узнать больше об истинной причине пребывания Тео здесь.

Шли дни, я замечала проблески неуверенности в выражении его лица, и мне нужно было выяснить, почему он был здесь, выполняет работу няни вместо того, чтобы работать в Бюро. Я пыталась взломать журнал его звонков, но какой бы сервер он ни использовал, мои попытки проникнуть в его телефон оставались безуспешными.

Тео должен был вернуться с пробежки с минуты на минуту и сразу же направиться в душ, как он делал каждый вечер, его распорядок дня работал словно часы.

Не знаю, кто ходит на пробежку так поздно ночью, но сейчас это работает в мою пользу.

Мой телефон пикнул уведомлением, показывая, что ворота снова открываются. Душ у Тео обычно длился пятнадцать минут, поэтому, несмотря на холод на улице, я решила не надевать халат, так как это только замедлило бы мое движение.

В доме было тихо, когда я выскользнула из главной спальни и обогнула угол коридора наверху. Я шла по коридору, и мое дыхание замедлилось, а сердцебиение участилось, когда я на цыпочках спускалась по лестнице в темноте, опираясь на стену.

Роза сегодня ночевала в нашей гостевой спальне внизу, так как завтра будет раннее утро. Я знала, что она уже крепко спит, но все равно нужно быть осторожным.

Оказавшись на кухне, я прошла через нее и слегка толкнула раздвижные стеклянные двери. Высунув голову наружу, я быстро осмотрела задний двор и убедилась, что никого нет.

Никого не обнаружив, я вышла на улицу, держась ближе к стене и уклоняясь от прицела камер. Я могла бы изменить отснятый материал позже, но было бы проще не попадаться под камеру, поскольку у меня не было с собой всего оборудования.

Я изучала домик у бассейна, когда ледяной ветерок прошелестел по моим волосам и ночной рубашке, и волны в бассейне покрылись рябью. Я выругалась себе под нос, ругая себя за то, что не надела что-нибудь потеплее.

Я подождала, пока шум душа проникнет через слегка приоткрытое окно в домике у бассейна, и побежала трусцой через двор.

Мое дыхание становилось все громче, сердце билось в ушах, когда я смотрела сквозь занавешенные окна, чтобы убедиться, что он все еще находится в главной гостиной. Затем я медленно повернула ручку двери и приоткрыла ее ровно настолько, чтобы мое тело могло протиснуться внутрь.

Оказавшись внутри, я осторожно закрыла за собой дверь, и тихий щелчок эхом разнесся по комнате. Я обратил свое внимание на заднюю часть дома, где находилась ванная комната, и мягкий желтый оттенок проникал из-под двери. Я оставалась в тишине. Наблюдала. Слушала.

Не было никаких других звуков, кроме плеска воды в душе. Я вглядывалась в окружающее пространство. Тусклый лунный свет струился по паркетному полу, но было еще достаточно темно, чтобы мои глаза привыкли к нему.

Здесь все было так, как и было изначально. Не было никаких личных вещей. Ни фотографий на тумбочке, ни книг, валяющихся повсюду. Едва ли можно было сказать, что здесь кто-то живет. Едва ли можно было сказать, что *Тео* был здесь. Не то чтобы он когда-либо был неряшливым человеком, но это выглядело почти клинически.

Большая двуспальная кровать была застелена. В углу лежала аккуратно сложенная стопка одежды. Я подошла к кровати и опустилась на колени, чтобы осмотреть ящики у основания кровати, открывая каждый из них.

Постельное белье. Полотенца. Одежда.

Я порылась в стопке, ища какие-нибудь папки, ноутбук или одноразовые телефоны.

Ничего.

Я поднялась с пола и направилась в левую часть большой комнаты, служившей ему жилым помещением, в маленькую кухонную зону. Я осторожно открыла все ящики и шкафы, заглянула в каждый.

И снова ничего. Я разочарованно вздохнула.

Думай, София. Если бы ты была Тео, куда бы ты спрятала что-нибудь ценное?

И тут меня оценило.

На самом видном месте.

Первое, чему он меня научил.

Если тебе есть что скрывать, делай это на виду, где злоумышленнику и в голову не придет искать.

Я еще раз осмотрела комнату и заметила маленький ящик на тумбочке у входа рядом с дверью. Я подошла и попыталась открыть его, но он не поддавался. Я пробормотала проклятие себе под нос и потянула сильнее, пока не раздался тихий скрип.

И вот тогда я увидела. Ноутбук с телефоном, лежащим на нем. Душ все еще работал, но времени на то, чтобы взять и осмотреть и то и другое, не хватило, поэтому я потянулась за телефоном.

В тот момент, когда я взяла его в руки, чье-то откашливание нарушило тишину в комнате.

Блядь.

ТЕО

Я услышал, как она что-то пробормотала себе под нос, ее волосы рассыпались по тонкому лицу, на котором застыла хмурая гримаса. Она осторожно попыталась снова открыть ящик, и на этот раз ей это удалось, триумф озарил ее черты.

Она совершенно не замечала моего присутствия, и я воспользовался возможностью рассмотреть ее. Она была босиком и одета в шелковую ночную рубашку, которая едва доставала до бедер, ткань облегла округлость ее задницы.

Господи. *Блядь.*

Я хотел прижаться губами к этой нежной коже, проложить дорожку поцелуев вверх по ее бедрам, чувствуя, как ее тело оживает под моим языком, пока я, наконец, окажусь в желаемом месте.

Я хотел раздвинуть ее ноги и преподать ей урок о вторжении в чужое личное пространство. Я хотел, чтобы мой рот наполнился ее влагой, когда я буду смотреть, как она кончает, доводя ее до той же одержимости, которую она вызвала во мне.

Мысль о прикосновении к другой женщине никогда раньше не приходила мне в голову, так что же было в ней такого, что заставляло меня желать большего? Словно какая-то неестественная сила не позволяла мне оставаться в стороне.

Отбросив эти мысли, я прислонился к дверному проему ванной и откашлялся, скрестив руки на голой груди, все еще блестящей от только что принятого душа.

— Могу я вам чем-нибудь помочь, миссис Моралес?

Ее спина напряглась, из нее вырвался резкий вздох. Она медленно повернулась ко мне лицом, и все слова, которые она собиралась сказать, оборвались.

Ее лицо побагровело, румянец распространился по ее загорелой коже, когда ее взгляд прошелся по каждому дюйму моего тела. Ее глаза блуждали по моей длине, остановившись прямо там, где полотенце было обернуто вокруг моих бедер, и ее взгляд задержался там на мгновение.

— Оливия. — Мой голос был напряженным, низкий гул желания пульсировал в моих венах. Я сглотнул комок, образовавшийся в горле, пытаюсь подавить желание подойти и нагнуть ее над деревянной поверхностью.

Она отвела взгляд от моего паха, чтобы встретиться с моим.

Невысказанная потребность проникла в пространство между нами, воздух замер на

мгновение, а от ее взгляда по моей коже разлилось тепло.

Она сделала глотательное движение. Мой взгляд упал на ее грудь, очертания сосков проступали сквозь ткань платья.

Она с опозданием на полсекунды скорчила гримасу, но я уловил это. Я бы не поверил в ту ложь, которую она собиралась мне сказать.

— Я просто искала кое-что, что оставила здесь до твоего переезда, — солгала она, закрывая за собой ящик. — Но здесь этого нет, так что я пойду, — продолжала она, указывая на дверь.

Я ухмыльнулся и сделал шаг к ней. Она отступила назад, ее спина столкнулась с деревянной мебелью, и подняла руки за спиной, чтобы удержаться.

Она двинулась, чтобы уходить, но я сократил оставшееся расстояние между нами и схватил ее за шею, ее тело прижалось к моему.

— Шшш. Не так быстро.

Я положил другую руку рядом с ее рукой на стол и наклонился, чтобы прошептать ей на ухо. Ее глаза затрепетали и закрылись.

— Я тебе не верю.

Я задержался еще на мгновение, ее возбуждение пересиливало мои чувства. Когда я отстранился, ее глаза широко распахнулись и встретились с моими, как будто она только что осознала то, что я сказал.

— Прости?

Я наклонился вперед, пока кончик моего носа не коснулся ее носа, и мое дыхание коснулось ее кожи.

— Я бы посоветовал вам попробовать другой ответ, миссис Моралес, — прошептал я, мои слова пролетели над ее губами.

— Я думаю, что вы переходите границы, мистер Альварес, — заявила она со спокойным вызовом в ее взгляде.

— Ваше тело говорит мне совсем другое, миссис Моралес.

Ее грудь расширилась с каждым вдохом, и мои пальцы непроизвольно пробежались по ее шее — кожа была гладкой, когда я скользил по ней. Мой большой палец зацепился за бретельку ее спального костюма, и я поиграл с ней, бросая вызов.

Мы оба смотрели, как нитка ткани упала с ее плеча, тонкий материал повис на ее коже, обнажая силуэт ее груди. Ее губы разошлись в резком вздохе, когда шелк коснулся ее кожи, и мое дыхание прервалось.

Мой язык прилип к небу, когда я замороженно наблюдал за ее реакцией на мои прикосновения: ее грудь поднималась и опускалась с каждым вдохом.

Боже, эта женщина завораживает, увлекает меня в свою орбиту.

Она подняла на меня глаза, удивление отразилось на ее лице, когда мои пальцы сами по себе осмелились спуститься дальше.

Мои пальцы медленно прошли по ее груди, и дрожь пробежала по ее телу, когда я проследил за выпуклостью ее грудей. По коже побежали мурашки, а челюсть заныла от боли, и я стиснул зубы, сопротивляясь желанию посмотреть вниз.

Сопротивляясь желанию сказать "к черту" и сделать то же самое с другой стороны, пока ее платье не упало к ее ногам, давая мне удовольствие видеть, как она изгибается по моей воле.

В голове промелькнули образы ее на моих коленях, моя ладонь прижимается к изгибу ее

задницы, когда я шлепаю ее за то, что она просматривала то, что ей не следовало. Но эти мысли были опасны.

Моя рука на ее заднице означала, что мои пальцы будут ближе к ее киске, молясь о том, чтобы найти ее мокрой и готовой намочить их еще больше, когда я закончу с ней.

Эта женщина вызывала во мне почти интуитивные реакции, а ее сопротивление только усиливало мое желание трахнуть ее до полного подчинения.

Я продолжал исследовать линии ее тела, ожидая, что она остановит меня, но она молчала. Я прошелся по ее боку, положив пальцы на подол ее ночной рубашки, дразня, но она снова не отстранилась от моего прикосновения.

Энергия гудела вокруг нас, заставляя мое сердце бешено стучать в груди, а в животе разгорался огонь, требуя большего.

Но я не осмеливался двигать пальцами дальше. Меня так чертовски подмывало сдаться, но я бы не стал, пока она что-нибудь не скажет.

Она наклонила голову, пристально наблюдая за мной из-под густых ресниц, подманивая меня продолжить. Что-то промелькнуло в ее карих глазах, но исчезло прежде, чем я успел это расшифровать.

Сквозь щель в портьерах пробивался лунный свет, освещая ее лицо. Я впервые видел ее без макияжа. Она и так была красива, но в ней была какая-то мягкость, которой я раньше не замечал.

Но когда ее жесткая оболочка была снята, я увидел и другую правду, которую она скрывала.

Следы исчезающего синяка.

Мое тело напряглось, кончики пальцев сжали ткань на подоле, костяшки пальцев задели ее бедро, когда ярость, подобной которой я никогда не испытывал, охватила меня.

Нежно, дрожащей рукой я прикоснулся к ее лицу, провел большим пальцем по нежной, почти выцветшей плоти от синяка.

Она замерла.

— Кто, блядь, сделал это с тобой? — спросил я, говоря сквозь стиснутые зубы.

Она вздрогнула от моего прикосновения, оторвав взгляд от моего.

— Я ударилась о стол, пытаюсь что-то взять.

— Ты ужасная лгунья.

Мой большой палец нежно прикоснулся к ее щеке, а указательный палец наклонил ее голову назад, чтобы она посмотрела на меня.

— Пожалуйста. — Я сделал паузу. Мои глаза снова искали ее, пока наши взгляды, наконец, снова не встретились. Мое сердце пропустило удар, когда я спросил — Это был Виктор?

В замешательстве она нахмурила брови, на мгновение на ее лице промелькнула тревога. Напряженная атмосфера внезапно рассеялась, когда она отпрянула от меня при упоминании его имени, моя рука отлетела от ее руки, и она отпихнула нас друг от друга, почти с силой, увеличивая расстояние между нами.

— Этого никогда не было, — предупредила она и выбежала за дверь, захлопнув ее за собой.

Я не пошел за ней.

Я оперся о стол, к которому она до этого была прижата, пытаюсь успокоить свое неровное дыхание. Я отодвинул шторы, чтобы убедиться, что она благополучно добралась до

дома, и через несколько минут увидел ее фигуру, проходящую мимо окна в спальне.

Не обращая внимания на желание ворваться в дом и убить Виктора Моралеса, я развязал полотенце на поясе и вытерся, прежде чем переодеться в одежду, которую оставил ранее на кровати.

Я не поверил ее лжи, но и не хотел делать ей хуже. Это было не мое дело, но я буду здесь, если ей это понадобится.

Одевшись, я лег в постель, уставившись в потолок и размышляя о том, что эта женщина, эта *замужняя* женщина, делает со мной.

Я не мог избавиться от ощущения того, как хорошо она ощущается под моими пальцами, какой знакомой была ее кожа.

Я провел большим пальцем по нижней губе, пытаясь передать ощущение ее кожи другим органам чувств.

Прикосновение к ней, вероятно, было ошибкой, но я позволил себе наслаждаться близостью к человеку, о котором я думал с тех пор, как впервые встретил Оливию.

София.

СОФИЯ

— Он такой горячий, — сказала одна из женщин за столом.

Женщины засмеялись, а я натянуто улыбнулась, не понимая, о ком из них идет речь, так как давно отвлеклась от их разговора.

Эти дружеские еженедельные обеды в Brownstone, нашем местном загородном клубе, обычно были короткими, но я всегда считала каждую секунду до их окончания.

Эти женщины не были моими подругами и, по правде говоря, никогда ими не были. Они были теми, кем их диктовало общество. Статус и богатство — вот что формировало эти дружеские отношения. Это были те люди, с которыми мой муж хотел, чтобы я *подружилась*, поскольку в этом мире связи и имидж, который ты создаешь, — это все.

И как послушная *жена*, я в точности выполнила его просьбу.

— Достаточно соблазнительно, чтобы подумывать об измене моему Майку, — добавила другая. Раздались новые крики смеха. Я просто кивнула, держа в руках бокал шампанского, выпивая его время от времени, чтобы не вступать в разговор.

Я жалела, что у меня нет ничего покрепче, чтобы сделать это более терпимым.

Мила сосредоточила свое внимание на мне, когда осушила остаток своего бокала красного вина, покровительственно подняв руку к официанту, который проходил мимо, чтобы принести еще один.

Она пила уже третий бокал, а между тем прошел всего час. Мила никогда не была моей большой поклонницей, хотя она никогда не говорила об этом прямо. Никто из сидящих за столом дам не был честен ни в чем — каждая скрывала свои секреты за закрытыми дверями.

Разговоры были наполнены колкими замечаниями и комплиментами. Стоило кому-то повернуться спиной, как тут же начинались перешептывания.

Мой муж был богаче, успешнее, чем когда-либо будут их мужья, и им это не нравилось.

Если бы они только знали, что сделало его таким успешным.

— Я бы заплатила за то, чтобы мужчина так на меня смотрел, — сказала Хейли, ее тон наводил на размышления, когда она ткнула меня в бок.

За столом воцарилась тишина, все они ждали, затаив дыхание, их внимание теперь было сосредоточено исключительно на мне.

— Простите, я задумалась, — ответила я, притворившись невеждой, чтобы отмахнуться от ее предположения.

— Ну же, расскажи нам, — настаивала Хейли, прежде чем продолжить с хитрой ухмылкой на лице. — Он не сводит с тебя глаз все это время.

— Он телохранитель. Это его работа. — Я удержалась от того, чтобы закатить глаза на нее, предпочтя сделать еще один глоток из своего бокала.

— Но он не следит за тобой, как будто это *просто* его работа. — Она быстро взглянула на него и вернула свое внимание ко мне, ее глаза сузились. — Он следит за тобой, я —...

— Он мой телохранитель, — повторила я, прерывая ее.

Она драматично вздохнула.

— Неважно.

Хейли повернулась к Миле, завязав разговор о новой семье, которая только что переехала в наш район, и о том, что они не подходят друг другу.

Реально, а кто подходит?

Вздыхнув с облегчением от того, что их внимание больше не приковано ко мне, я незаметно попыталась украдкой взглянуть на Тео, но он уже пристально наблюдал за мной, на его лице было фирменное стоическое выражение.

Воспоминания о той ночи два дня назад все еще терзали мой разум. Его действия были настолько несвойственны, что он застал меня врасплох, поставив меня на место. Его смелость была противоположна тому, чего я ожидала.

Вместо того чтобы держаться на расстоянии, он прошел через всю комнату и наклонился ближе, прижимая наши тела друг к другу. Его было так много одновременно, что я не могла здраво мыслить.

Его размеры нависали надо мной. Его насыщенный и знакомый аромат окутывал меня, заставляя мой желудок совершать безумные кульбиты. От От капель воды, стекающих по его животу, каскадом стекающих по каждой клеточке его подтянутого живота, у меня пересохло во рту.

Он едва прикоснулся ко мне, почти не было произнесено ни слова, но желание оставалось таким же ощутимым, как и раньше, несмотря на все годы разлуки.

Но он не знал, кто я такая. Мое сердце сжалось при мысли о том, что он может быть с кем-то другим. Несмотря на то, что Майя не была его дочерью, что могло помешать ему заняться этим с кем-то еще, кроме меня?

Семь лет — это долгий срок, чтобы ждать кого-то.

Я почувствовала облегчение, когда он не стал больше расспрашивать меня о синяке на моем лице после той ночи. Мне не нужна была еще одна проблема.

Я поняла, что все это время смотрела на него, когда выражение его лица изменилось на вопросительное. Я быстро отвела взгляд от него и посмотрела на часы, отсчитывая минуты до того момента, когда я смогу вежливо извиниться и прекратить весь этот спектакль.

Встреча все еще продолжалась, и я делала вид, что мне все нравится, пытаюсь поболтать с несколькими дамами рядом со мной, то и дело поглядывая на часы.

Я не заметила, что он переместился со своего места, пока не почувствовала, что он навис надо мной.

— Извините, что прерываю, миссис Моралес, но нам пора идти, — заявил он, наклонившись к моей голове.

Мои брови сошлись в замешательстве. *Что-то случилось?*

— Тебе, кажется, скучно. Пойдем, — прошептал он мне на ухо, достаточно тихо, чтобы слышала только я.

Я встала, схватив свою сумочку.

— Долг зовет. — Я натянуто улыбнулась женщинам, чье внимание теперь было полностью приковано к Тео, голодные взгляды блуждали по его фигуре.

— Увидимся на следующей неделе, — сказали они в унисон, когда Тео отодвинул мой стул, освобождая мне место для выхода. Он последовал за мной, и я пробормотала слова благодарности, пока мы ждали, пока парковщик подгонит машину.

— Домой? — спросил он, когда мы оба уселись внутри.

Я слегка покачала головой.

— Ты не мог бы отвезти меня по этому адресу?

Он не стал задавать вопросов, просто привел машину в движение и поехал к месту назначения.

Вскоре после того, как я переехала к Виктору и интегрировалась в его мир, я вложила деньги в этот общественный центр и преподавала здесь компьютерное программирование так часто, как только могла, несмотря на сильное нежелание Виктора.

Я не была здесь несколько месяцев, так как мой дорогой *муж* запретил мне приходить, но я, очевидно, не послушалась. Сегодня мне это было необходимо.

Эти дети напомнили мне о себе. И в мире, который я создала, где гнев и месть подавляли все остальное, мне нужно было найти что-то, что закрепило бы ту малую толику человечности, которая у меня осталась.

Я не могла позволить Виктору отнять это у меня, если я хотела найти недостающую часть своей души после того, как все это закончится.

Тео припарковался перед зданием, я сняла пиджак и бросила его на заднее сиденье. Дотянувшись до небольшого отделения под полом заднего сиденья, я достала пару белых кроссовок, заменив ими свои черные туфли на каблуках.

Я почувствовала, что он наблюдает за мной, и повернулась, чтобы посмотреть на него.

— Что? — спросила я раздраженно.

Он поднял обе руки вверх, с его губ сорвался тихий смешок.

— Ничего.

— Ладно. — Я открыла дверь, закрыла ее за собой и вошла в стеклянное здание.

Персонал был удивлен, увидев меня снова после долгого перерыва, но сразу же приступил к работе. Я потерялась в любопытстве каждого ребенка, тихое жужжание компьютеров захватило мой разум, успокаивая мои мысли. Всего на несколько часов чувство удовлетворения пришло на смену непрекращающемуся гневу.

Я услышала, как одна из детей, Амина, тихо фыркнула, яростно печатая на клавиатуре, пробуя различные коды, чтобы решить задание, которое я им дала.

Я подошла к ней и опустилась на стул рядом с ней.

— Что случилось? — спросила я ее.

— Ничего не работает. — Она повернулась, ее брови нахмурились. Мой большой палец провел по ее лбу, разглаживая его.

Следующие несколько минут я направляла ее. Она была почти у цели, но все время натыкалась на стену в последовательности кодирования. Я захихикала под нос, когда она наконец справилась с задачей и крикнула "получилось".

Я знала, что он пристально наблюдал за мной с тех пор, как мы вошли, и на его лице отразилось удивление от того, что он увидел меня здесь такой непринуждённой. Я устала постоянно играть какую-то роль. Это было мое. Я хотела не быть Оливией Моралес хотя бы на несколько часов.

Я хотела выпустить Софию на свободу ненадолго, даже если это означало позволить Тео увидеть небольшую часть меня настоящей.

Обжигающий взгляд становился невыносимым, поэтому я подняла на него глаза. Наши взгляды столкнулись. Мое дыхание перехватило в горле. Хейли не ошиблась. В глазах Тео действительно что-то мерцало, и интенсивность его взгляда пугала меня.

Я чувствовала, как он подбирается слишком близко, чувствовала, как медленно рушится моя броня.

Именно поэтому мне нужно было отвлечься.

ТЕО

Когда я забрал ее с еженедельной встречи в среду с женами некоторых помощников Моралеса, я думал, что она захочет вернуться домой или провести остаток дня за покупками, но она поступила совершенно не так, как я ожидал, застав меня врасплох.

О том, чтобы добровольно посвятить свой день обучению этих детей работе на компьютере, я думал в последнюю очередь.

Все они не только выглядели так, будто хорошо ее знали, но, похоже, даже скучали по ней и ее урокам.

У нее было такое выражение лица, которого я никогда раньше не видел. Она выглядела... довольной. Даже счастливой. Ее губы были растянуты в легкой улыбке, глаза прищурены в уголках.

В ее чертах была какая-то легкость, которая меня заворожала.

Я почувствовал, как мое сердце сжалось в груди от этого зрелища. Дело было не только в ее красоте. Она обладала ею в полной мере. Нет, было что-то в ней, в том, что она была в своей стихии, что заставило мое сердце забиться.

Когда я продолжал наблюдать за ее улыбкой, что-то внутри меня изменилось. В ней было больше, чем она хотела сказать. Ее черты лица были такими безмятежными. Исчезли раздражение и вечная хмурость, которыми она встречала меня.

Казалось, что перед моими глазами разворачивается жизнь другой Оливии.

Она сидела с ними, казалось, несколько часов, а я не мог оторваться. Я мог сказать, что она знала, что я все это время был здесь, но, честно говоря, мне было все равно. Я хотел греться в том сиянии, которое она излучала, находясь с этими детьми.

Жгучая потребность видеть ее такой, такой счастливой и беззаботной, в моем присутствии поселилась внутри меня. Эта абсурдная потребность расцвела в моей груди, когда я понял, что хочу, чтобы она улыбалась *из-за* меня.

В конце концов она подняла на меня взгляд, и наши глаза встретились в молчаливом обмене. Что-то изменилось между нами с той ночи два дня назад, когда я застал ее за разглядыванием моих вещей. С тех пор она держала дистанцию, все реже и реже со мной спорила, и я понял, что мне этого не хватает, не хватает нашего общения.

Несмотря на то, как она порой выводила меня из себя, мне всегда нравилось чувствовать

огонь, который она излучала, когда бросала мне вызов вызов. Это давало мне больше возможностей мечтать о том, как я смогу ее приручить.

Через несколько часов она отпустила класс, и ученики, болтая, направились к выходу, но одна из учениц, девочка, которая, похоже, была примерно одного возраста с Майей, осталась позади и сделала нерешительный шаг к Оливии.

Со своего места я не мог расслышать их разговор, но Оливия присела на ее уровень, запроваля за ухо распущенный темный локон. Прошло секунда, прежде чем девочка обхватила ее за шею.

Лицо Оливии расширилось от шока, она сначала не знала, что делать, но в конце концов обхватила маленькую девочку руками, заключив ее в крепкие объятия. Она сказала ей последнее слово, после чего девочка помахала ей рукой и побежала к выходу, оставив Оливию на коленях.

На мгновение она замерла, потом подняла глаза и увидела, что я смотрю на нее. Отвернувшись, она встала и отошла в конец комнаты, где собрались остальные волонтеры, чтобы поболтать.

Попрощавшись с оставшимися сотрудниками, она прошла мимо меня и поспешила к машине.

У меня было так много вопросов, которые я хотел задать ей, но решил не делать этого и включил радио, чтобы заполнить тишину во время нашей поездки к дому. Через тридцать минут я припарковался в гараже, и мы оба вошли в дом.

Мы прошли мимо гостиной, пока она направлялась в свой кабинет, а я свернул в сторону кухни, как вдруг нас остановил голос.

— Ты дома, — заметил Виктор. Для кого-то другого он мог бы показаться нормальным, но я услышал в нем какую-то нотку раздражения.

Раньше я никогда не обращал внимания на их общение, но с тех пор, как обнаружил отметины на ее лице той ночью, я стал более внимательно следить за тем, как он с ней разговаривал, как она реагировала на него, когда он находился рядом, и искать любые признаки того, что проблема все это время была в нем.

Я всегда был настороже, когда мы выходили за пределы этих стен, но никогда не думал о том, чтобы заглянуть внутрь них.

— Мистер Альварес, не мог бы ты оставить нас на пару минут? — спросил он, скорее приказал, с натянутой улыбкой. Его взгляд не отрывался от Оливии.

— Да, сэр.

Я никуда не собирался уходить, но ему не нужно было этого знать. Я шагнул по коридору в сторону кухни, но отступил назад, когда услышал, как он снова заговорил.

Я спрятался за стеной, наблюдая за их перепалкой. Хотя Моралес стоял ко мне спиной, я мог отчетливо видеть профиль Оливии сбоку.

Ее руки были скрещены на груди, и она стояла прямо, на одном уровне глаз с Виктором, так как она переобулась в туфли на каблуках перед тем, как мы вошли. Он был напряжен, его кулаки были сжаты по бокам, когда он бормотал проклятия на испанском себе под нос.

Оливия оставалась на месте, не сдвинувшись ни на дюйм, пока он продолжал говорить о том, как неуважительно она себя ведет по отношению к нему и как она подрывает его имидж, покидая светское мероприятие, чтобы провести время с этими детьми.

Он говорил с таким презрением, что у меня все силы ушли на то, чтобы не подойти и не поставить его на место за то, что он так с ней разговаривал. Но это было бы переходом

границ, а это не входило в мои обязанности.

Я был здесь, чтобы защищать ее от внешних угроз, а не для того чтобы улаживать брачные конфликты. Но самое главное, я знал, как отреагируют мужчины вроде Виктора, если увидят, что кто-то встал на защиту их жены, и я не хотел создавать для нее проблем.

Несмотря на то, что Оливия была закрытым человеком, я находил способ поговорить с ней, когда мы оставались вдвоем, вдали от него, чтобы попытаться понять, нужен я ей или нет.

Когда он закончил свою болтовню, она сделала движение, чтобы пройти мимо него, но он обхватил пальцами ее запястье и резко потянул назад. Это движение позволило мне мельком увидеть его лицо, и я увидел, что оно покраснело.

Я увидел, как его маска наконец упала, обнажив монстра под ней.

Оливия обхватила себя руками, готовясь к удару, а я наблюдал, как рука Моралеса вытянулась в воздухе, готовая ударить ее.

Но прямо перед тем, как это произошло, моя рука с силой схватила его за запястье, отводя его назад.

— На твоём месте я бы этого не делал, — резко сказал я, крепко сжимая его руку.

Он отшатнулся на несколько шагов назад, его глаза смотрели на меня словно кинжалы. Я встретил его взгляд с такой же настойчивостью, осмеливаясь бросить мне вызов. Мое тело вибрировало от убийственной ярости, и я был в двух секундах от того, чтобы изуродовать его своими кулаками. Он должен считать себя счастливым, что я не убил его прямо здесь и сейчас.

Его маска вернулась на место, и он отдернул руку. Он направился к своему кабинету, обернувшись на полпути, чтобы посмотреть на меня.

— Никогда больше так не делайте, мистер Альварес, — сказал он недовольным тоном, а затем хлопнул за собой деревянную дверь своего кабинета.

Когда адреналин улетучился, я повернулся и увидел, что Оливия уже ушла.

Я почти не видел ее последние несколько дней. Пять, если быть точным.

Да, я считал, но не хотел слишком много думать об этом факте.

С того дня она проводила большую часть дня взаперти в своем кабинете, спускаясь вниз только для того, чтобы поесть, а затем снова запиралась.

Сегодня был первый день, когда мы провели какое-то время наедине.

Ранее утром Виктор вызвал меня в свой кабинет, сообщив, что я нужен ему на весь день. Мне было поручено сопровождать его и Оливию на поздний завтрак в центре города, чтобы в последнюю минуту провести экстренную встречу с некоторыми членами совета директоров его компании.

Виктор взял машину с Джексоном, а я поехал с Оливией отдельно. Я хотел поговорить с ней о том, что произошло, но каждый раз, когда я открывал рот, она останавливала меня своим пристальным взглядом, не желая обсуждать тот инцидент в среду.

Небольшое кафе располагалось в тихом районе. Хотя мы с Джексоном считали его

достаточно уединенным, чтобы не требовался предварительное разрешение службы безопасности, мы решили, что будет лучше, если мы оба будем здесь.

Некоторое время все было тихо. Никаких других подарков или записок не появлялось после того, что было в гараже. Мы не нашли ни отпечатков пальцев, ни чего-либо еще, что могло бы помочь нам отследить отправителя. Я отправил его Ною, но ответа от него до сих пор не было. Я несколько раз пытался дозвониться, но все время попадал на голосовую почту.

Но тишина не всегда была хорошим знаком. Во всяком случае, тот, кто отправлял угрозы, возможно, оставался вне поля зрения, просто чтобы подготовиться к чему-то большему. Возможно, мы просто оттягиваем время.

Я снова перевел свое внимание туда, где все они сидели за круглым столом в центре магазина, погруженные в оживленную беседу.

Оливия сидела лицом ко мне, прислонившись спиной к деревянному стулу. Ее темные волосы были собраны в конский хвост, несколько выбившихся прядей обрамляли лицо. На ней было что-то вроде юбочного костюма в темно-синюю полоску с длинным блейзером, сквозь который проглядывали белые кружева.

Она выглядела прекрасно. Она всегда выглядела прекрасно.

Она оперлась локтями на мраморную поверхность стола, присоединившись к разговору после того, как один из мужчин спросил ее мнение о том, как разрешить кризис, с которым они столкнулись.

Я воспользовался этой возможностью, чтобы отвлечься от нее и действительно заняться своей работой, оценивая обстановку.

Комната, в которой мы находились, была хорошо освещена, в основном за счет дневного света, проникающего через огромные эркерные окна. Несколько мягких ламп свисали с высокого потолка, деревянные лодочные весла использовались в качестве лопастей вентилятора. За барной стойкой в дальнем правом углу выстроились старинные зеркала, а ее переднюю часть украшали растения и сухие цветы.

Годы работы в этой сфере научили меня замечать незаметное, видеть то, что не видят другие. Мой взгляд метался от человека к человеку, ища признаки пистолета, торчащего из пояса, нервного подергивания руки, повторного взгляда в сторону выхода.

Один из официантов прошел мимо скамейки, где я сидел, с единственным напитком на подносе. Мой взгляд мимолетно скользнул по нему, заметив маленькую белую бумажку рядом с напитком, но я отмахнулся от нее и снова вернул свое внимание к Оливии, к официанту которой приближался к их столику.

Я все еще смотрел на нее, когда по моей коже поползло зловещее чувство. Инстинктивно моя спина напряглась, каждый дюйм меня пришел в состояние повышенной готовности.

Оливия повернулась к официанту и кивнула в ответ на его слова, после чего взяла у него лист бумаги. Ее глаза быстро просканировали содержание, затем она встала, широко раскрыв глаза, лихорадочно оглядывая комнату.

В конце концов она повернулась в мою сторону, и новая позиция позволила мне лучше рассмотреть ее лицо, и тогда я увидел его.

Красная точка была направлена прямо ей в лоб — снайперская точка.

Мое тело пришло в движение еще до того, как мой мозг зарегистрировал это. Я вскочил со стула и побежал к ней.

— Оливия, ложись! — неистово крикнул я.

На мгновение воцарилась полная тишина, прежде чем начался хаос. Мое тело врезалось в ее тело, когда я схватил и закружил ее, повалив на пол, чтобы закрыть ее тело своим. Через окно раздался выстрел, звук разбитого стекла о керамический пол эхом разнесся по запаниковавшему залу. Посетители кричали и вскакивали со своих мест, некоторые прятались под столами, чтобы укрыться, а другие бежали к выходу.

Выстрел был быстрым. Пуля вонзилась мне в плечо, и от ее силы у меня помутнело в глазах.

— Черт, — пробормотал я себе под нос. Мои кости застонали от удара, и я почувствовал, как горячая жидкость просачивается мне под рубашку.

Я резко закрыл глаза, стараясь не обращать внимания на боль, пронзившую мою руку, и громкий звон в ушах. Это был не первый раз, когда в меня стреляли, но все равно было чертовски больно.

Я ждал, заглушая окружающие нас крики, позволяя им раствориться на заднем плане, сосредоточившись на попытке расшифровать, были ли еще выстрелы.

Ни одного.

Только одна пуля.

И она была направлена прямо на нее.

Я все еще пытался понять, что происходит, почему снайпер нацелился на нее, когда почувствовал, как она прижалась ко мне.

— Отпусти меня, — шипела она, пытаясь выползти из-под меня.

Я дважды моргнул, застигнутый врасплох ее резким тоном. Это у меня в плече потенциально застряла пуля, а она пыталась вырваться, что только разозлило меня еще больше. Неужели ей всегда нужно бороться со мной, даже когда я пытался спасти ее гребаную жизнь?

— Оливия Моралес, перестань упрямиться и не высовывайся, — прошипел я ей в лицо, удерживая ее на месте, прижав ее к себе рукой за шею.

Она продолжала извиваться, но я наклонил свое лицо ближе к ее лицу.

— Я сказал, прекрати, блядь, двигаться. Не заставляй меня повторяться. — Моя хватка стала еще крепче, не давая ей возможности сдвинуться.

Каждый дюйм моего тела прикрывал ее. Ее глаза расширились от нашей близости, ее дыхание сбилось, становясь все более поверхностным с каждой секундой.

Я проигнорировал быстрый эффект, который произвела на меня ее близость и огляделся в поисках Джексона. Я нашел его за перевернутым столом в нескольких футах от нас, с пистолетом в руке, с Виктором, прижавшимся к его спине, с испуганным выражением лица, как будто он только что увидел привидение.

— Снайпер ушел? — пробормотал я ему.

Он неуверенно пожал плечами.

Я осмотрел окрестности, высматривая через разбитое окно в поисках каких-либо признаков того, что снайпер все еще там. Вероятно, они отступили, как только упустили свою цель. Я полагал, что к моменту прибытия властей их уже не будет в живых.

— Я досчитаю до трех, и мы побежим вон в тот задний зал, — сказал я ей на ухо, повернув голову, чтобы указать на заднюю часть ресторана.

Я пригвоздил ее взглядом, прежде чем она смогла возразить. Мои слова, наконец, прорвались сквозь границы ее желания бросить мне вызов. Успокоившись, она кивнула в

знак понимания.

Посчитав, что все чисто, я достал пистолет из боковой кобуры на бедре. Затем я прошептал ей на ухо "три", подтянул ее к себе, и мы оба бросились в дальний конец комнаты, мое тело по-прежнему прикрывало ее.

Найдя кладовку, которая, как я знал, находилась слева, я потянул ее за руку, втаскивая нас внутрь, и закрыл за нами дверь. Я знал, что Джексон сразу же доставит Виктора домой, и, честно говоря, меня совершенно не волновало, что с ним случится.

Моя цель была сосредоточена исключительно на том, чтобы доставить Оливию в безопасное место.

Моя рука потянулась за ее спину, чтобы потянуть за болтающийся шнур, который я заметил, когда входил, и включить лампочку малой мощности над нашими головами.

Она мерцала, прежде чем окрасить комнату в мягкий янтарный оттенок. Моя рука скользнула к ее спине, притягивая ее к себе. Засунув пистолет за пояс за спиной, я позволил своим рукам блуждать по ее телу, осматривая его на предмет повреждений.

Она разомкнула губы, словно собираясь что-то сказать, но из них не вырвалось ни звука. Ее глаза были широко раскрыты, когда она сосредоточила свое внимание на мне. Она быстро заморгала, затем покачала головой и сделала шаг к двери позади меня.

Я поймал ее руку в свою, мои пальцы сжались вокруг ее запястья. Я притянул ее к себе, и теперь ее лицо было всего в нескольких дюймах от моего. Другой рукой я быстро обхватил ее за шею, прижимая ее еще ближе, пока наши дыхания не смешались воедино.

— У тебя есть желание умереть?

Она вздернула подбородок, в ее глазах был вызов, но она не произнесла ни слова.

Ее тело напряглось прижимаясь к моему, и я с усилием воли заставил свое тело не дрожать от ее близости. У меня давно не было такой сильной реакции на кого-то другого.

Возможно, это была мания запретного, но я не мог отрицать, как мое тело было захвачено ею, чувством знакомости. То, как она идеально прижималась ко мне. Взгляд ее глаз.

Черт.

Я отстранился от нее, максимально отдалившись от нее. Я потянулся, чтобы снять пиджак.

— Ч-что ты делаешь? — спросила она в недоумении.

Вместо ответа я расстегнул пуговицы на рубашке, пунцовые пятна пропитали левую сторону, и сбросил ее с плеча. Затем я расстегнул лямки бронежилета, поморщившись от жгучего давления.

Я позвал ее согнутым пальцем.

— Иди сюда, — приказал я.

— Тео..., — она замолчала, теперь ее взгляд был прикован к моему плечу, из которого, без сомнения, все еще сочилась кровь.

Я вздохнул, сокращая расстояние, и надел жилет ей на голову. Она пристально смотрела на меня, пока я поправлял бретельки, чтобы они хорошо сидели на ней.

Ее рука дотянулась до моего голого плеча, ее палец провел по моей коже, размазывая кровь.

— У тебя идет кровь, — сказала она, задыхаясь, с беспокойством в голосе.

Я рискнул взглянуть вниз и увидел, что ее темно-карие глаза пылают жаром. Воздух стал густым, как это всегда бывало, когда мы оставались вдвоем в замкнутом пространстве.

Эта чужая, но знакомая энергия потрескивала между нами.

Я стряхнул ее руку со своего плеча — ее прикосновение было слишком невыносимо — и закончил закреплять жилет на ее теле.

— Со мной все будет в порядке. Не снимай его.

Она хотела отойти, но я притянул ее к себе, приподняв указательным пальцем ее подбородок.

Оливия открыла рот, чтобы что-то сказать, но я прервал ее, схватив за подбородок.

— Послушай, мне все равно, что ты сейчас думаешь. Тебе нужно научиться следовать инструкциям, не споря. Кто-то пытался убить тебя. Если я говорю надеть пуленепробиваемый жилет, ты надеваешь этот гребаный бронежилет. Это ясно?

Ее дыхание сбилось, и я увидел, как в ее глазах разгорается желание пойти против моего решения, но она просто кивнула.

Оливия Моралес может стать моей смертью.

СОФИЯ

Все шло по плану. Все, кроме реакции Тео на *покушение* на мою жизнь.

Я попыталась вырваться из его хватки, чтобы посмотреть, не пострадал ли кто-нибудь, так как планировала немного отойти в сторону, достаточно, чтобы Валентина смогла выстрелить. Цель была в том, чтобы обойтись без жертв и нанести минимальный ущерб этому месту.

Но, конечно, он изменил и этот план, набросившись на меня. То есть, он использовал свое тело, чтобы прикрыть мое, готовый принять пулю за меня.

Что он, по иронии судьбы, и сделал.

Осознание этого пришло ко мне только тогда, когда он потащил меня в кладовку. Я не могла сказать, насколько серьезна была его травма, но надеялась, что она всего лишь задела его.

Мое сердце сжалось при мысли о том, что он рисковал своей жизнью, чтобы защитить меня, но мне приходилось постоянно напоминать себе, что его и наняли для этого, чтобы он защищал не *меня* — Софию Эрреру. Он прыгнул, чтобы защитить Оливию Моралес.

Я пыталась запечатлеть эти слова в своем мозгу, внутренне покачав головой, возвращаясь к кладовке, в котором мы находились последние несколько минут.

— Жди здесь, — приказал он, повернувшись ко мне спиной, чтобы снова натянуть свою окровавленную рубашку.

Я заставила себя оторвать взгляд от его мускулистой спины.

— Ты куда?

— Убедиться, что там безопасно для нас, — сказал он, оглядываясь через плечо.

— Я иду с тобой.

— Нет, Оливия. Ты останешься здесь.

— Я иду, — сказала я решительно.

Он тяжело вздохнул, прежде чем сунуть руку за пояс брюк и вытащить свой пистолет.

Он осторожно открыл дверь, и мы оба выскользнули наружу. Я последовала за ним, так как у меня не было с собой оружия. Я бы спросила, не припрятал ли он там второй для меня, но это могло вызвать подозрения, а весь смысл этого отвлекающего маневра заключался в том, чтобы направить его скептицизм в другое место.

Главная комната была пуста. Все, кто был здесь, уже сбежали. Он быстро проверил

помещение, и, посчитав его безопасным, мы направились к выходу в задней части кафе. Мы прошли через заброшенную кухню, где на полу были разбросаны приборы, и вышли через заднюю дверь.

Как только мы вышли на улицу, он прижал меня одной рукой к бетонной стене, спрятав за мусорным баком, пока осматривал переулок.

Он подобрал дверной ограничитель, который валялся снаружи, рядом с задней дверью ресторана, и порылся, пока не вытащил длинный металлический прут. Затем он направился к черному Ford Explorer, который был припаркован в стороне.

Я последовал за ним, с любопытством наблюдая, как он ломает дверную ручку в боковой часть двери.

— Что ты делаешь?"

— Пытаюсь взломать машину. Если ты мне позволишь, — заявил он, все ещё стоя ко мне спиной, продолжая свою работу.

Выражение моего лица сменилось замешательством, брови нахмурились. Он посмотрел на меня через плечо.

— Возможно, они все еще охотятся за тобой. Я не хочу, чтобы они отследили машину, на которой мы приехали сюда, и снова пришли за тобой.

Распахнув дверь, он бросился на водительское сиденье, на мгновение спрятав голову под руль, прежде чем рев машины эхом разнесся по пустому переулку.

Я стояла там, не двигаясь. Он опустил окно и посмотрел на меня.

— Ты идешь? — спросил он нетерпеливо.

Я обогнула машину и направилась к пассажирской стороне. Я едва успела пристегнуть ремень безопасности, как он переключил передачу на первую и нажал на педаль газа под звук приближающихся полицейских машин.

Поездка на машине была напряженной, как только адреналин улетучился, разочарование волнами отражалось от его тела. Он вел машину нестабильно, выезжая на встречную полосу и превышая скорость по крайней мере на сорок миль. Ему явно было все равно, остановят нас или нет.

В конце концов мы пересекли ворота дома и поехали по длинной подъездной дорожке. Мы едва успели припарковаться, как Тео выскочил из машины, оставив дверь нараспашку. Я выскочила вслед за ним.

Он ворвался через парадную дверь в дом, прямиком в гостиную, где собрались несколько человек из службы безопасности.

— Что, блядь, там произошло? — кричал он ни на кого конкретно.

— Мистер Альварес, мы до сих пор не уверены, что... — начал Мэддокс, еще один из людей Джексона.

Тео повернулся так быстро, что его путь пролетел как в тумане. Мэддокс едва успел закончить фразу, как Тео прижал свое правое предплечье к горлу, прижимая к стене.

Наклонившись угрожающе близко, он прорычал:

— Она могла умереть.

Я никогда не видела Тео таким расстроенным, таким *злым*. Не с тех пор, как он узнал о том, что мучило меня в кошмарах. Тео не был жестоким человеком. Мэддокс просто не вовремя оказался в поле его зрения. Пытаясь успокоить его и зная, что он не причинит мне вреда, я подошла к нему и положил руку на его плечо.

— Мистер Альварес, — начала я, мой голос был мягким. — Тео, посмотри на меня. Я в порядке. Пожалуйста, отпусти его.

Его мышцы напряглись, и он снова посмотрел на меня. Его глаза были сердитыми, но они тут же смягчились, когда он понял, кто это.

Он ослабил свою хватку на горле Мэддокса как раз в тот момент, когда Виктор ворвался в гостиную с ревом, Джексон и остальные его люди следовали за ним.

Он вызвал всех. Черт.

— Как это произошло? — рявкнул Виктор на всю комнату.

Мэддокс привалился к стене, упал на колени, прижав руку к горлу, и закашлялся, пытаясь отрегулировать дыхание.

Зная, что он не заметил меня, стоящую за крупной фигурой Тео, я прочистила горло, придав своим чертам обеспокоенное выражение.

— Виктор?

Он бросился ко мне в своем все еще идеально отглаженном костюме-тройке и притянул меня к своей груди, проводя руками по моему телу, неоднократно спрашивая, все ли со мной в порядке.

Должно быть, у меня хорошо получается выглядеть испуганной.

Я отстранилась.

— Я в порядке, *mi amor*. Что происходит?

— Сэр, я хотел бы поговорить, — обратился Тео к Виктору.

— Что? — огрызнулся Виктор. Когда он заметил, что к нему обращается Тео, он быстро пришел в себя и кивнул, призывая Тео продолжать.

— Наедине, — добавил Тео.

Виктор разочарованно провел рукой по лицу и направился в свой кабинет. Тео последовал за ним, закрыв за собой дверь.

О чем, черт возьми, они могли говорить, что требовало уединения?

Все молчали. Они вернулись через несколько минут, причем Виктор выглядел еще более сердитым, чем раньше.

— Собирай вещи, — заявил он, не оставляя места для дискуссий.

— Прости? — Я, должно быть, ослышалась. Я пыталась понять, что он только что сказал, когда он заговорил снова. На этот раз с большей настойчивостью.

— Сейчас же. У тебя есть пять минут, пока Тео готовит машину.

Мои глаза сузились, глядя на него смесь замешательства и нетерпения всплыла на поверхность, когда я переключила свое внимание на Тео.

Нахмурившись, я скрестила руки.

— Я никуда с ним не пойду.

Виктор закрыл глаза, с силой потирая ладонью лицо.

— Оливия, не начинай сейчас. Это не обсуждается. Иди собирай вещи, или ты уйдешь ни с чем, — сказал он, испытывая терпение.

Уеду ни с чем.

Как будто мне есть до этого дело. Я не могла покинуть этот дом. У меня не было бы доступа ни к чему.

И застрять с ним. Одна.

На несколько дней.

Au, carajo. (пер. *Ох, черт.*)

Тео вмешался:

— Мы нашли решение, миссис Моралес. Мы должны доставить вас в безопасное место".

— И кто, блядь, дал тебе право принимать решения? — выкрикнула я, глядя на него.

— Достаточно, — огрызнулся Виктор, заставив нас обоих замолчать. — У вас есть четыре минуты, чтобы уйти отсюда.

Он повернулся к Тео, отпуская меня.

— Я знаю, что это не было частью твоего контракта, но мне нужно, чтобы ты обеспечил ее безопасность.

Их болтовня стихла, когда я поднималась по лестнице.

— Я обеспечу ее безопасность, сэр, — услышала я слова Тео, прежде чем закрыть за собой дверь.

Okey, Sofia, piensa. (пер. *Ладно, София, думай.*)

Как, черт возьми, ты собираешься продолжить в том же духе, если у тебя нет полного доступа?

Я прошла через всю комнату, направляясь прямо к комоду. Я нагнулась и взяла черный телефон, приклеенный скотчем под ним, который пролежал там не тронутым в течение нескольких недель. Включив его, я быстро отправила сообщение на единственный указанный там номер..

Я: Время пришло.

Теперь мне оставалось только надеяться, что человек на другом конце провода поймет и возьмет на себя ответственность до моего возвращения.

Я бегала взад и вперед, пытаюсь втиснуть как можно больше вещей в большую сумку, которую я нашла в глубине шкафа. Мне едва удалось уместить несколько предметов одежды, когда в дверь постучали. Я потянулась к ручке двери, когда Тео открыл ее и чуть не ударил меня прямо в лоб.

Pendejo. (пер. *Мудак*)

— Мы уходим, — проворчал он.

Неужели.

— Ещё не прошло четырех минут. Я не... — начала я, потирая рукой лоб, чтобы разогнать надвигающуюся головную боль.

— У нас нет больше времени, — сказал он, выхватив у меня из рук сумку и направляясь вниз по лестнице, прежде чем у меня появился шанс возразить. Я последовала за ним и врезалась в его спину, когда он резко остановился внизу, где ждал *мой муж*.

Это было хорошее начало. Сначала дверь, а теперь это.

— Миссис Моралес, я подожду вас в машине, — сказал он, не оглядываясь, оставив меня наедине с Виктором, а сам направился к новому внедорожнику.

Через плечо Виктора я наблюдала, как он забрасывает сумки в багажник, бормоча что-то себе под нос. Затем он обошел машину со стороны водителя, устроился поудобнее и завел

двигатель.

— Я знаю, что тебе это все не нравится, но это для твоей же безопасности, — начал он. — Я люблю тебя, — закончил он, наклоняясь, чтобы прижаться поцелуем к моим губам, и я подавила дрожь, когда он отстранился.

— Как долго это будет продолжаться?

Его глаза сузились.

— Столько, сколько потребуются.

— Хорошо. — Я прошла мимо него, оставив его стоять на месте.

Как только я села на пассажирское сиденье, Тео быстро включил задний ход и уехал, проносясь по дороге, колеса визжали от скорости.

— Куда мы едем? — Я взглянула на него, но его глаза не отрывались от дороги, одна рука держала руль, другая лежала на бедре.

— В безопасное место, — ответил он.

Я ждала, что он предоставит больше информации, но в ответ получила лишь молчание.

Я прислонилась лбом к окну и смотрела на улицу, наблюдая, как пролетает время. Шоссе тянулось, деревья становились все выше, перекрывая все больше дневного света. Время от времени он бросал взгляд на зеркало заднего вида, чтобы убедиться, что никто не преследует нас.

Постепенно адреналин, полученный ранее, выветрился из меня, и не успела я оглянуться, как мои веки сомкнулись, а окружающий мир исчез.

СОФИЯ

Переход с асфальтированного шоссе на грунтовую дорогу заставил меня проснуться: под шинами хрустел гравий.

Я открыла глаза, когда Тео повернул налево и поднялся по крутой гравийной дорожке. Я уставилась через лобовое стекло на появившееся в поле зрения строение, расположившееся посреди небольшой поляны, темный внешний вид которого сливался с окружающей природой.

Лес был густым, и я не могла ничего разглядеть, но полагаю, что мы прибыли к месту назначения.

— Мы на месте, — объявил он, остановившись перед каким-то домиком. Или лучше сказать хижинкой, судя по его размерам. Он потянулся вперед и заглушил двигатель, вынув ключи из замка зажигания.

Без лишних слов он достал наши сумки на заднем сиденье, затем вышел из машины и захлопнул за собой дверь, а я сидела неподвижно, глядя на это место.

Мы находились буквально в глуши. Я сомневалась, что смогу поймать сигнал на своем телефоне. Я проверю позже, но надежды были невелики.

А это означало, что я в полной заднице. В буквальном смысле.

Я не только застряла здесь, одна, с ним, но у меня даже не было удаленного доступа к чему-либо в Бемесе.

Я подождала еще минуту, прежде чем открыть дверь. Холодный воздух хлестнул меня, и я плотнее укуталась в куртку, холод покусывал мои голые ноги.

Кто бы мог *добровольно* жить здесь при такой температуре?

Это было все равно, что шагнуть в морозильную камеру. Я вздрогнула, мои зубы стучали. Я соскользнула со своего сиденья и закрыла за собой дверь, затем шагнула к передней части машины.

Я не могла точно сказать, сколько сейчас времени, так как большую часть поездки проспала после того, как Тео продолжал наматывать круги. Я не знала, было ли это сделано для того, чтобы дезориентировать меня или потеряться из виду от тех, кто мог бы нас преследовать.

Солнце садилось, холод обжигал мою кожу. Я прикрыла глаза ладонью от остатков солнечного света, пробивавшегося сквозь густой лес, и осмотрела местность.

Лес, казалось, тянулся бесконечно, ничего, кроме уединенного домика, в котором нам предстояло остановиться. Я вдохнула, в нос ударил запах земли, воздух был влажным.

Я закрыла глаза, чтобы услышать звук текущей воды, но ничего не услышала.

Было совершенно тихо. Слишком тихо, на мой взгляд, а я ненавидела тишину.

Что это за место?

Должно быть, я сказала это вслух, потому что голос Тео нарушил тишину.

— Это место принадлежит одному моему знакомому. Мы подумали, что будет лучше отвезти тебя туда, где тебя не смогут отследить.

Я отвела взгляд от вида и снова посмотрела на Тео.

Перекинув наши сумки через плечо, он снова взглянул на меня. Его глаза на мгновение задержались на мне, прежде чем он отвел взгляд и направился к хижине. Я выдохнула и последовала за ним, поднявшись на несколько шагов по деревянным ступенькам небольшого крыльца.

Несмотря на то, что домик был небольшим, в нем были большие стеклянные эркерные окна по всему периметру, которые позволяли любому заглянуть внутрь. Интерьер напомнил мне обстановку моей старой студии, только без беспорядка и бесчисленных компьютерных мониторов.

Он толкнул дверь и повернулся ко мне лицом, ожидая.

Он переоделся в черный свитер тонкой вязки, полоска белой повязки проглядывала через воротник. Скорее всего, он подлатал себя и переоделся по дороге сюда, потому что, насколько я помню, когда мы выходили из дома, на нем все еще была окровавленная рубашка.

Я обошла его, войдя внутрь, и он последовал за мной, поставив сумки у двери и закрыв ее за собой.

Здесь пахло именно так, как можно было бы ожидать от старой, необитаемой хижины в глуши — заплесневелое дерево и влажная сажа вторглись в мои органы чувств.

Пока я осматривала помещение, он обошел вокруг, открывая окна. Интерьер оказался немного больше, чем я ожидала, но все просто слилось воедино, как одна большая комната с узким коридором сбоку.

В центре гостиной стоял кожаный диван деревенского вида, перед ним — маленький потертый журнальный столик, в дальнем углу — камин с дровами. Перед камином и диваном лежал толстый ковер, а все остальное было покрыто голыми дощатыми балками.

На кухне стояла черная плита и раковина рядом с ней. Посудомоечной машины не было, только сушилка рядом с раковиной. Холодильник находился справа, а посередине располагался островок для разделки мяса.

Я предположила, что спальни и ванная комната, вероятно, находятся в коридоре.

Я направилась в дальний правый угол, потирая рукой затылок, массируя мышцы, вызванные странным сном в машине, и направилась к коридору. Я открывала двери в коридоре одну за другой, ища, где каждый из нас будет спать.

Я нашла кладовку, ванную, но спальни все еще не было. Я подошла к последней двери и отперла ее, затем шагнула внутрь.

Между моими бровями мгновенно образовалась складка.

Esto tiene que ser una broma. (пер. *Это должно быть какая-то шутка.*)

Меня встретила односпальная кровать.

Как одна кровать. В единственном числе. Как будто она была только для одного

человека. И к тому же узкая. Два человека могли поместиться на ней, только если они спали в обнимку, один человек на другом.

Я повернулась, чтобы выйти из комнаты, когда врезалась в твердую гору мышц. Его шаги были такими тихими, что я едва слышала его приближение. Испугавшись жара его тела, обжигающего мое, я сделала шаг назад, но при этом врезалась спиной в дверную раму.

Дрожь пробежала у меня по позвоночнику от того, как близко он был, моя грудь касалась его груди при каждом вдохе.

Я провела взглядом по его твердой груди, и у меня перехватило дыхание, когда наши глаза столкнулись, в них промелькнуло что-то, что я не могла расшифровать. Мой желудок сжался от тревоги, что это может быть тот момент, когда он поймет, кто я. Что следующим, что сорвется с его губ, будет мое имя, *мое настоящее имя*.

София.

Мой взгляд переместился на его пухлый рот, и я сглотнула.

Он отпрянул назад, как будто мысль о том, чтобы прикоснуться ко мне еще раз, была физически мучительной, и его взгляд скользнул выше моей головы в спальню.

— Ты можешь занять кровать, — сказали мы одновременно, встретившись взглядами.

Мускул на его челюсти дрогнул, когда он оглянулся через мое плечо, пристально глядя на кровать, как будто это заставило бы волшебным образом появиться еще одну.

— Миссис Моралес, займите кровать. Я могу спать на диване.

— Мистер Альварес, я *настаиваю*.

Он перевел взгляд обратно на меня.

— *¿Te despiertas cada día pensando en maneras de fastidiarme?* (пер. *Ты каждый день просыпаешься и думаешь о том, как бы меня приструнить?*) — пробурчал он, разочарование ясно читалось на его лице.

— *Ay, Mr. Alvarez. Me voy a dormir pensando en eso también.* (пер. *Увы, мистер Альварес. Я сплю, размышляя об этом*). — Я усмехнулась.

Поскольку коридор был узким, никто из нас не заметил, что в процессе спора о том, кому достанется кровать, мы оба шагнули ближе друг к другу, и его резкое дыхание обдало мое лицо, эмоции кипели в воздухе.

Мы простояли так на мгновение дольше чем следовало, прежде чем он сделал шаг назад, создавая между нами еще больше расстояния.

Раздражение пробежала по моим венам от того, что он сделал шаг назад. Я знала, что это не должно меня так сильно беспокоить, но почему он всегда должен был отступать первым?

Он выругался под нос, проведя рукой по своей бороде.

— Мистер Альварес был мне как отец. Со мной все будет в порядке, миссис Моралес. Я —...

Зарычав, я прервала его, прежде чем он успел продолжить.

— А Моралес — мой муж. Тем не менее, ты настаиваешь на том, чтобы называть меня миссис Моралес. — Я протиснулась мимо него и вернулась в гостиную. — Я сказала тебе занять кровать, так сделай это. Кроме того, ты работаешь на меня, а не наоборот, помнишь?

Он разочарованно вздохнул.

— *Оливия*, я просто волнуюсь о тебе.

Я внутренне застонала от того, что он использовал вымышленное имя, в глубине души желая, чтобы вместо него было названо другое.

Я остановилась, повернувшись к нему лицом.

— Не стоит, — прошипела я. Мое заявление прозвучало резче, чем я намеревалась, но мне нужно было создать четкое разделение, если я собиралась провести следующие несколько дней в непосредственной близости от него.

Он закатал один из рукавов и задрал его выше локтей, обнажив рельефные мышцы рук. У меня свело живот от этого небольшого действия, и я вздохнула, раздраженная тем, что мое тело продолжает так бурно реагировать на него, несмотря на все мои усилия сдержаться, чтобы не выдать себя.

Он принялся за другой рукав, когда я поняла, что тишина вокруг нас была вызвана тем, что я смотрела на него. Он вскинул бровь, выводя меня из транса.

— Я пойду осмотрю окрестности, чтобы убедиться, что за нами не следили.

Ветер дул в открытое окно, и я задрожала, на этот раз от холода, и натянула куртку поближе. Он двинулся через комнату, закрывая их.

— Я также постараюсь найти дрова, чтобы разжечь камин, — закончил он, проходя мимо меня к входной двери. Не дожидаясь ответа, он ушел, закрыв за собой дверь.

Как только он скрылся из виду, я схватила свою сумку у двери и села на диван, бросив сумку на стол. Подождав немного, чтобы убедиться, что он не вернется, я расстегнула молнию на сумке и потянулась во внутренний карман, чтобы достать маленький черный телефон.

Я проверила, нет ли ответа на мое предыдущее сообщение, и только тогда заметила, что у меня нет связи.

Mierda. (пер. *Черт*)

Я прошлась по комнате с поднятым телефоном, чтобы проверить, не ловит ли связь тут, но ничего. Я засунула телефон обратно и взяла спортивные штаны и толстовку, чтобы переодеться.

Я знала, что это всего лишь на несколько ночей, но это был первый раз, когда мы будем с ним под одной крышей за семь лет. Мне нужно было увеличить между нами как можно больше расстояния, судя по нашему опыту нахождение рядом друг с другом, не уверена, что пройдет без проблем.

Как бы я ни старалась не обращать на это внимания, я не доверяла себе рядом с ним.

ТЕО

Это была ошибка.

Почему я решил, что остаться с ней наедине на несколько дней — хорошая идея?

Но после прочтения записки, которую она получила перед тем, как в нее стреляли, в сочетании с тем, что случилось с покойной женой Виктора, мой мозг заработал на полную мощность.

Я всегда разделял личную жизнь и работу. Однако, когда дело касалось Оливии, у меня возникла внутренняя потребность защитить ее.

Я пытался убедить себя, что мои доводы основаны исключительно на том, что это моя работа — обеспечивать ее безопасность, но я терпел неудачу, потому что в глубине души знал, что лгу самому себе.

Этот свободный доступ к ней на ежедневной основе может навлечь на меня неприятностям.

По дороге сюда мне пришлось держать руки приклеенными к рулю, чтобы не поддаваться желанию прикоснуться к ней. Большую часть пути сюда она спала, но с каждым движением ее юбка задиралась все выше, обнажая все больше ее гладких ног. В конце концов, я просто взял свой пиджак с заднего сиденья и накрыл ее.

Что-то изменилось той ночью в домике у бассейна, когда я поймал ее за тем, что она роется в моих вещах, переступив черту, которую я никогда не должен был переступить.

Я не позволял себе хотеть никого, кроме *нее*. София все еще была всем, о чем я мог думать, даже после всех этих лет. Смотреть на кого-то еще, *хотеть* кого-то еще было равносильно предательству.

Все это не имело смысла, но я ничего не мог с собой поделать.

Она была запечатлена на моей коже, *в буквальном смысле*, и у меня все еще было это глупое желание однажды найти ее снова. Чтобы она вернулась ко мне. Ради меня.

То, что происходило между мной и Оливией, было другим, но в то же время таким похожим. Она заставляла меня чувствовать *что-то*, чего я пока не мог объяснить. Любопытство? Искушение? Узнаваемость?

К счастью, планирование благотворительного гала-вечера занимало ее большую часть дня, что означало, что я почти не видел ее, разве что для того, чтобы водил ее с собой на разведку мест, выполнял поручения или смотрел через экран моего компьютера, когда я

проводил ночи за просмотром записей с камер, чтобы изучить любые отклонения во время наших прогулок.

По крайней мере, я убеждал себя, что делаю это именно поэтому, а не ради возможности смотреть на нее часами напролет. Теперь я застрял с ней на Бог знает сколько времени в этой крошечной хижине, моей крошечной хижине. В том самом, в котором я не останавливался уже много лет.

Я прошелся по территории, еще раз убедившись, что никто за нами не следит, прежде чем взять запасной телефон из заднего кармана и набрать номер Ноя.

— Почему ты не отвечаешь на мои звонки? — спросил он, перекрикивая звук закрывающейся двери на заднем плане.

— Был немного занят, уворачиваясь от пуль.

— Я слышал. Кто-нибудь пострадал?

— Пуля задела мое плечо, но с Оливией все в порядке.

Он выругался себе под нос.

— Где ты сейчас? Я не могу отследить твое местоположение с тех пор, как ты покинул ресторан. Кроме того, почему ты звонишь мне со своего телефона?

— Может, хватит допрашивать меня? Мы в безопасном месте. Это все, что тебе нужно знать на данный момент.

Я вернулся к машине и открыл багажник, щелкнув люком. Я зажал телефон между ухом и плечом, пока доставал файлы.

— Слушай, кто бы ни отправил эти записки, он знает, как замести следы, — сказал я, изучая записку. — В этих записках есть что-то общее. Нет никаких опознавательных знаков. Я не смог ничего отследить. Единственное, что у меня есть, это то, что они от одного и того же отправителя, поскольку бумага, которую он использует, и каллиграфия идентичны. — Я сделал паузу, обдумывая информацию. — Кто бы за ней ни охотился, он не такой дурак, чтобы оставить на ней отпечатки пальцев.

Он помолчал минуту, прежде чем назвать меня по имени, что он делал редко.

— Тео...

Прежде чем он продолжил, я выпалил: — Мне нужно, чтобы ты оказал мне услугу.

— Услугу? — спросил он, недоумевая.

— Мне нужно, чтобы ты нашел все, что сможешь найти об Оливии Моралес.

Он задумался над моим заявлением на мгновение.

— И зачем мне это делать?

— Это личное.

— Мне нужно нечто большее, чем просто "это личное", если я собираюсь вторгнуться в частную жизнь гражданина, — пробормотал он с разделением в голосе.

— У меня предчувствие.

— Предчувствие? — Его разочарование было ощутимо даже через телефон. — В чем, собственно, дело? — Он настаивал, несмотря на то, что знал, что может получить от меня ответ, а может и нет. Ноа обладал интуицией и знал меня лучше, чем кто-либо другой.

— Ты должен доверять моим *чувствам*. Итак, ты сделаешь это для меня или нет?.

— Пожалуйста, не говори мне, что речь идет о твоей нелепой теории, что якобы она София. Прошло семь лет, Альварес. Отпусти ее.

Никогда. Я никогда не смогу отпустить ее.

Злость бурлила в моих венах.

— Просто дай мне то, что у тебя есть, — сказал я сквозь стиснутые зубы и повесил трубку. Я бросил телефон на войлочное покрытие, размышляя над содержимым, высыпавшимся из манильской папки.

Я хотел знать больше. Мне *нужно* было знать больше.

Что-то не сходилось. Начиная с того, что Ной назначил меня телохранителем жены миллиардера, и заканчивая тем, что теперь кто-то пытается ее убить.

Если его нежелание делиться подробностями этого дела казалось мне странным, то осознание того, что за ней охотится человек, обладающий навыками снайпера, убеждало меня в том, что здесь что-то не так.

Я прихватил несколько оставшихся бревен со стороны хижины и вернулся в дом, когда над лесом опустился густой туман.

Я просматривал запись с камер наблюдения, когда услышал приближающиеся шаги. Перед тем как мы покинули дом, Джексон прислал мне копию всех записей, которые им удалось собрать. Я просматривал ее по кругу, пытаюсь найти хоть какую-нибудь зацепку.

— Что ты делаешь? — спросила она.

Я украдкой бросил взгляд в сторону, когда она обогнула диван и заняла место на противоположном конце от того, где сидел я. Она переоделась из юбки и куртки в серый спортивный костюм. Она подтянула ноги и еще больше свернулась калачиком на диване.

— Просматриваю некоторые записи, сделанные ранее, — сказал я, выключая видео.

— Удалось что-нибудь найти?

Закрыв глаза, я разочарованно выдохнул, зажав переносицу под очками.

— Пока нет, — ответил я напряженно, опуская руку на бок. — В ресторане было только несколько камер внутри, но ни одной в переулке, откуда был сделан выстрел.

Я почувствовал сильную головную боль, усиливающуюся из-за многочасового просмотра видеозаписи, которую я только что смотрел, снова и снова. Я откинулся назад, подняв очки над головой, затем провел рукой по лицу.

Я просмотрел все записи камер наблюдения. Главный зал. Лифты. Лестницы с выходами.

Ничего.

По сути, все, что на нем было видно, — это разбитые стекла, и я все еще не мог точно определить точку входа или в каком здании находился стрелок, когда стрелял.

Я даже взломал уличные камеры наблюдения, но ничто не охватывало достаточно территории, чтобы показать переулков за зданием, а большинство из того, что я нашел, показывало только статичные кадры.

Я наклонился вперед и положил локти на колени, сцепив пальцы. Я повернул голову в ее сторону и неуверенно посмотрел на нее.

— Ты *что-нибудь* знаешь о том, что произошло сегодня, или почему кто-то так преследует тебя?

Она нервно заерзала под моим взглядом, ее челюсть слегка сжалась от моего вопроса. Я

посмотрел вниз и увидел, что она вцепилась в края дивана, а костяшки ее пальцев побелели.

Она посмотрела на меня, прежде чем отвернуться от меня.

— Откуда мне знать? — наконец проворчала она.

Я наклонил голову и внимательно изучил ее. Я быстро становился экспертом в чтении Оливии Моралес, и ее разочарованный отказ меня не обманул.

Что-то было не так.

Я колебался.

— Это была встреча в последнюю минуту. Как кто-то мог узнать, что мы были там? — пробормотал я, больше для себя, чем для нее.

Она только пожала плечами. Я встал и пересек комнату. Присев перед камином, я кинул в нее еще дрова. Огонь разгорался, треск пламени наполнял комнату, пока дождь бил по окнам.

На мгновение мы замолчали, пока я регулировал огонь, когда ее желудок издал глубокое урчание, достаточно громкое, чтобы испугать нас обоих.

Я тихонько хихикнул и снова обратил свое внимание на нее, приподняв бровь. — Проголодалась? — спросил я, вставая с места.

— Я в порядке.

Конечно, в порядке.

Я прошел мимо нее и направился на кухню.

— Оливия, ты не ела с самого утра.

— Я сказала, что я...

— Я клянусь, если ты еще раз скажешь, что все в порядке... *Dios mío*, Оливия, почему ты всегда и во всем со мной споришь?

Я взял несколько ингредиентов из холодильника и поставил их на столешницу, чтобы быстро приготовить ей что-нибудь. По дороге сюда я зашел в магазин, заплатил мальчишке, чтобы он купил несколько необходимых вещей.

Она прошла на кухню и оперлась локтями о столешницу.

— Подай мне нож, — тихо приказал я.

Она открыла ящик и достала оттуда один, а затем протянула его мне без единого слова.

Это было впервые.

Я нарезал кусочки хлеба, затем сделал то же самое с помидорами и салатом. Взяв сыр и индейку, я приготовил два сэндвича, не забыв спросить, не хочет ли она что-нибудь добавить.

Я залез в один из шкафов и достал тарелку, затем положил на нее сэндвичи и протянул ей.

Она сморщила нос.

— Что не так?

— Хм, ты не мог бы разрезать корочку? — Она сделала паузу. — Пожалуйста?

Пожалуйста. Еще один первый раз.

Я покачал головой, в моей груди раздался небольшой смешок при воспоминании о том, что София всегда просила меня о том же.

Я подчинился, вытеснив мысли о Софии из головы, и передал тарелку обратно Оливии, на этот раз без корочки. Я вернулся к дивану, и она последовала за мной, на этот раз усевшись ближе ко мне.

Она подогнула одну из ног под себя, а затем взяла половинку, и пока она ела, я снова

надел очки для чтения и погрузился в просмотр видеозаписей.

Время от времени я поднимал на нее глаза и ловил на себе ее пристальный взгляд. На этот раз ее взгляд не был враждебным, а скорее оценивающим, как будто она пыталась разгадать меня.

Я заметил, как близко друг к другу находились наши бедра, едва ли дюйм разделял нас.

Я ждал, что она что-нибудь скажет, но она, казалось, была довольна молчанием. Я не знаю, сколько времени мы просидели так, она ела, а я продолжал анализировать экраны, в то время как дождь затихал.

В какой-то момент она встала, и я услышал, как она роется на кухне. Через несколько минут она вернулась и что-то протянула мне. Я оторвал взгляд от ноутбука и только тогда понял, что она приготовила еще одну тарелку.

На этот раз это было для меня.

Необъяснимым образом мое сердце заколотилось, и я поднял на нее глаза. Мы смотрели друг на друга, пока я не заставил себя отвести взгляд, пробормотав слова благодарности.

Возможно, это ничего не значило, но никто не заботился обо мне уже очень давно, и ее маленький жест задел мои сердечные струны. Я попытался переключить свое внимание и сосредоточиться на задаче найти что-нибудь, хоть *что-нибудь* из того, что дал мне Джексон, но время от времени я не мог не смотреть на нее.

Было уже за полночь, когда сон овладел моим сознанием. Я переключил свое внимание на Оливию, но обнаружил, что она уже крепко спит. Я изучал ее в тусклом свете камина, и при виде того, как она прижалась к углу дивана, у меня сжались дыхательные пути, и воздух с шумом покинул мои легкие.

Я вздохнул и провел руками по своим прядям.

Боже, от нее просто дух захватывает.

Я осторожно закрыл экран ноутбука и поднялся с дивана. Я хотел подхватить ее на руки и перенести в спальню, зная, что спать на диване будет неудобно, но она выглядела такой умиротворенной, что было такой редкостью, что я не хотел нарушить ее сон.

Мои глаза задержались на ее фигуре, а затем изучили ее лицо, замечая детали, которых я не замечал раньше. Изгиб ее носа, обрамляющие густые ресницы, высокие скулы, едва заметное созвездие светло-коричневых веснушек на носу, изгиб пухлых губ.

Блядь.

Я отвел взгляд, и моя челюсть сжалась от непрошенных образов, заполнивших мои мысли. Я знал, что не должен так думать о ней, но ничего не мог с собой поделать.

Ее тихий храп вывел меня из задумчивости, и я медленно встал, стараясь не разбудить ее.

Я взял одеяло из шкафа и накинул его на ее тело. Ее локоны были собраны в свободный пучок на макушке. Выбившийся локон упал ей на лицо, и я встал на одно колено, наклонившись, чтобы дотянуться до него и заправить ей за ухо.

При этом мой большой палец провел по ее скуле, и она зашевелилась, издав умиротворенный вздох. Моя кожа зудела от желания прикоснуться к ней снова, и хотя я не должен был этого делать, я снова провел большим пальцем по ее мягкой коже.

— *Dios, eres asombrosa,* — прошептал я.

Я наконец встал, посмотрел на нее в последний раз, затем взял свою сумку, которая стояла у входной двери, и отнес ее в спальню. Я сбросил с себя одежду, оставив только трусы-боксеры, и взял белую футболку, которую натянул. В ванной я сменил испачканную

повязку на плече и вернулся в спальню, выключил свет и забрался в кровать, мягко опустив голову на жесткую подушку.

Я сцепил руки за головой и постарался не обращать внимания на острую боль, поселившуюся в груди. Я закрыл глаза, желая уснуть.

В конечном итоге я заснул с воспоминаниями о ней.

Только крик вырвал меня из моих грез в темной ночи.

Оливия.

— Нет! — закричала она, в ее голосе звучал ужас.

Я вскочил с кровати, схватил свой "Глок" из-под подушки и бросился в гостиную, держа пистолет наготове. Я огляделся вокруг, чтобы опознать незваного гостя, но никого в комнате не было.

Какого черта?

Мой взгляд упал на тело Оливии, и я увидел, что она корчится от боли, прижимая руку к боку. Ее лицо потеряло всякий цвет, глаза были крепко зажмурены.

Мое сердце оборвалось, когда ее следующие слова прозвучали сдавленным звуком.

— ¡*Mama! No te abandones.* (пер. *Мама! Не оставляй меня!*)

СОФИЯ

Щелк.

Щелк. Щелк.

Я слышала крики издалека, и мое горло странно жгло, но я не могла понять, откуда исходит этот пронзительный звук.

Неужели это я издаю такой звук?

Мама лежала на полу, и мои губы приоткрылись в судорожном вздохе, когда я попыталась позвать ее. Снова и снова. Но ни звука не выходило.

Ее голова откинулась в сторону, безжизненные глаза смотрели прямо на меня. Я попыталась дотянуться до нее, но моя рука не могла пошевелиться. Мое тело не отвечало ни на какие команды. Неважно, как отчаянно я требовала, чтобы оно двигалось, оно не двигалось. Я словно была полностью парализована.

Я почувствовала сильное давление в животе, пронзающее и прожигающее путь к каждой клеточке моих внутренностей. Я посмотрела вниз, чтобы понять, что со мной происходит, и увидела жуткое зрелище, по комнате витал запах смерти.

Кровь. Так много гребаной крови, просочившейся сквозь мою рубашку. Я схватилась за бок, пытаюсь остановить кровотечение, но все было напрасно.

До этого момента мне и в голову не приходило, сколько литров крови содержится в организме. Конечно, нас учили в школе, но простые знания не шли ни в какое сравнение с тем, как она вытекает из тебя, скапливаясь под тобой.

Мое зрение медленно ослабевало, взгляд расфокусировался, а веки стали слишком тяжелыми, чтобы держать их открытыми.

Темнота окружила меня, привлекая еще глубже, когда я почувствовала, как кто-то трясет мое тело. Панический голос, выкрикивающий какое-то имя, проник в глубокий туман, в который медленно погружался мой мозг.

Голос снова проник в море сознание, пытаюсь завладеть им, но мягкое затишье пронеслось по всему телу, увлекая меня дальше в черноту, которая грозила захватить меня.

Что-то тяжелое схватило меня за руку, снова грубо толкнув.

— Оливия, проснись, — сказал голос, на этот раз более настойчиво.

За моими веками заплясали видения, когда что-то тяжелое опустилось на мое тело.

Интересно, кто такая эта Оливия?

Голос снова и снова выкрикивал ее имя, и я пыталась ухватиться за эту мольбу, позволяя ей удерживать меня, пока я пыталась выползти из темноты.

«Я знаю этот голос» — подумала я про себя.

Знакомый тон усилился, выводя меня из бессознательного состояния. Меня еще раз встряхнули, резкое движение окончательно заставило меня очнуться.

Резко вдохнув, я поднесла руки к лицу. Я открыла глаза, и сердце бешено колотилось о грудную клетку, а на сетчатке глаза были выжжены образы моих родителей.

Той ночью я не смогла дать ему отпор. Теперь я брыкалась и билась, пытаюсь подняться и спасти их, но человек надо мной толкнул меня обратно к подушке, прижав мои руки над головой.

Затуманенное видение крепко сжало их, глаза расширились. Я почувствовала, как они придвинулись ко мне, сильнее прижимаясь ко мне своим тазом.

— Прекрати бороться и смотри на меня, — мягко приказали они. Они схватили меня за подбородок, заставляя посмотреть на них. — Смотри, это всего лишь я.

Я быстро моргнула, реальность, наконец, вернулась ко мне, когда воспоминания о моей придуманной жизни обрушились на меня, напоминая мне, что я была Оливией, которую звал этот человек. Мой желудок скрутило в узел, страх все еще струился по моим венам, заставляя все мои нервные окончания впасть в панику.

Сквозь небольшую щель в занавесках пробивался лунный свет, освещая мужчину, лежащего на мне. Мой взгляд медленно сфокусировался на нем, изучая его, отмечая толстую, покрытую венами шею, на которой адамово яблоко подпрыгивал вверх-вниз.

Я подняла глаза вверх, пока они не столкнулись с его темным, обеспокоенным взглядом. Темные глаза, которые я так хорошо знала.

Я провела годы, хороня эти воспоминания в глубине своего сознания. Они все еще возникали время от времени, когда я встретила Виктора, но постепенно рассеивались, когда мое подсознание понимало, что мне придется делить постель с монстром, который их убил.

У меня уже давно не было таких ярких кошмаров, как этот, и я действительно думала, что они исчезли. Что я справилась с ними, но, видимо, стрельба, произошедшая ранее, запустила что-то глубоко внутри меня, позволив кошмарам всплыть на поверхность и закипеть.

Его бешеный взгляд смягчился.

— Оливия. ¿Estás bien? (пер. Ты в порядке?)

Я попыталась ответить ему, но во рту пересохло, а горло все еще горело от последствий сна. Еще больше нежелательных образов всплыло перед глазами. Яркие образы расколотых черепов и крови, такой темной и густой, что она окрасила комнату и тошнотворно прилипла к моему умирающему телу.

Фантомная боль пронзила мое тело, железным кулаком *сильно* сжав мое сердце. Я снова открыла рот, чтобы заговорить, но ничего не вышло, неожиданные слезы хлынули потоком. Я попыталась вздохнуть, но кислород не мог преодолеть комок в горле.

Черные точки заплясали перед моим взором, заставляя панику разливаться по моим венам. Моя грудь вздымалась, когда я извивалась под ним, не желая, чтобы мы плотнее прилегли друг к другу.

Освободив одну из своих рук, он ухватил меня двумя пальцами за подбородок, запрыгивая мою голову назад.

— *Ángel, mírame y respira* (пер. *Ангел, посмотри на меня и дыши*), — произнес он мягким голосом. Наши взгляды столкнулись, и его лицо смягчилось, когда он убрал руку с моего подбородка, чтобы обхватить мое лицо, его большой палец прошелся по моей щеке, рисуя успокаивающие круги.

— *Estás bien, ángel mío. Estás bien. Ahora, respira para mí* (пер. *С тобой все в порядке, мой ангел. Ты в порядке. Теперь сделай вдох для меня*), — сказал он, его голос был по-прежнему мягким, но требовательным.

Мои глаза закрылись, и я сделала несколько глубоких вдохов, следуя его команде и сосредоточившись на его нежных ласках. Мое неровное дыхание постепенно стало более регулярным, сердцебиение замедлилось, и я начала восстанавливать контроль над своим телом.

— *Bien*. (пер. *Хорошо*) Дай мне еще один, — повторял он по кругу.

Когда мое дыхание выровнялось, я открыла глаза. Его лицо приблизилось, его теплое дыхание теперь скользило по моей коже.

Тогда я поняла, что он лежит на мне, его колени по обе стороны от меня, ткань его боксеров касается моих обнаженных бедер.

Черт. Я даже не помнила, как сняла свой спортивный костюм.

Кровь шумела у меня в ушах, а его хватка на моем запястье стала мучительной, когда я извивалась под ним. Наши глаза встретились, и шум усилился. Энергия в комнате изменилась, между нами возникло напряжение.

Его глаза потемнели, голод затаился в радужной оболочке, посылая тепло прямо в мое сердце. Атмосфера стала тяжелой, я задыхалась, когда жар разлился между нашими разгоряченными телами, распространяясь по всему моему телу. Я наслаждалась его теплом, проникающим в меня и отвлекающим от остатков страха.

Мне было интересно, чувствует ли он, как сильно колотится мое сердце.

Я почувствовала, как он прижался к моей талии, и он пошевелился, но это только еще больше прижало меня к нему. Эта новая поза натянула безразмерную футболку, которая была на мне, вплотную к моей груди, и я была уверена, что теперь видны очертания моих твердеющих сосков.

Словно я вызвала эту мысль в его голове, и его глаза опустились, и я почувствовала его взгляд, блуждающий по моему телу.

Я тяжело дышала, ожидая, что он сделает дальше. Все, о чем я могла думать, это о том, как сильно я хочу, чтобы он был ближе, как сильно я хочу, чтобы его рот был на мне.

Через некоторое время он снова поднял глаза, его разгоряченный взгляд встретился с моим.

У него вырвалось ворчание, и его последующее глотание было слышно, эхом отражаясь от стен, присоединяясь к симфонии нашего тяжелого дыхания. На мгновение я была уверена, что он отстранится от меня и вернется в свою спальню, но он этого не сделал.

Вместо этого, словно намагниченный, его большой палец в мучительном темпе провел по моей щеке, пока не коснулся края соска, проверяя его форму.

Мой пульс участился, и в ответ на это мои губы разошлись в тихом, слышимом выдохе. Его глаза проследили за этим звуком.

Медленно его глаза вернулись к моим, никто из нас пока не осмеливался произнести ни слова, боясь прервать то, что происходит. Возможно, как Оливия, я должна была бы смутиться из-за нашего положения, но София хотела наслаждаться этим моментом.

Я хотела этого. Я хотела большего.

Как будто я произнесла эти слова вслух, он наклонился вперед еще на дюйм, испустив глубокий, похотливый вздох, смешав наши дыхания.

Мое дыхание остановилось, сердце еще сильнее забило о грудную клетку. Тепло разлилось по мне, скопилось между бедер, и я выгнулась дугой ему навстречу.

Совсем чуть-чуть.

Но это было все, что потребовалось, чтобы он отстранился, ослабив свою хватку на моих запястьях. Наши глаза все еще были устремлены друг другу, его глаза смотрели на меня из-под полуприкрытых век. Я пристально наблюдала за ним, запечатлевая этот образ в памяти.

Он поднес большой палец, который до этого лежал на моей груди, к своим приоткрытым губам, проводя ими по шву, словно вспоминая едва смешанное наше дыхание, клеймя ощущение меня на себе.

Без всяких объяснений он оттолкнулся от меня и устроился рядом. Повернув меня на бок, он притянул меня к себе, его грудь прижалась к моей спине. Я тихонько ахнула от неожиданной близости, его пьянящий, знакомый аромат поглотил меня.

Он подвинулся, просунув руку под меня, и моя голова теперь покоилась на его бицепсе, прежде чем она опустилась мне на грудь. Свободной рукой он натянул одеяло, укутывая нас им.

Моя кожу показывало от каждого дюйма соприкосновения наших тел, и я начала двигаться, протестуя против его прикосновений, но его хватка на моей груди усилилась.

— Не борись со мной. Засыпай.

Хотя я знала, что это плохая идея, я жаждала его близости, особенно после того, что только что произошло. Обычно я не возражала, когда оставалась одна, но почему-то мое тело нуждалось в нем.

Он был нужен мне, и он как будто знал, что после кошмара я нуждаюсь в его близости.

Конечно, он знал. Он постоянно утешал тебя, когда тебе снились кошмары по несколько раз за ночь.

Сильное желание погреться в его тепле в сочетании с его властным тоном заставило меня уступить.

— Хорошо, — тихо прошептала я, решив сосредоточиться на его пальцах, перебирающих мои кудри и приглаживающих их за уши.

Другая его рука опустилась ниже и провела по моему животу, его палец рисовал маленькие круги на тонкой ткани. Мои глаза закрылись от его прикосновения, ощущение его руки на мне после столь долгого времени послало мурашки по позвоночнику.

В моей груди возникло другое чувство, на этот раз не похожее на то, которое осталось после кошмара.

Я так по нему скучала. Я знала, что не должна этого делать, ведь это я его бросила, но я всегда задавалась вопросом, а что если бы я осталась? У меня не было права идти туда, но я надеялась, что когда все это закончится, он простит меня.

Что он даст мне второй шанс.

Как будто он мог слышать, как колесики моего разума работают сверхурочно, его рука оставила мои волосы и нашла мою под одеялом, сжала ее в своей и дала ей одно легкое сжатие. Я позволила себе расслабиться в тепле его тела и сжала его руку в ответ.

Я почувствовала, что мое дыхание стало более тяжелым, мои глаза отяжелели, когда я

сосредоточилась на том, как поднимается и опускается его грудь, прижимаясь к моей спине. Я пыталась бороться с этим, но, в конце концов, я погрузилась в темноту на шепот эха.

Что ты делаешь со мной?

Тео

Что это, черт возьми, только что было?

Я пошевелился, чтобы поудобнее устроиться, заставив Оливию зашевелиться рядом со мной. Ее голова переместилась на мою руку, когда она пыталась устроиться поудобнее.

Мое тело хотело придвинуться ближе, прижаться к ней, хотя разумом я понимал, что это плохая идея.

Мысленно проклиная себя за то, что попал в эту ситуацию, я тяжело сглотнул и решил, что *к черту все это*. Я придвинул свое тело ближе, прижимаясь грудью к ее спине, теперь каждая частичка наших тел соприкасалась.

Как только я почувствовал, что она прижимается к моему телу, все во мне успокоилось, и на меня снизошло спокойствие. Такой эффект на меня оказывал только один человек.

Она на секунду напряглась от этого вторжения, но так же быстро расслабилась, удовлетворенно вздохнув, и, черт возьми, если бы это не звучало так сладко из ее уст.

Грязные мысли закрались в голову, когда ее талия подалась назад, ее задница потерлась о мой пах, заставив меня затаить дыхание.

Твою мать.

Я переместил руку с ее талии на бедро, пытаюсь остановить ее дальнейшее движение, но она словно восприняла это как приглашение и стала тереться об меня еще сильнее.

— Оливия, — простонал я себе под нос, хотя знал, что она меня не слышит.

То, что она была так близко, заставляло меня жаждать большего, но я должен был остановить себя. То, что она была так близко ко мне, не должно было вызывать у меня таких чувств.

Я должен был сосредоточиться на ее защите, и я не мог позволить себе отвлечься, но и не мог не перестать притворяться, что не чувствовал ничего подобного с тех пор.

Со времен Софии.

В глубине моего сознания промелькнуло воспоминание, фрагменты похожей ситуации затопили мой мозг. Я не знал, могу ли я доверять своим воспоминаниям, но глубоко знакомое ощущение ее тела, прижавшегося к моему, превращала все мои предположения в уверенность.

Нахмурившись, я решил проверить свою теорию и осторожно сжал ее руку три раза.

Сначала ничего не произошло, но потом я почувствовал, что она зашевелилась.

Два сжатия.

Я ждал, затаив дыхание.

Прошли секунды.

Ничего.

Она не сжалась в третий раз.

Я лежал, обхватив ее руками, прислушиваясь к звукам ее ровного дыхания, считая каждый ее вдох и то, как поднимается и опускается ее грудь под моими ладонями.

Хотя мне отчаянно хотелось, чтобы я был прав, но это была не она. Я не мог продолжать делать это с собой, думая, что она была той, кого я потерял.

Мои веки сомкнулись, и я тоже заснул.

Но, словно повинуюсь моей безмолвной мольбе, я почувствовал *едва заметное* третье сжатие прямо перед тем, как провалиться в глубокий сон.

СОФИЯ

Я проснулась от звука льющейся воды из крана, звона бьющейся друг о друга посуды и запаха свежего кофе и яиц, пропитавшего воздух. Раннее утреннее солнце проникало в окна, его лучи согревали мою кожу. Я вздрогнула, моему телу физически не хватало другого вида тепла.

Открыла глаза, щурясь от лучей, которые теперь светили мне прямо в глаза. Перевернувшись на спину, образы прошлой ночи все еще мучили мой разум, но мягкий вздох вырвался из моих губ, когда я вспомнила, чем все закончилось.

Я медленно приняла сидячее положение, и одеяло упало на мои голые бедра. Я внутренне ругала себя, забыв, что прошлой ночью сняла почти все, кроме своей слишком большой футболки.

Кстати, о прошлой ночи.

Я спокойно переключила свое внимание на маленькую кухню. Мой пульс внезапно остановился и к горлу подступил комок, когда я взглянула на открывшееся передо мной зрелище.

Широкие плечи Тео натянули тонкую ткань его серой рубашки с длинными рукавами, рукава были частично закатаны. Его предплечья были выставлены на всеобщее обозрение, они напрягались, когда он мыл посуду, из которой, как я предположила, готовил завтрак, а темные брюки на нем восхитительно обтягивали его задницу.

Я не в первый раз видела его таким, но это было так давно, что я не могла удержаться и продолжала таращиться на него. Я сидела неподвижно, любуясь изгибом его плеча и завитками на шее, которые так и просились прикоснуться к ним.

Я не знала, как долго я так просидела, когда его голос вывел меня из транса.

— Ты проснулась.

Несмотря на то, что он не смотрел в мою сторону, я посмотрела вниз. Жар обжигало мое лицо, медленно распространяясь по шее.

Я судорожно сглотнула, прочищая горло, прежде чем ответить.

— Да.

Когда я оглянулась на него, он уже прислонился к стойке, с кружкой с кофе в руке понесенной прямо к его губам. Он сделал плоток, и я воспользовалась возможностью снова взглянуть на него. Мне было интересно, как долго он не спал, ведь он уже переоделся и

успел приготовить еду для нас обоих.

Я схватила свои штаны с того места, где бросила их на пол, и натянула их, прежде чем пересечь комнату, отчаянно желая выпить чашечку кофе. Он повернулся, прислонившись бедром к стойке по другую сторону раковины.

Он внимательно изучал меня, его глаза скользили по моему телу. Мои ноги замерли на месте, когда он подошел ко мне, сокращая расстояние между нами, и только его кружка не давала нашим грудям соприкоснуться.

Я остро ощутила его тело, мурашки побежали по моей коже после того, как он скользнул по ней взглядом.

Эти руки были на мне прошлой ночью, обнимали меня, заставляя чувствовать себя в безопасности. Он заставил меня снова почувствовать себя как дома на несколько часов.

Мой взгляд упал на его нижнюю губу, в груди защемило.

Боже, как бы я хотела прикусить ее.

Он отвлек меня от моих мыслей, протянув мне свою чашку, и я взяла ее у него, пробормотав слова благодарности.

От кофе поднимался пар, и я слегка подула на него, прежде чем сделать маленький глоток именно там, где раньше были его губы. Мои веки сомкнулись, почувствовав его слабый вкус.

Я услышала, как он подавил стон, вслед за которым у меня возникло головокружение. Я едва успела пошевелиться, как его следующий вопрос застал меня врасплох.

— Как часто тебе снятся эти кошмары?

Я повела плечом, избегая его взгляда. — Уже не так часто, — сказала я, поднося кружку к губам.

Я сделала еще один глоток, дымящаяся жидкость обжигала мое горло по пути вниз, отвлекая меня от его внимания. Я чувствовала, как он наблюдает за тем, как я глотаю, его взгляд был прикован к изгибу моей шеи.

Когда я снова подняла глаза, его брови сошлись на переносице. Он уже собирался спросить подробности, когда я бросила на него взгляд, заставив его замолчать.

Он вздохнул, решив прекратить расспросы.

— Еда в духовке. Если тебе что-нибудь понадобится, просто позови меня, — сказал он, оставив меня одну на кухне.

Я сделала себе тарелку и вернулась на диван, затем взяла ноутбук из сумки. У нас не было сотовой связи, поэтому я не могла звонить, но Тео привез внешний модем, чтобы обеспечить нас интернетом.

Я отчаянно хотела снова написать Валентине, чтобы узнать, получила ли она мое сообщение, но у меня не было всего необходимого, чтобы замести следы. Поэтому вместо этого я подключил кабель Ethernet к ноутбуку и сразу же принялась за работу.

Я провела все утро, сторбившись над ноутбуком, погружившись в работу, чтобы отвлечься от всего остального. Я как раз набирала письмо, когда услышала повторяющийся

звук, доносящийся снаружи.

Тук. Тук. Тук.

Он остановился на мгновение, но затем снова возобновился.

Тук. Тук. Тук.

Любопытство взяло верх, я встала с дивана и схватила один из свитеров Тео, который лежал рядом. Я натянула его через голову, зная, что он принесет мне больше тепла, чем то, что было на мне сейчас.

Плотно прижав его к телу, я распахнула дверь на задний двор. Был полдень, облака с предыдущей ночи разошлись, и выглянуло солнце. Воздух оставался прохладным, но было теплее, чем вчера, когда мы приехали.

Деревья возвышались над головой, но солнечного света было достаточно, чтобы видеть сквозь лес, лучи мерцали на поверхности темно-синего озера.

Мой взгляд проследил за возобновившимися звуками, только чтобы обнаружить Тео в стороне, спиной ко мне. Он взмахнул топором и обрушил его на полено дерева, расколов его на две части. Он нагнулся, взял другую часть и положил ее на пень.

На нем все еще были черные брюки, но он снял свитер, оставшись в белой футболке, и теперь было видно его перевязанное плечо.

Я прислонилась к дверной раме и обхватила руками свое тело, завороченная тем, как его мышцы напрягаются под тканью при каждом взмахе.

Он вдруг оглянулся через плечо, застав меня врасплох. Его взгляд на мгновение задержался на моей фигуре, после чего он снова сосредоточился на своей работе, не говоря ни слова.

Я на мгновение задумалась, понимая, что, вероятно, мне следует вернуться в дом, но застыла на месте. Он был красив, и я могла бы смотреть на его широкие плечи и узкую талию весь день напролет.

В голове пронеслись воспоминания о том, как эти мощные плечи и руки напрягаются, когда он поглаживал меня глубоко изнутри, а мои ногти оставляют следы на его коже.

Я вынырнула из воспоминаний, когда вспышка движения привлекла мое внимание. Я посмотрела назад, туда, где раньше был Тео, и увидела, что он направляется к озеру, остановившись на его краю.

Он протянул руку над головой, медленно снимая футболку, его спина напряглась от этого движения. Он бросил ткань на камни рядом с собой, а затем стянул штаны, и вскоре его примеру последовали ботинки.

Я была слишком сосредоточена на том, как он снимает с себя одежду, чтобы понять, что теперь он в одних трусах, черные трусы плотно обтягивают его задницу и бедра.

У меня перехватило дыхание, когда я смотрела, как он медленно ступает по воде, волны накатывают на его тело, когда он погружается все дальше.

Когда его тело было наполовину покрыто водой, он нырнул, погрузившись полностью, а через несколько секунд вынырнул и провел рукой по своим намокшим локонам, приглаживая их.

В глубине моей души медленно зарождалась боль. Желание присоединиться к нему и провести руками по всему его телу показывало кончики моих пальцев.

Он снова оглянулся через плечо, заметив, что я не двигаюсь. Его плечи слегка дрогнули от усмешки, прежде чем он опустил свое тело настолько, чтобы откинуть голову назад. Его смех гремел в воздухе, достигая моих ушей, его звук согревал мое сердце.

Мне не хватало видеть его таким беззаботным.

СОФИЯ

Боже, я чертовски ненавидела готовить. Роза готовила для нас в доме Виктора, а когда я жила с Тео, он всегда настаивал на том, чтобы готовить самому, потому что я не очень хорошо слушала его указания, когда он пытался на меня.

Когда я осталась одна, я выживала только за счет еды на вынос, потому что либо это, либо пищевое отравление.

Мы с Тео почти не разговаривали с самого утра, и последний раз я видела его во время нашей небольшой встречи сегодня днем.

Разочарованный тем, что я не ответила на его вопросы о моем кошмаре, он вышел из хижины и провел большую часть дня на улице. Лишь позже, после купания, он вернулся в дом, с поленницей дров в руках, капли воды прилипли к его рубашке.

Приняв душ, он заперся в спальне на весь день, плотно закрыв дверь.

В конце концов я проголодалась, а из холодильника не было то, что можно съесть. И вот я стояла у стойки рядом с раковиной, бессистемно нарезала овощи и готовила единственное блюдо, которое умела.

Я была уверена, что овощи нужно резать не так, неровные части и куски разлетались во все стороны, но их все равно резались, и это было то, что имело значение в данный момент.

— Тебя никто никогда не учил как пользоваться ножом? — произнес голос, звук которого усилился после предшествующей тишины.

Я подпрыгнула, направив нож в его сторону. Сильная рука обхватила мое запястье, и я подняла глаза, чтобы встретиться с убийственно знакомой парой темных глаз. Тео приподнял бровь, глядя на меня и мое тело слегка расслабилось, когда я поняла, что он не был незванным гостем.

Он был одет в другую пару черных брюк, серая рубашка Хенли облегла его торс, как вторая кожа. Его волосы были растрепаны, как будто он провел последний час, приглаживая их руками.

Почему он должен быть раздражающе красивым?

— *Dátelo* (пер. *Можно?*), — спросил он, наклонив голову в сторону, а затем перевел взгляд на руку, держащую нож, и до меня наконец дошло, что кончик моего лезвия упирается ему в грудь. Он положил свою руку поверх моей, и я быстро освободила свою.

Он положил нож на столешницу и снова повернулся ко мне лицом. Через мгновение на

его лице появилось беспокойство.

Он потянулся к моему второму запястью, но я отдернула руку. Он снова схватил ее и крепко прижал к своей груди, притягивая меня ближе к себе. Его дыхание коснулось моего лица, и мое дыхание остановилось, мой взгляд сосредоточился только на его адамовом яблоке.

Наклонив подбородок, я увидела, как он поднес мою руку к своему лицу, чтобы рассмотреть его поближе. Его челюсть сжалась, ноздри раздувались.

— Ты поранилась, — заявил он.

Мои глаза расширились, когда я посмотрела вниз на свою руку. Черт, я порезалась, и кровь текла обильно из раны, медленно промокая рубашку, несколько капель попали на деревянный пол.

Конечно, это должно было случиться со мной.

Я попятилась от его руки.

— Я в порядке.

Он покачал головой, тяжело вздохнул, и уголки его губ тронула небольшая ухмылка.

— О, я в этом уверен.

Все еще держа мою руку в своей, он взял чистую тряпку и прижал к порезу, притянув меня к себе и ведя нас в узкую ванную. Она определенно не была рассчитана на двух человек, как и все остальные помещения в этом доме.

Он толкнул меня к раковине, навис надо мной, чтобы дотянуться поверх моей головы и открыть шкафчик над раковиной. Затем он достал прозрачную пластиковую бутылку и поднес мою руку к раковине, поместив мою ладонь прямо над ней.

— Может немного жечь, — предупредил он, прежде чем наклониться и вылить холодный раствор на порез в центре моей ладони.

Я зашипела от неприятного жжения. Вот почему я не готовила. Видимо, я умела держать нож, чтобы ранить людей, но не была достаточно искусна, чтобы нарезать гребаные овощи.

Он что-то пробормотал про себя, прежде чем снова взглянуть на меня.

— Рана немного глубже, чем я думал. Тебе придется наложить швы, — заявил он.

— Нет, я...

Он резко встал во весь рост, прервав мои мысли. Прежде чем у меня появилась возможность спросить, что он делает, он снова осторожно положил мою руку на край раковины и вышел из комнаты, оставив дверь слегка приоткрытой.

Через несколько секунд он вернулся с небольшой черной сумкой и бутылкой виски в руках. Закрыв за собой дверь, он прошел мимо меня и потянулся к крышке унитаза. Он закрыл ее, прежде чем жестом предложить мне сесть на нее сверху.

Швы означали иглы, а я категорически не любила иглы.

— Уверена, что в этом нет необходимости, — пробормотала я, надеясь, что он просто наложит повязку и на этом все закончится. Нет необходимости драматизировать все это.

— Сядь.

Его властный тон заставил мои ноги двигаться и повиноваться. Опустившись на колени, он открыл черную сумку, достал оттуда все необходимое и положил на прилавок. Затем он приподнялся на одно колено и положил мою раненую руку себе на бедро.

Он был близко, *так близко*, его тело прижималось к моему, наше дыхание смешивалось в замкнутом пространстве. Ошеломленная его близостью, я закрыла глаза. Звук

разрываемого пакета заполнил тишину. Я резко вдохнула, отпрянув назад в предвкушении.

Он прошептал тихое извинение, пока я пыталась дышать сквозь жжение, опаляющее мое горло. Мой мозг едва успел осознать его слова, когда я почувствовала легкий укол, а затем боль пронзила центр моей ладони, простреливая руку насквозь. Моя вторая рука автоматически метнулась к нему, сильно сжимая его плечо.

Я открыла глаза и увидела, как он сгорбившись, зашивает небольшую рану. Его глаза посмотрели на мою руку на его плече, прежде чем он вернул свое внимание на меня, пристально глядя на меня.

— *Angel, no te muevas.* (пер. *Ангел, не двигайся*), — сказал он извиняющимся тоном. Ласковое обращение прозвучало так естественно, что я не думаю, что он сказал это осознанно.

— Выпей это, — приказал он, протягивая мне бутылку виски. Я убрала руку с его плеча, взяла у него бутылку и поднесла к губам. Я сделала глоток, знакомое жжение на время отвлекло меня от боли.

Я застонала и сфокусировала взгляд на его лице, наблюдая за его работой, заставляя себя перестать морщиться каждый раз, когда он зашивал мою кожу.

Минуты тянулись, казалось, часами, и я пыталась сосредоточиться на его шитье, но наши лица приближались с каждой секундой, и я чувствовала, как его дыхание проносится по моей коже на каждом выдохе.

Я должна была сосредоточиться на игле, прокладывающей себе путь через слои моей кожи, но единственное, что переполняло мои чувства, — это его колено, прижимающееся к моему, ощущение его бедра, напрягшегося под моей рукой, тепло его кожи, обжигающее меня там, где мы соприкасались.

Я сдвинулась и резко вдохнула, его теплый и пряный аромат одурманил мои чувства.

Ya basta, Sofia. (пер. *Перестань, София*)

— Оливия, — прошептал он с болью, словно это ему в кожу вонзили иглу. Вынырнув из своих мыслей, я подняла голову, и наши взгляды встретились.

— Я закончил.

Он не сразу отпустил мою руку, продолжая держать ее на своем бедре. Он продолжал смотреть на меня, в то время как его другая рука потянулась к свободной пряди локонов на моем лице, убирая ее за ухо.

Дыши, София.

Он начал вставать, увлекая меня за собой, наши тела прижались друг к другу, твердые рельефы его тела упирались в мои мягкие. Моя раненая рука была зажата между нами, и он медленно провел другой рукой вниз, пока она не уперлась в мою талию, его пальцы слегка впились в мое бедро.

Моя вторая рука снова нашла его плечо, чтобы успокоиться от его головокружительной близости. Он опустил голову, его лоб слегка коснулся моего. Прежде чем я успела осознать происходящее, момент резко оборвался, когда он отстранился, его черты лица снова стали каменными.

— Тебе нужно принять душ, — сказал он, указывая на мою окровавленную одежду. Стоя на коленях, он собрал принадлежности, выбросив использованный материал. Я наблюдала, как он вымыл руки и, прежде чем убрать вещи в свой набор, отрезал кусок от свернутой марли.

Все еще сохраняя дистанцию, он сказал:

— Когда закончишь, плотно оберни это вокруг руки. Если тебе понадобится помощь, я буду на кухне.

Он посмотрел на меня ещё раз с тоской, прежде чем он повернулся на пятках, открыл дверь в ванную и покинул меня.

Не знаю, как долго я оставалась в том же положении, в котором он меня оставил, когда я, наконец, встряхнулась и двинулась включить душ, прежде чем шагнуть под горячие струи.

ТЕО

Какого хрена ты творишь, Тео?

Осуждающе прозвучал голос в моей голове.

Вздыхнув, я вернулся на кухню. Включив кран на кухне, я плеснул холодной водой на лицо и провел мокрыми пальцами по волосам.

Каждый раз, когда я оставался с ней наедине, мне становилось все труднее и труднее держать дистанцию. Я переступал опасную черту, к которой мне не следовало приближаться.

Она была замужем, и ее муж был не кто иной, как человек, который нанял меня для ее защиты. Мне не следовало, *я не должен* был переступать эту черту.

Но...

В те моменты, когда я был с ней, я не видел Софию, их образы начинали сливаться в единое в моем сознании. Я знал, что это неправильно, и никто никогда не сможет заменить ее, но Оливия сделала потерю чуть более терпимой. Постоянная боль, ползущая по моей коже, притуплялась, когда я был с Оливией.

Покачивая головой, я оглядел кухню, пытаюсь понять, что Оливия пыталась готовить ранее.

Огромная кастрюля с нутом, зеленью и мясом внутри сразу выдала ее. Я достал маленький блендер и приготовил томатный соус, после чего перелил его в кастрюлю. Я переключил свое внимание на овощи, которые она пыталась кусочками нарезать. Пыталась — вот ключевое слово. Я никогда в жизни не видел, чтобы овощи нарезали хуже.

С тех пор, как я пытался научить Софию делать это.

Отгнав эту мысль в сторону, я вернулся к нарезке, добавив в кастрюлю все необходимое. Я плотно закрыл крышку и оставил все вариться, пока стоял на островке с открытым ноутбуком, просматривая новую информацию, которую Ной прислал мне сегодня утром.

Прошел примерно час, когда в хижине послышался звук открывающейся двери и медленно приближающиеся мягкие шаги. Я прекратил печатать и повернулся в сторону, как раз в тот момент, когда она появилась в поле моего зрения.

У меня сразу же пересохло во рту.

Трахните меня.

Мои глаза расширились при виде нее в футболке, которая показалась мне знакомой, подол которой доходил до середины бедра, оставляя мое воображение гадать, что под ней. Шок от того, что я увидел ее в такой маленькой одежде, прошел достаточно быстро, чтобы я понял, что на ней была *моя* футболка.

Вид того, что на ней было что-то мое, заставил мое сердце дрогнуть, но я не мог сказать, было ли это от злости, что я увидел в ней другую женщину, или потому, что я втайне хотел увидеть ее в чем-то своем уже некоторое время.

— Что на тебе надето? — промолвил я. Жар мгновенно опалил мое лицо, когда я понял, насколько глупым был мой вопрос. Я почувствовал, что кончики моих ушей горят, а румянец медленно ползет по шее.

Дурак. Зачем ты это спросил?

Она склонила голову набок и сузила глаза, глядя на меня.

— Ты не знаешь, где я могу найти стакан? — спросила она, игнорируя мой предыдущий вопрос.

Я последовал за ней, притворяясь, что никогда не задавал его. Я прочистил горло и указал на нее.

— Эм, да. Верхний шкафчик, крайний слева.

Она прошла босиком по кухне, и ее рука коснулась моей спины, когда она направилась к нему. Я отвел взгляд от нее, но продолжал наблюдать за ней краем глаза, делая вид, что все еще сосредоточен на информации, отображаемой на экране моего ноутбука.

Было что-то такое в том, чтобы видеть ее вот так, обнаженной и лишенной всех своих защитных слоев, когда я чувствовал, что ее бдительность ослабевает, ее защита ослабевает. В такие моменты она больше всего напоминала мне Софию.

Комфортная. Беззаботную. Красивая.

Я все еще наблюдал за ней, на этот раз более открыто, когда она поймала мой пристальный взгляд, разрушив чары, в которых я находился. Вынырнув из своих мыслей, я закрыл ноутбук и подошел к плите, нуждаясь в том, чтобы занять руки чем-нибудь, *чем угодно*, лишь бы не подходить к ней и самому не выяснить, что она носит под рубашкой.

Я уже потянулся за деревянной ложкой, чтобы помешать суп, когда услышал ее разочарованный вздох. Я оглянулся посмотреть, в чем дело, и увидел, что она стоит на цыпочках, пытаясь дотянуться до того, что ей нужно. От этого движения ее футболка задралась, обнажив голые бедра, сквозь которые проглядывали серые хлопчатобумажные шорты, и я мысленно представил себе, как напрягаются эти длинные ноги при других обстоятельствах.

Согнувшись на островке, она издала приятный вздох, сменивший ее нынешний разочарованный.

Прежде чем она успела что-нибудь сломать, я сократил расстояние между нами, встав прямо у нее за спиной и наклонившись над ней. Я взял один из высоких стаканов и поставил его на стойку рядом с ней.

Ее тело напряглось от моего приближения, ее пальцы плотно обхватили край стойки. По логике вещей, я понимал, что должен был отойти, после того как поставил стакан, но мои действия уже давно не подчинялись логике, особенно когда дело касалось ее.

Я хотел бы знать, почему этот совершенно незнакомый человек вызвал у меня такие

чувства. Настолько сильно, что я даже не смог бы сказать, почему я сделал то, что сделал дальше.

Вместо того, чтобы отойти, я навалился на нее, положив руки по обе стороны от ее бедер, прижав ее к стойке. Мое сердце ударилось о ребра, мой взгляд сфокусировался на участке голой кожи, выглядывающем из-под волос на затылке, по коже медленно пробежали мурашки.

Мой взгляд проследовал по следу, опустился ниже и увидел, как стремительно вздымается грудь.

Возможно, то, что я чувствую к ней было гравитационным притяжением. Или, может быть, я отчаянно хотел почувствовать себя ближе ко всему, что напоминало мне о Софии.

Ее дыхание стало тяжелым, когда она с мягким стуком приземлилась на пятки. — Спасибо, — тихо сказала она, склонив голову.

Я сжал челюсть, желая, чтобы мое тело оставалось на месте, вместо того чтобы стереть расстояние между нами и прижаться к ее телу еще сильнее.

Она была замужней женщиной, мой мозг четко осознавал это, но желание обладать ею поглотило мои чувства, угрожая взять верх. Не было смысла отрицать, что я что-то чувствую к ней, несмотря на все мои усилия не делать этого.

Я закрыл глаза, навязчивые мысли о ее теле, прижавшемся к моему, одолевали меня. Мои руки вцепились в стойку, когда я наклонил голову рядом с ее головой, прерывисто вдыхая.

— Не за что, — сказал я, задыхаясь, ей на ухо.

От нее исходил новый запах, и он поразил мои чувства, обволакивая их и притягивая к чему-то, зарытому глубоко внутри меня. Обычно она пользовалась одним и тем же всепоглощающим ароматом, но этот был *другим*.

Я сделал паузу и вдохнул глубже. В ее коже был слабый намек на что-то *знакомое*.

Я уже собирался отойти и вернуться к готовке, как вдруг чувство дежавю нахлынуло на меня, вызывая, казалось, далекие воспоминания.

Ее запах. Ее очень отчетливый запах тепла. То мягкое местечко у нее за ухом, которое раньше было моим любимым местом для поцелуев.

Кровь, текущая по моим венам, остановилась, а время замедлилось, погружая меня в паралич. Я едва мог двигаться, заиклившись на воспоминаниях, которые этот запах вытеснил на передний план моего сознания, создавая искаженные образы всех моментов, когда я чувствовал ее запах, прикасался к ней, *пробовал ее на вкус*.

Мои руки онемели от того, как крепко я держался за прилавок.

Запах был мощным стимулятором памяти, и мой разум загорелся воспоминаниями о том, кому принадлежал этот аромат.

Софии Эррере.

СОФИЯ

Я попыталась отодвинуться от него, но его руки крепко держали меня по обе стороны, удерживая в ловушке. Мое дыхание участилось от прикосновения его твердого тела к моему, кислород задерживался в моем горле по пути наверх.

Мое сердце забилося быстрее, кровь в моих венах гудела, его опьяняющее присутствие посылало смешанные сигналы между моим мозгом и телом в ответ. Я тяжело сглотнула, прежде чем встретиться с ним взглядом.

Я развернулась на месте, отчего между нами образовалось небольшое расстояние, и мой взгляд поднялся к его лицу. И тогда я увидела перемену. Препрежнее смущение, вызванное его предыдущим взглядом, давно исчезло, заменившись пугающей тишиной.

Его выражение лица словно превратило меня в камень.

Никто из нас не произнес ни слова и мы не сводили глаз друг от друга. Нас тянуло друг к другу, точно также, как это было много лет назад, когда мы впервые встретились в больничной палате.

Мне нужно было отвести взгляд, чтобы отвлечь внимание от его слишком пристального разглядывания меня. Я открыла рот, чтобы заговорить, но он оборвал меня прежде, чем я успела произнести хоть слово.

— Кто ты? — Его вопрос прозвучал простым и холодным тоном, что полностью контрастировало с тем, как его тело вспыхивало от ярости. Я даже чувствовала, как бешено вращаются колесики в его голове, пока он внимательно изучал мое лицо.

Его слова заставили остановиться мою кровь, мое тело напряглось, а сердце рухнуло вниз к желудку. Я нахмурилась, пытаюсь придать своему лицу выражение раздражения, а не страха.

— Что на тебя нашло?.

Он придвинулся ближе, гнев волнами исходил от него.

— Я спросил, кто ты? — потребовал он, на этот раз более твердым тоном.

— Ты ведешь себя нелепо. Ты прекрасно знаешь, кто я, — огрызнулась я, отбиваясь от его допроса.

Я снова попыталась сдвинуться с места, но он подался вперед, сокращая оставшееся между нами расстояние. Он сдвинул бедро вперед и прижал меня к стойке, не оставляя мне возможности убежать.

Одна из его рук медленно скользнула вверх по моему боку и обхватила мою талию, прямо под грудь. Мои глаза расширились от его внезапной смелости, а разум не мог сформировать ни одной мысли.

Мой пульс стал неровным, бешено колотясь в крови.

Несмотря на страх, что он обнаружит меня настоящую, который грозил поглотить меня целиком, мои соски затвердели. Страх, смешанный с предвкушением, пронзил мой позвоночник, посылая электрический разряд прямо в сердцевину.

От его прикосновения, между моих ног запульсировало, и я поборолла желание сжать бедра вместе. Его хватка усилилась, и мой разум тут же представил, как его руки будут ощущаться на моей обнаженной коже.

Гладкие. Обхватывающие. Шлепающие.

Но его следующие слова прорвались сквозь мои размышления.

Его глаза всматривались в мое лицо, в радужках вспыхнуло негодование.

— Ты не Оливия Моралес.

Его резкий тон эхом отдавался в моих ушах, от его заявления по моим венам пробежал лед, возвращая меня к реальности, когда меня осенило, что он сказал это с такой уверенностью.

Мне нужно убраться отсюда. *Сейчас же.*

Я усмехнулась, протягивая руки, чтобы толкнуть его в грудь, да так сильно, что он отступил на два шага назад.

— Ты бредишь. Хорошо, что ты не детектив, потому что твоих дедуктивных навыков очень не хватает. Не то чтобы твои навыки телохранителя были лучше.

Я обошла его стороной и направилась искать закрытое помещение, где можно было бы запереться. Я едва успела выйти в коридор, как он резко протянул свою руку, крепко обхватив мое запястье, чтобы не дать мне сбежать.

Я открыла рот, чтобы запротестовать, сопротивляясь его хватке, но тут он двинулся, толкнул меня к стене, и я ударились передней частью тела о твердую поверхность. Он полностью прижался к моей спине, выкручивая мою руку и захватывая мое второе запястье. Он соединил их вместе и закрепил над моей задницей.

Дыхание со свистом вырвалось из моих легких от силы движения, сердце бешено колотилось в груди, чтобы компенсировать это, бешеный ритм эхом отдавался в грудной клетке.

Загорелось каждое нервное окончание. Глубокая, зарождающаяся паника проникала в мое нутро, когда его хриплое дыхание ударяло мне в затылок.

— Отпусти меня, — смогла я выдохнуть сквозь стиснутые зубы. Я дергаюсь под ним, пытаюсь высвободиться, но вместо этого случайно потерлась о его пах. Я снова попыталась отстраниться от него, но это только заставило его крепче прижаться ко мне.

— Нет. Он запустил пальцы свободной руки в мои волосы, дергая их за корни. Я сдавленно выдохнула, слезы навернулись на глаза, а зрение помутнело от силы его хватки.

— Это был не вопрос, — прошипела я.

Он опустил голову, его подбородок уперся в изгиб моей шеи, когда он заставил меня прислонить голову к его плечу, прижимаясь своей щекой к моей.

— Кто ты? — процедил он в уголок моего рта.

— Вы знаете, кто я, мистер Альварес. Теперь позвольте. Мне. Уйти, — сказала я, подчеркивая последние слова.

Он хмыкнул, прижимаясь ко мне бедрами, его дыхание теперь пробегало по моей шее.

— Изменения в твоей внешности были довольно убедительными. С этим я согласен. —

Его пальцы сжались в моих волосах, и он потянул, отчего моя шея ещё больше вытянулась назад.

Резкий укол боли пронзил мою кожу головы, посылая шокирующее наслаждение прямо между ног. Мои колени ослабли, и тихий стон вырвался из меня прежде, чем я смогла его остановить.

Я стиснула челюсти, мое тело боролось между желанием потянуться к нему и осознанием того, что я должна оттолкнуть его. Моя грудь напряглась, и я собрала всю силу, чтобы оттолкнуть его.

— Пошел ты, — прошипела я.

Как только мои слова дошли до него, он отпустил хватку на моих запястьях и развернул меня так быстро, что я ахнула. Я ударилась спиной о стену, его рука поднялась и обхватила мое горло, мой пульс бился так сильно, что я была уверена, что он это чувствует.

Он придвинул свое тело вплотную к моему, рука на моей шее держала меня в плену, не позволяя мне двигаться дальше. Он наклонился вперед так, что мы оказались на уровне глаз, и мои глаза расширились, от шока черты моего лица застыли на месте.

Несмотря на страх, пульсирующий в моих венах, я не могла не утонуть в том, что в его близости было что-то настолько эйфорическое, что у меня почти закружилась голова. Мое тело покалывало от желания, и я прижала руки к бокам, крепко сжав кулаки, чтобы не сделать что-нибудь из ряда вон выходящее, например, не прикоснуться к нему.

Потому что я знала, что если я это сделаю, то не смогу остановиться.

Его челюсть щелкнула, когда он навис надо мной, его лицо было в сантиметрах от моего. Он пригвоздил меня горячим взглядом, а его рука сильнее сжала мое горло, но не настолько сильно, чтобы я не могла дышать.

— Когда я задаю тебе вопрос, я ожидаю ответа. — Он прорычал мне в лицо. — Ты не захочешь видеть, что происходит, когда я не получаю того, чего хочу. — Его голос был низким, настолько низким, что дрожь пробежала по моему позвоночнику, а губы приоткрылись в резком вдохе.

Энергия гудела вокруг нас, темная, зловещая угроза застала меня врасплох. Воздух стал насыщенным, ничего, кроме звука нашего тяжелого дыхания, не наполняло тихий гул.

— А теперь скажи мне. Кто ты? — повторил он, его горячее дыхание обдало мою кожу.

Я повернула голову в сторону, стараясь избежать соприкосновения его губ с моей кожей. Я впилась зубами в нижнюю губу, оттягивая ее, чтобы избежать ответа.

Другой рукой он схватил меня за подбородок, поворачивая мою голову обратно к себе лицом. Его большой палец потянулся к моей нижней губе, освобождая поврежденную кожу. Незаметно мой язык высунулся и провел по губам, оказавшись так близко к кончику его пальца, отчаянно желая попробовать его на вкус.

Моя грудь поднималась и опускалась все быстрее от его близости. Я извивалась, пытаясь освободиться от его захвата, но мои усилия только усилили его прикосновение.

Напряжение сковало мое тело, и беспокойство заклокотало в груди, пока я пыталась собраться с силами, чтобы ответить на его вопрос.

— Оливия, — наконец прошептала я, задыхаясь.

Он все еще прижимал меня к стене, но давление на мою шею ослабло. Он убрал руку с моего подбородка и провел ею по моему боку, пока она не остановилась на моем бедре,

отчего у меня перехватило дыхание, а по телу побежали мурашки.

Его пальцы схватили меня за бедро и впились в кожу, но не настолько, чтобы причинить боль. Мои руки дернулись по бокам, отчаянно пытаюсь притянуть его еще ближе, чем он уже был, отчаянно пытаюсь стереть любое расстояние между нашими телами.

Его рука скользнула дальше вниз, затем его пальцы скользнули под подол футболки, которую я одолжила у него. Кончики его пальцев поползли вверх, на этот раз по внутренней стороне моего обнаженного бедра, прокладывая медленный, *терпеливый* путь.

Мое тело было настолько напряжено, что каждое его прикосновение, каждый маленький контакт ощущался все острее. Он наклонился, прикоснувшись губами к моему уху, его дыхание пробежало по голой коже, лаская ее.

— Я тебе не верю, — поддразнил он, его грубая ладонь сжала внутреннюю поверхность моего бедра, его пальцы еще сильнее впились в мою кожу.

Мое дыхание вырывалось маленькими глотками воздуха, его карающие прикосновения наполняли меня смесью удовольствия и боли. Я была такой мокрой, что до смущения мокрой. Я оттолкнула этот факт, пытаюсь вернуть свое тело в прежнее состояние, пытаюсь придумать, как оттолкнуть его, потому что он был *опасно* близко, слишком *комфортно* близко.

Моя голова с глухим стуком откинулась к стене, и я попыталась переключить свое внимание на что-нибудь еще, кроме ощущения его грубых рук на моей коже.

Черт, черт, черт. Соберись, София. Глупое предательское тело, прекрати это. Прямо сейчас.

Дрожь пробежала по позвоночнику, когда он провел костяшками пальцев по моей внутренней поверхности бедра, приближаясь к тому месту, где я отчаянно нуждалась в нем. Мое сердце заколотилось, когда я затаила дыхание, но вместо этого он неожиданно сделал паузу, чтобы поиграть с подолом моих хлопковых шорт для сна.

Мои пальцы впились в стену позади меня, с силой вцепившись в нее, надеясь, что это подавит желание потянуться к нему. Мне нужно было вернуть контроль над этой битвой, *нужно* было изменить ход событий, пока он не раскрыл слишком многое.

Мое внимание снова переключилось на Тео, и я встретила его взгляд со всей убежденностью, на какую только была способна, позволив своему желанию взять верх, прежде чем поменяться ролями и изобразить возмущенную жену.

Его рука продолжала собственнически сжимать мое внутреннее бедро, когда я разжала кулаки и обхватила его пальцы своими, медленно скользя ими по внутренней стороне бедра, пока они не оказались *прямо там*. Там, где он мог узнать, какое воздействие он оказывает на меня.

Его тело напряглось, а дыхание сбилось, когда я остановилась в опасной близости, и костяшки его пальцев коснулись моей обнаженной киски. Мои глаза следили за его реакцией, когда я ослабила хватку, надеясь, что он продолжит сам.

Он сглотнул, его горло пульсировало от рывков. Его грудь была совершенно неподвижна, когда он смотрел вниз на мою руку, и на мгновение я засомневалась, дышит ли он вообще.

Его взгляд метнулся вверх, остановился на моих губах, прежде чем его глаза столкнулись с моими, и огонь в них, который я так хорошо знала, воспламенил мою душу. Мы просто смотрели друг на друга какое-то время, и я не могла дышать, даже если бы хотела, мои веки дрожали.

Наконец я набрала полную грудь воздуха, приподняла бедра и придвинула свой обнаженный центр ближе к его руке. Его рука быстро переместилась с моего горла, обхватив мою челюсть так крепко, что зубы впились мне в щеку, и он шагнул еще ближе.

Его челюсть была напряжена, его пронзительный взгляд фиксировал меня на месте, а предупреждение обрамляло его выражение лица, как бы говоря: «*Не искушай меня, черт возьми*».

— Ты играешь в опасную игру, *mentirosilla* (*неп. Лгунья*), — предупредил он.

Но искушать его было единственным способом сохранить свою тайну.

Когда я поняла, что он не двигается, моя рука поднялась к его плечу, мои пальцы пробрались к его шее и запутались в его волосах. Мои ногти царапали кожу головы, прежде чем мои пальцы зарылись в его волосы, прижимая его ближе.

Мое сердце бешено колотилось, кровь нагревалась и разливалась по всему телу. Я прижалась бедрами еще сильнее, отчего мои груди касались его груди в поисках его прикосновений.

Я чувствовала, как его тело колеблется от нерешительности, как оно борется между воюделением и желанием получить ответы.

Он застонал, наконец-то поддавшись моим прикосновениям, и я подумала про себя, что *добилась своего*, пока он не наклонился и не прошептал мне в губы.

— Я тебе не верю, — прошептал он, дразнящая ухмылка осталась не сходила с его лица, его рука отступила, пока пальцы не опустились ещё чуть ниже.

Тревога закралась мне под кожу.

— Ты мне не доверяешь, — тихо призналась я.

Отстранившись, он склонил голову набок, издав негромкий смешок.

— Нет, не доверяю. Ты не дала мне повода для этого.

Я открыла рот, чтобы ответить, но мои слова замерли на полпути, когда его большой палец нежно погладил мое внутреннюю поверхность моего бедра в ленивой ласке, его прикосновение на моей коже было горячим. Моя хватка оставляла синяк на его шее, пока я пыталась удержать себя в вертикальном положении.

Мои ноги рассеянно раздвинулись, приглашая его, желая дать ему лучший доступ. Он просунул колено между моих раздвинутых ног, прижав меня вплотную спиной к стене. Моя киска пульсировала, влага просачивалась через небольшой барьер тонких шорт, которые были на мне.

Блядь.

Хотя меня немного смущала мысль о том, что он может чувствовать тепло, я поджала пальцы ног, и наши носы соприкоснулись. Мой живот сжался от того, как близко мы были, но я отодвинула это в сторону.

— Мне все равно, — прошептала я. — Твоя работа не в том, чтобы верить мне. А в том, чтобы делать то, что тебе говорят.

Его рот приоткрылся, его ониксовые глаза бушевали, как шторм, а его пальцы судорожно сжимали мое лицо. Я подумала, что он наконец-то отпустит меня, но вместо того, чтобы отпустить, он продолжал проводить маленькие круги по моей коже.

Я снова опустила на пятки, пальцами перебирая его короткие вьющиеся пряди в попытке остановить его, потому что моя решимость оттолкнуть его постепенно ослабевала, и я не знала, как долго смогу сопротивляться ему.

Он потерял бедром между моих ног, создавая восхитительное трение, и я прикусила

губу, чтобы подавить стон, грозящий вырваться наружу. Его рука опустилась на мой подбородок, его пальцы прошли по моей шее и плечу, прежде чем он убрал ее. Он уперся ладонью в стену над моей головой, а затем прислонил свою голову к стене, прямо рядом с моей.

Затем он слегка повернул голову, его горячее дыхание коснулось моей щеки и уха. Его губы коснулись мочки моего уха, заставив меня вздрогнуть всем телом. На моем лбу выступили капельки пота, но я отказалась отступить перед его вызовом.

Он провел большим пальцем дальше по внутренней стороне моей ноги и провел им там, где его бедро соприкасалось с моей сердцевинкой, где мое возбуждение просочилось сквозь шорты на его брюки.

Он размазал его по ткани, а затем поднес тот же палец к моим губам, и терпкий аромат моего возбуждения одурманил меня. Он провел лбом возле моей головы, пока она не прижалась к моему. Его взгляд искал мой, наше дыхание переплеталось.

— *Ты похожа на нее*, — прошептал он.

Его слова прозвучали едва ли не шепотом, но этого было достаточно, чтобы у меня перехватило дыхание. Я действительно должна отойти сейчас. Ничего хорошего не выйдет из того, что я позволю ему продолжить свои мысли, но пьянящий аромат, наполнявший воздух, погрузил меня в транс, лишив возможности двигаться.

Его рука обвилась вокруг моей спины, скользнула вверх по позвоночнику, и мое тело подчинилось ему. Его ладонь обхватила мое плечо, задержавшись на вырезе белой хлопковой футболкой, *его* белой хлопковой футболки.

Он посмотрел вниз, положив ладонь мне на грудь, ниже левой ключицы, как раз прямо там, где билось мое сердце.

— *Ты ощущаешься как она*.

Сдавленный вздох сорвался с моих губ, и наши взгляды встретились. Спокойствие в его голосе нервировало, резко контрастируя с жаром, исходящим от его груди, и его твердым членом, прижимающимся ко мне.

Держа руку на моей груди, он провел носом вниз по щеке, затем уткнувшись в изгиб моей шеи, прежде чем глубоко вдохнуть, вдыхая меня.

Он хмыкнул.

— *Ты пахнешь как она*, — прорычал он мне в лицо.

Я резко вдохнула, качая головой.

— Я...

Его мягкие губы, скользнувшие по моей шее, прервали меня. Его язык высунулся и прижался к моей коже, прежде чем он облизал мою шею сбоку до мягкого местечка за ухом, а в конце провел языком вверх.

Низкий стон вырвался из его груди, и он прижался к моей коже.

— *И ты, блядь, на вкус как она*.

Волна вожделения прокатилась по моим нервным окончаниям, и я прикусила зубами нижнюю губу, пытаясь сдержать стон, который хотел сорваться с моих губ.

Я была поймана где-то между жадной ощутить его рот на себе, желанием уступить и наконец сдаться, и в то же время необходимостью продолжать играть весь этот спектакль с Оливией, потому что я знала, что как только черта будет пересечена, пути назад уже не будет.

Так всегда было между нами. Именно поэтому прошли месяцы, прежде чем мы оба,

наконец, поддались своим желаниям и позволили себе почувствовать ту незабываемую ночь.

Он схватил меня за затылок, притягивая к себе, пока наши губы не соприкоснулись. Он нежно оттянул зубами мою губу, а затем прошептал мне в губы слово, которого я не слышала уже давно.

— *¿Mi alma?* (пер. с исп. *Моя душа?*) — спросил он страдальческим шепотом.

Использование моего прозвища заставило мое впавшее в спячку сердце вспыхнуть от узнавания. Услышав, как оно вылетело с его губ на тяжелом вдохе, я почувствовала как дрожь пробежала по моей спине, а волосы на затылке встали дыбом.

Я больше не могла этого скрывать. Я пыталась понять, где я напортачила, ломая голову над тем, что сделала не так, что выдала себя. Я была *так* осторожна в каждом своем действии.

Но все это уже не имело значения.

Он знает.

Я едва успела осознать происходящее, как почувствовала, что киваю в ответ, и он притянул меня к себе, прижавшись своими губами к моим.

СОФИЯ

Я колебалась долю секунды, держа губы сомкнутыми, пока, наконец, не сдалась, мой рот со стоном приоткрылся, впуская его внутрь.

Его губы прижались к моим, а мои пальцы запутались в его волосах, дергая их за корни, в то время как он обхватил мое лицо, пытаюсь прижаться как можно ближе, каждый из нас боролся за доминирование.

Мои веки сомкнулись, когда его язык скользнул по моему, а его руки наклонили мою голову, чтобы углубить поцелуй, заставив меня всхлипнуть. Я позволила себе потеряться в нем, мое тело стало податливым в его руках, его колено между моих ног было единственным, что удерживало меня.

Наш поцелуй был жестоким от агрессии и похоти, все потерянные годы выражались в этом единственном действии. Он целовал меня так, словно это был наш первый и последний раз. Словно хотел поглотить меня. Как будто он был лишен этого слишком долго, и мой вкус был его единственным лекарством.

Я прильнула к его прикосновениям, как вдруг он остановился. Мои глаза распахнулись, и он отстранился, чтобы посмотреть мне в глаза, его теплые ладони все еще обхватывали мое лицо. Он глубоко вздохнул, в его взгляде отражалась внутренняя борьба.

— Почему ты бросила меня? — пробормотал он, его большой палец лениво поглаживал мою щеку.

Я позволила своему взгляду блуждать по его лицу, прежде чем выпалить частичную правду.

— Я должна была.

Его большой палец приостановил свои движения вперед-назад при моем признании.

Иногда лучшая ложь та, которая накручена на ядро истины. (цитата)

Несмотря на то, что мне не удалось убедить его, что я Оливия Моралес, я не могла втянуть его в это. Я не для того оставила его все эти годы назад, чтобы потом он оказался под перекрестным огнем. Я никогда не смогу простить себе, если из-за моей *Vendetta* (пер. *Месть*) его убьют.

В один момент его руки были на мне, а в другой он был уже в другом конце зала, проводя пальцами по своим кудрям. Внезапная потеря его тепла вызвала у меня легкий укол страха внутри.

— Ты должна была? Что это вообще значит? — Он насмеялся, его голос зазвучал слегка резче, когда он покачал головой, и его смех исчез.

Наступила пауза, и его челюсть дернулась, когда я замолчала.

— Ты *бросила* меня, София.

Волна эмоций захлестнула мою грудь. Потерять его было той ценой, которую я была готова заплатить, но я больше не была уверена, что это был правильный выбор. Я никогда не ожидала увидеть его таким измученным из-за этого.

— Это было из-за меня? Из-за того, что случилось той ночью?

— Нет, — тут же ответила я, не в силах вынести мысли о том, что он подумает, будто я жалею о нас.

Я покачала головой.

— Ты должен был забыть обо мне. Ты должен был жить дальше...

— Как я могу забыть тебя, *mi alma*? — прохрипел он, его черты лица исказились в страдальческом выражении.

Он начал двигаться, отворачиваясь от меня и от разговора, но я не отпускала его. Однажды я уже отпустила его, и снова делать этого не собираюсь. Не после того, как я стала свидетелем того, чем обернулся отказ от него семь лет назад, когда я теперь знала, как сильно мои действия повлияли на него.

Я успокоилась и бросилась за ним, схватив его за руку.

— *Mi cielito* (пер. *Мое солнышко*), — прошептала я, и он напрягся, остановившись как вкопанный.

Он развернулся, и я потянулась к нему, чтобы обхватить его лицо руками, щетина царапала мои ладони. Мое сердце бешено колотилось в груди, и я боялась, что он вот-вот отвергнет мое прикосновение.

Он вздрогнул, но не оттолкнул меня. Я выдохнула с облегчением.

— Не смей думать, что мой уход был *когда-либо* твоей виной. Ты был единственной причиной, по которой я хотел остаться, но я должна была уйти. Я должна была это сделать. Ради себя.

— Почему ты не... — Он запнулся, когда я провела пальцами по его челюсти, перебирая волосы на затылке.

Я приподнялась на кончиках пальцев ног, увлекая его вниз, пока его лоб не прижался к моему.

— Я никогда не уезжала *из-за* тебя. Я ушла *ради* тебя.

Его дыхание стало тяжелее, а глаза закрылись. Прежде чем он успел произнести еще одно слово, я запечатлела поцелуй на его приоткрытых губах.

Он вздрогнул в моих объятиях, и пока его глаза были закрыты, я отбросила в сторону все мысли, и нежно накрыла его губы своими, позволяя себе чувствовать.

Просто отпустить и *чувствовать*.

Он пока не отвечал взаимностью, поэтому я прильнула к его рту сильнее, прижимаясь к нему всем телом. Мой поцелуй начался неуверенно, пульс гулко стучал в моей крови.

Тео замер на мгновение, но это было все, что он успел сделать, прежде чем его ладонь мягко легла на мою щеку, а его губы начали двигаться по моим.

Медленно начинаясь, как будто он не хотел торопиться, заново знакомясь с моим вкусом, но этот темп быстро сменился отчаянным. Его вторая рука обхватила мою шею, наклоня мою голову так, как ему хотелось, прежде чем он углубил поцелуй, проникая своим

языком внутрь и ловко проводя им по моему.

Мы погрузились в поцелуй. Столкновение наших языков и зубов было собственническим, грубым.

Непринужденным

Одной рукой он все еще держал меня за шею, а другой впился в мое бедро, толкая меня, пока я снова не ударила спиной о стену, его пах теперь прижался к моему.

Его рука скользнула под подол моей футболки, провела по боку, задев прямо под грудью. Он затаил дыхание, и на его губах появилась небольшая улыбка, когда он обнаружил, что на мне нет бюстгалтера.

— Мне всегда нравилось то, как ты ощущаешься в моих руках, — пробормотал он мне в губы.

Он продолжал ласкать меня, и моя грудь потяжелела от его прикосновений. Я извивалась под его прикосновениями, мои пальцы запутались в его волосах, когда он грубо обхватил один сосок, захватив его большим и указательным пальцем, а затем нежно покрутил.

— И мне всегда нравилось то, что ты заставляешь *меня* чувствовать, — выдохнула я.

Он покрутил мой сосок, на этот раз сильнее, ощущения были на грани боли. Я приподнялась на цыпочки, выгибаясь навстречу его прикосновениям. Усиливающаяся жгучая боль пронзила меня до глубины души, похоть разлилась по венам, затуманивая зрение.

Он провел дорожку грубых, голодных поцелуев по всей линии моего подбородка, его щетина царапала, оставляя обжигающие следы, прежде чем он вернул свое внимание к моим губам.

Застонав в мой рот, он поддался вперед, толстая длина его эрекции уперлась в мою сердцевину. Я закрутила бедрами навстречу ему, от трение его брюк о мои голые ноги по ним побежали искры.

Боже, как это приятно.

Я позволила себе утонуть в нем, насладиться его восхитительными, но безжалостными манипуляциями. Я позволила себе насладиться тем, чего давно хотела.

Его.

Его рука выскользнула из моей футболки и двинулась вверх по моей груди, чтобы встретиться с другой рукой у моего декольте.

— Мне *нужно* тебя увидеть.

Его слова едва успели прозвучать, когда он резко дернул, из его горла вырвался глубокий гортанный звук. Ткань распалась в его руках, разрываясь под его силой. Она порвалась прямо посередине, обнажив мою полную грудь, и он не остановился, пока передняя часть футболки не была полностью разрушена.

— *Трахните меня,* — выдохнул он, его взгляд скользнул вниз по моей груди.

Я ахнула, мое тело дрожало. Прохладный воздух прошелся по моей голой коже, и по всему телу побежали мурашки. Я вскинула руки, чтобы прикрыться, но он неодобрительно простонал.

Его кулаки сжались вокруг скомканного материала, и он снова поднял взгляд. Он смотрел прямо на меня, тяжело дыша и с вождением в темных глазах.

— Опустите руки, иначе они будут связаны, — потребовал он.

Я не сразу послушалась, обдумывая идею быть связанной, и он выгнул бровь от моей

нерешительности. Он протянул руку к поясу, предупреждаясь приближаясь, пока я, наконец, не сделала то, что он сказал, опустив их по бокам.

Разорванная ткань упала с моих рук на пол, оставив на мне только хлопчатобумажные шорты. Уголки его губ приподнялись от моего послушания, и от одной этой улыбки у меня между ног стало еще влажнее.

— Хорошо, *mi alma*, — прошептал он.

Странное чувство разочарования охватило меня, когда он убрал руку с пояса, сожаление о том, что я не подтолкнула его еще больше, наполнило меня. Его взгляд упал на мою грудь, и он поднял руку, проведя костяшками пальцев по верхней части груди, прогоняя мимолетную мысль.

— Они восхитительные.

Моя грудь вздымалась под жарким взглядом его глаз. Он прижался поцелуем к моим губам, затем отодвинулся и провел ртом вниз по моей шее, его зубы покусывали и посасывали кожу.

Мысль о том, что он пометил меня, заявляя права на мое тело, пронзила меня. Моя спина выгнулась в ответ, желая большего.

Теплое дыхание Тео скользило по моей груди, и я смотрела на него сквозь прикрытые глаза, когда он грубо сжимал мои груди своими ладонями. Он наклонился, чтобы обхватить ртом мой сосок и яростно пососал его. Его язык обвел его, затем прикусил зубами.

Сильно.

Я задохнулась, и с моих приоткрытых губ вырвался всхлип. Моя киска сильно сжалась, а руки взлетели вверх, чтобы схватить его за волосы, дергая за корни, его безжалостное нападение на мои сверхчувствительные соски становилось слишком невыносимым.

Он отпустил мой сосок с шлепком и поднял голову, чтобы посмотреть на меня, от выражения его лица у меня по спине пробежала дрожь.

— Не смей меня останавливать. А теперь опусти руки, — приказал он.

Я повиновалась, и он возобновил свою атаку, а затем повторил ту же восхитительную пытку с другим.

Я медленно привыкала к ощущениям, когда его вторая рука скользнула по моему боку, прокладывая путь между моих сжатых бедер.

— Раздвинь ноги пошире для меня, — скомандовал он, прижимаясь к помеченной плоти моей груди, его горячее дыхание щекотало мою кожу, и я вздрогнула.

— София, не заставляй меня повторять, — добавил он, когда я забыла подчиниться, так как была слишком сосредоточена на стимуляции, которую он вызывал в моем теле.

Мое сердце забилося, дыхание участилось при звуке его властного голоса. Его демонстрация доминирования затронула какую-то глубокую часть внутри меня. Сколько себя помню, мне приходилось самой принимать решения, поэтому выполнение его команд казалось мне непривычным.

Но неповиновение было заложено глубоко в моей натуре.

— А что, если я не хочу?

Я слышала этот звук раньше, чем почувствовала укол боли. Я ахнула, и мои бедра дрожали. Я посмотрела вниз и поняла, что он ударил меня *прямо там*, поверх тонкой ткани моих шорт.

— Я уже говорил тебе, что я не люблю повторяться.

Он отвесил еще одну пощечину и снова застал меня врасплох, сильно укусив за сосок. Я

вскрикнула, и с моих губ сорвался придушенный звук, а мои ноги раздвинулись сами по себе.

— Вот так, *mi alma*. Смотри, какая ты послушная девочка.

Он прислонил свой лоб к моему, и наши взгляды столкнулись в тот момент, когда его пальцы скользнули внутрь моих маленьких шортиков для сна, обнаружив мою обнаженную и готовую для него киску.

Он провел пальцем по ней, затем сжал с тихим стоном.

— *Трахните меня*. И трусиков тоже нет... Она убьет меня, — пробормотал он про себя.

А потом он стал ласкать меня, прокладывая безумно медленный путь между моими складочками, распространяя мое возбуждение по всей киске. Все вокруг нас померкло, мое внимание было сосредоточено только на его прикосновениях, мой взгляд выражал отчаяние, которое я больше не могла скрывать.

Он издал стон, дразня мой вход.

— Такая чертовски мокрая для меня, — сказал он, осыпая медленными поцелуями от мой виска к уху.

Он продолжал водить пальцами по моему клитору, но недолго, заставляя меня извиваться в отчаянном желании большего. Я уже собиралась запротестовать, предвкушение стало слишком сильным, но слова замерли у меня на языке, когда он наконец надавил на мой клитор.

— О Боже, — всхлипнула я в разочаровании, когда он не сдвинулся с места. Мне нужно было это, нужен был он. *Прямо сейчас*.

— Да, *mi alma*? — Его голос был полон веселья.

Ответ вертелся у меня на кончике языка, но я не хотела доставлять ему удовольствие от того, что только он может требовать от меня. Кроме того, мне нравилось видеть его на взводе.

Любопытство посмотреть, что он сделает, если я ослушаюсь, взяло верх. Я потянулась вниз и крепко схватила его через брюки, моя ладонь потерлась об него.

— *Ебанный ад*, — прошипел он.

— В эту игру могут играть двое, мистер Альварес, — поддразнила я его.

— Тогда давай посмотрим, кто победит.

Он схватил мои руки и прижал их к стене прямо над моей головой.

Он наклонился и прошептал мне на ухо:

— Я собираюсь трахнуть тебя так сильно, что ты не вспомнишь свое имя. Так сильно, блядь, что ты не сможешь двигаться в течение следующей недели, не думая обо мне. Я просто продолжу заполнять твою тугую маленькую киску, пока она не переполнится. А потом я отправлю тебя обратно к твоему миленькому муженьку, использованную и униженную, с моей спермой, все еще стекающей по твоим бедрам.

Я задыхалась исключительно от развратной картины, которую он мне только что нарисовал в голове.

— Но сначала... — Он сильно пососал мою шею прямо в тот момент, когда он легко ввел горячий, толстый палец в мою умоляющую киску, дразня и добавляя еще один.

Святое дерьмо.

— Тео, — простонала я, прижимаясь лбом к его плечу и отодвигаясь от его пальцев.

— Продолжай произносить мое имя *так*, и я, возможно, дам тебе больше.

Он выпрямил пальцы, а затем засунул их обратно, мучительно медленно. Когда он полностью насадил меня на свои пальцы, изогнув пальцы внутри меня, он попал в

восхитительную точку, от чего моя киска сжалась.

Мои глаза закрылись от того, как хорошо он знал мое тело, лучше, чем я когда-либо. Такого никогда не было, ни от моих собственных рук, ни от кого-либо другого, кроме него.

Напряжение нарастало внутри меня, и он вытащил пальцы, а затем снова погрузил их, на этот раз еще глубже, чем раньше. Я вскрикнула, извиваясь от нарастающего давления.

— Чувствуешь это, *mi alma*? Чувствуешь, какая ты, блядь, мокрая для меня? — прохрипел он мне в ухо. Он покусывал мочку моего уха, продолжая трахать меня своими пальцами. Тыльная сторона его ладони потерлась о мой набухший клитор.

Я так близко.

— Твоя киска проделывает такую замечательную работу, засасывая мои пальцы внутрь. Мне придется потрудиться еще больше, чтобы полностью войти в тебя, не так ли?

Я была *прямо там*, готовая вот-вот перевалиться через край и кончить, когда испутив вздох, Тео отдернул и убрал свои пальцы.

Какого черта?

Мои глаза распахнулись, и я подняла их, чтобы встретиться с ним взглядом, наблюдая, как по краям его губ расползается коварная ухмылка.

— Но печальный факт — непослушные девочки не могут кончать, *mi alma*. Их наказывают.

Я открыла рот, чтобы возразить, когда он размазал чем-то влажным по моим губам. Я перевела взгляд вниз и увидела, что пальцы, которые были только что внутри меня, прижимаются к моей нижней губе.

— Оставь свои оправдания, — прохрипел он, прижимая свои пальцы к уголку моих губ, которые были покрыты тем, что, как я теперь поняла, было моим собственным возбуждением.

Он мрачно усмехнулся.

— По крайней мере, твоя киска не лжет. А теперь соси. Я хочу, чтобы мои пальцы были чистыми.

Я задохнулась от его слов, и он просунул свои пальцы, до костяшек, через мои раздвинутые губы, грубо прижимая их к моему языку. Я хныкала, мой язык обвился вокруг них, пока я вылизывала себя с его кожи.

— Это моя девочка. Ты так хороша для меня.

Его лицо стало диким, когда он постепенно вытащил свои пальцы из моего рта.

Он просунул палец под резинку моих свободных шорт для сна и потянул. Как только они оказались у моих ног, я перешагнула их.

Теперь я была полностью обнажена перед ним, в то время как он все еще был полностью одет, но мне было все равно. Все, что я могла делать, это пристально смотреть в темно-карие глаза, которые так пристально смотрели на меня.

Затем он обхватил мою киску, снова без усилий погружая два пальца, неловкий звук того, как я намокла, свидетельствовал о том, что его слова сделали со мной.

— Тео...

— Да, София? — Его хватка на моем запястье ослабла, когда он снова вытащил свои пальцы. Он смотрел на меня полуприкрытыми глазами, и я издала стон при виде того, как он заталкивает свои пальцы в рот, его полные губы обхватывают их, когда он слизывает языком мою влагу.

— Ммм. Какое же это, блядь, наслаждение.

А потом он потянулся ко мне. Он погрузил свой язык в мой рот, и я пососала его, *сильнее*, мое возбуждение снова покрыло внутреннюю поверхность моего рта, на этот раз вкус был еще лучше.

Его стон был гортанным.

Я поцеловала его в ответ с той же страстью, и он потянул мои руки над моей головой вниз, чтобы обхватить ими свою шею. Он схватил мои волосы в кулак, и я крепче прижалась к нему, прижимая его к себе.

Он прикусил мою нижнюю губу, пососал ее и отпустил с хлопком. Его глаза были устремлены на меня, и он выглядел так же развратно, как я себя чувствовала.

— Ты чувствуешь это, *mi alma*? — прошептал он между поцелуями. — Что эта киска и эти губы — мои? Что *ты*, блядь, моя? Мне все равно, чье кольцо у тебя на пальце, потому что ты всегда будешь моей.

Он увеличил небольшое расстояние между нашими телами и схватил меня за запястье, потянув меня вперед. Он положил мою руку себе на грудь, затем провел ладонью по верхней части своего тела, пока она не легла на его натянутые брюки.

— Расстегни мой ремень, — потребовал он низким голосом, заправляя упавшую помощь моих волос за ухо.

Мурашки пробежали у меня по спине от контраста между его гравийным тоном и мягким жестом.

Я сделала, как было велено, не сводя с него взгляда. Звук расстегивающегося ремня разнесся в воздухе, когда я ослабила его, и теперь его брюки низко висели на бедрах.

Я чувствовала, как его глаза блуждают по моему обнаженному телу, и когда он шагнул ближе, я вздрогнула и отступила назад, упираясь спиной в стену.

— Ты знаешь, каково это — семь лет ждать тебя? — спросил он, его голос стал более глубоким и жестким.

Я слегка покачала головой, мои глаза расширились в ожидании того, что он сделает дальше.

— Я искал тебя повсюду, даже когда в бюро мне сказали прекратить поиски. Меня чуть не уволили, потому что я не мог отпустить тебя. Я утопал в работе, доводил себя до безумия, потому что не мог выбросить тебя из головы. Боль не прекращалась, я каждый день задавался вопросом, почему ты ушла. — Он сделал паузу. — Только для того, чтобы спустя годы найти тебя замужем за другим мужчиной.

Его слова пронзили меня насквозь, сожаление захлестнуло меня. Его темные глаза искали мои, и, несмотря на резкость его тона, я могла разглядеть все, кроме гнева, вплоть до боли, которую он скрывал.

Он уставился на меня, учащенно дыша.

— Я ждал тебя, тосковал по тебе, — тихо прошептал он, усталость и покорность звучали в его голосе.

Я сделала ему больно, *очень больно*, и я могла сделать только одно: извиниться.

— Прости меня, — сказала я, опуская глаза.

Он некоторое время молчал, и я подняла взгляд, его жесткие карие глаза уже были устремлены на меня. Его челюсть сжалась, и казалось, что он борется с тем, что делать дальше, внутри него идет борьба.

Наконец он с шипением выдернул ремень из петель, складывая его пополам в одной руке, страх пронзил мое тело при его следующих словах.

— Мне не нужны твои извинения. Я хочу, чтобы ты показала мне.

Я нахмурилась, и он отступил в сторону, кивнув в сторону спальни. Я не боялась Тео. Я доверяла ему и сделала бы все, чтобы вернуть его, даже если бы это была всего лишь одна ночь.

Я проскользнула мимо него и направилась в комнату, оглянувшись через плечо, чтобы увидеть, что он идет позади, с ремнем в руке. Как только я вошла в комнату и он закрыл за собой дверь, меня охватило чувство тревоги, и молчание между нами стало еще более напряженным.

Глаза Тео блуждали по моему телу, когда он шлепнул кожаным ремнем по своей ладони, звук отразился от стен, и он подошел ближе, теперь нас разделяло лишь небольшое пространство.

— Повернись и ляг на живот, — приказал он, его голос был низким и хрипловатым, в котором слышалось предупреждение.

Я подняла взгляд, залержавшись на твердой выпуклости, натягивающей его брюки, и посмотрела ему в глаза. Подавив миллионы вопросов, вертевшихся в моей голове, я сделала то, что мне было велено: легла лицом вниз на край кровати, упершись ладонями в плед рядом со своей головой.

— Посмотри, как моя киска капает для меня, — похвалил он, и я уткнулась лицом в плед, чтобы приглушить свой стон.

Я была на грани и находилась в его власти, что, теоретически, должно было пугать, поскольку я ненавидела быть под чьим-либо контролем, но я не хотела, чтобы он останавливался.

Даже наоборот.

Я хочу большего.

Я вся горела, извиваясь под его пристальным взглядом. Под бременем тишины я подняла голову и собиралась повернуться, чтобы посмотреть на него, но его ладонь обхватила мою шею, вдавливая мое лицо в кровать.

— Не двигайся, пока я не скажу.

Мое тело заныло от желания, когда его рука покинула мою шею. Он провел пальцем вдоль моего позвоночника, вниз по складкам моей задницы и легким касанием перышка провел по моему влагилицу.

Он был так дотошен в своих поддразниваниях, доставляя мне крошечные фрагменты удовольствия, но останавливаясь прямо перед их взрывом.

— Тео, *пожалуйста*, — умоляла я, пока он продолжал свою пытку, повторяя этот путь, бормоча что-то себе под нос на испанском языке, который я не могла разобрать под туманом похоти, в котором находилась.

Давление внутри меня усилилось, каждое нервное окончание в моем теле молило об освобождении. Я попыталась надавить на кончик его пальца, который кружил вокруг моего отверстия, просто желая догнать то, чего жаждало мое тело, когда по спальне раздался шлепок.

Черт.

Резкое жжение пронеслось по задней поверхности моих бедер.

— Тео..., — вскрикнула я от удивления и боли, моя спина выгнулась дугой, и я всхлипывая уткнулась лицом в матрас.

— Вот так, *mi alma*, дай мне услышать, как ты выкрикиваешь мое имя.

Его ладонь провела по тому месту, куда он только что ударил, и пока я пыталась сориентироваться, он нанес еще один шлепок по тому же месту, за которым быстро последовало поглаживание и без того чувствительной кожи.

Я приглушенно вскрикнула, уткнувшись в плюшевый плед, мое тело напряглось в ожидании следующего удара.

— Ты выглядишь восхитительно с моими отметинами, *mi alma*, — похвалил он.

Я ждала шлепка, но оно не последовало, и разочарование неожиданно овладело мной.

Последовала пауза, прежде чем я почувствовала, что он опустился на колени.

Я хотела спросить, что он делает, но все стало ясно, когда он взял мою задницу в руки и впился в нее пальцами, раздвигая меня шире. Я втянула воздух с дрожью от того, что мне стало стыдно за то, что я была так незащищена и обнажена перед ним.

Мои зубы впились в губы, и во рту появился привкус меди. Он наклонился и замер, словно ожидая, что я сделаю.

Когда я не сдвинулась с места, он прижался ко мне ближе и сделал то, чего я никогда не ожидала.

Он *глубоко* вдохнул.

— Такая отзывчивая, — пробормотал он, касаясь моей влажной киски. — Я едва коснулся тебя, а твоя киска уже дрожит.

Я задыхалась так сильно, что мои легкие чуть не лопнули от внезапной смены давления. Затем, без предупреждения, его рот прижался к моему клитору, проводя по нему языком.

Облизывая. Посасывая. Щелкая.

Его язык ласкал меня, доводя меня до исступления с каждым идеальным прикосновением. Его руки сжали внутреннюю сторону моего бедра, удерживая меня прижатой к его лицу.

Он издал рык, и я прижалась к нему. Его зубы предупреждающе прикусили мой клитор, но мне было все равно.

— Те...

Моя спина выгнулась, рот приоткрылся в придушенном вздохе.

Он с силой погрузил в меня свой язык, и я ахнула, мое сердце бешено колотилось.

— *Пожалуйста*, — выдохнула я, пока он продолжал трахать меня языком.

Я была настолько мокрой, что чувствовала, как мое возбуждение скапливается между бедер. Я была на грани оргазма, но вместо того, чтобы погрузиться глубже, все резко прекратилось.

— В первый раз ты кончишь на мой член. Потом ты сможешь кончить мне в рот, оседлав мое лицо.

ТЕО

— *Пожалуйста,* — закричала она, звук ее мольбы был мелодичной гармонией для моих ушей.

Моя София. Умоляет меня о большем.

Закрыв глаза, я потер ладонью свой до боли твердый член, представляя все то, что я теперь мог сделать с ней. Я все еще не мог осознать, что она здесь. Передо мной. Голая и желающая, чтобы я делал с ней все, что захочу.

Я искал ее годами, и это доводило меня до безумия, когда я думал, что в ту ночь я зашел слишком далеко из-за того, что хотел ее больше, чем следовало.

Меня наняли, чтобы защищать ее, а не влюбляться в нее.

Но она стала моей в тот момент, когда я впервые увидел ее. Даже спустя семь лет она все еще была моей. Особенно когда она вышла замуж за другого.

Она разбила мне сердце много лет назад, и то, что она снова оказалась в моих объятиях, медленно скрепляло его, кусочек за кусочком.

И, черт возьми, я захотел большего.

Больше этого. Больше нас. Больше *ее*.

Я едва мог дышать, когда, наконец, увидел ее во всей красе. Я пробежался взглядом по ее телу, планируя насладиться ею. Эта гладкая загорелая кожа. Эти полные груди, темные соски, так и жаждущие, чтобы их пососали. Эти изгибы и эта пухлая, голая киска, умоляющая полакомиться ею.

Она была чертовски красива. И, *блядь*, этот запах.

Он был опьяняющим. *Она* была опьяняющей. Я едва держался на ногах.

Одна только мысль о том, чтобы погрузиться в ее капающую киску, заставляла мой член дергаться, а яйца сжиматься еще сильнее.

Я медленно поднялся на ноги, мои руки ласкали ее покрасневшую кожу, разглаживая ее. Я обхватил рукой ее мягкий живот, а свободной рукой провел вверх по позвоночнику, пока мои пальцы не запутались в ее вьющихся прядях, сжимая в кулак ее волосы.

Усиливая хватку, я потянул ее за пряди, ее спина выгнулась, когда я поднял ее, мой передняя часть оказалась вплотную прижата к ее спине. Мой член упирался в шов молнии, отчаянно ожидая освобождения, когда он погрузится в нее.

Я положил подбородок в изгиб ее шеи и заставил ее прислониться к моему плечу.

— *Te ves tan jodidamente hermosa cuando me suplicas* (пер. Ты выглядишь так чертовски красиво, когда умоляешь меня), — сказал я, опуская руку на ее живот, мой безымянный палец скользил по складке ее киски, погружаясь внутрь совсем немного, снова дразня ее дырочку.

— Пожалуйста, Тео, позволь мне кончить, — захныкала она, прижимаясь к моему пальцу, и три нарисованные татуированные точки исчезали между ее дрожащих ног.

Совсем скоро я найду способ пометить ее.

Я ввел кончик пальца в нее на секунду, прежде чем вынуть его. Ее руки поднялись за спиной, ее пальцы вцепились в мои бедра, агрессивно прижимая меня к себе.

— Тео, я клянусь тебе, если ты не...

Я не мог больше ждать. Мне нужно было быть внутри нее.

Тело пульсировало от голода, я ослабил хватку на ее волосах, чтобы перевернуть ее, оборвав ее предупреждение. Мои руки скользнули по задней поверхности ее бедер, чтобы подхватить ее, и ее ноги инстинктивно обхватили мою талию.

Подняв ее на кровать, я уложил ее, желая исследовать ее. Мои пальцы впились в ее бедра, раздвигая их как можно шире, чтобы я мог смотреть на нее.

Мои глаза не знали, куда смотреть в первую очередь. Мой взгляд путешествовал вниз, прослеживая форму ее тела. Слабый шрам на ее левом боку подтвердил, что она моя София. Мои руки скользнули по ее талии, и я наслаждался тем, как хорошо она ощущается под моими ладонями.

— Черт, ты совершенна. Посмотри, как твоя блестящая киска плачет по мне.

Мой член так сильно упирался в шов брюк, что я был на грани срыва.

Ее дыхание участилось, и она заерзала под моим пристальным взглядом.

— Доверяешь мне? — спросил я ее.

— Да.

Ее немедленный ответ был разрядом электричества прямо в мое сердце, заставляя его биться сильнее, расцветая под моей грудной клеткой.

Я поцеловал ее в губы, прежде чем подтянуться за ремнем, который я бросил на кровать ранее.

— Руки, — приказал я, и она подчинилась, подняв их ко мне.

Я поднес ее руки к своим губам, нежно поцеловал ее раненую руку и проследил, чтобы бинт был надежно закреплен. Я снова поднял на нее взгляд и подождал немного, на случай, если она передумает. Затем я начал обматывать кожу вокруг ее запястий.

Я приготовился к тому, что она остановит меня, но она не этого не сделала. Она просто продолжала смотреть на меня, пристально изучая мои движения, наблюдая, как я туго затягиваю ремень.

Закрепив ее, я сделал шаг назад и стянул через голову рубашку, которая была на мне, а затем отбросил ее в сторону. Ее взгляд задержался на моем теле, пока я снимал брюки, а затем и боксеры.

Ее глаза расширились, когда мой член оказался на свободе, и ее пронзительный взгляд задержался на нем. Ее рот приоткрылся, язык прошёлся по губам, и мое воображение отвлекло меня, представив, как хорошо они будут выглядеть, обернутые вокруг моего члена.

— Мои глаза выше, София.

Она собиралась бросить мой адрес язвительный комментарий, когда я подошел к ней, ее дыхание учащалось с каждым шагом.

Забравшись на кровать, я сел на нее сверху, расположившись на ней, мои бедра обхватывали ее бедра с обеих сторон. Я завел ее связанные руки за голову и прильнул губами к ее уху. Взяв мочку в рот, я пососал ее.

— Держи их там, — прошептал я ей на ухо, прежде чем отстраниться. Она слегка поморщилась, когда грубая кожа впиалась в ее кожу.

Она вскинула бровь.

— Теперь ты трахнешь меня?

Я усмехнулся и откинулся на пятки.

— Терпение, София.

— О, да пошел ты, Тео. — Она фыркнула и заерзала подо мной.

— Лежи спокойно, София. Я трахну тебя совсем скоро.

Я провел пальцами по мягким синякам, которые мои зубы оставили ранее на ее груди, — свидетельствующим о том, кому она теперь принадлежала.

— Смотри, как легко твоя кожа принимает мои следы. Ты принадлежишь мне, София. И я собираюсь вернуть то, что принадлежит мне.

Я потянул за ее соски, крутя их между большим и указательным пальцами. Она откинула голову назад, втягивая воздух и пытаясь высвободиться из моей хватки.

— Ты понимаешь?

Прикусив губу, она кивнула. Уголок моих губ изогнулся, когда я сильнее сжал ее соски, мой член уперся в ее живот.

— Тебе нравится, когда я играю с тобой грубо, *mi alma*?

Я провел руками по ее бокам и лег на живот, расположившись так, что мое лицо оказалось прямо между ее бедер.

— Да, Тео, просто, перестань мучить меня, *пожа-а-луйста*... — прошипела она, когда я провел носом по внутренней стороне ее бедра.

Я смотрел на нее, пока мое дыхание скользило по ее клитору. Ее глаза закрылись, и она застонала, когда я провел кончиком языка по ее складке. Она попыталась вывернуться, сомкнув ноги над моей головой, но я заставил ее раздвинуть их шире.

Я закинул ее ноги себе на плечи, приподнял ее попку и наклонился. Немного подразнив ее дырочку отверстие, я провел языком дорожку вверх, прежде чем проникнуть языком в ее вход.

Я сжал внутреннюю поверхность ее бедер, продолжая атаку, и она билась ногами о мое лицо, прижимая их так плотно к моей голове, что практически душила меня. Но я не собирался жаловаться. Умереть, поедая ее, было бы милосердием.

— Вот так, *mi alma*, оседлай мой рот. Я хочу, чтобы ты облила мое лицо, чтобы все знали, что мое место — между твоих ног.

Я опустил ее бедра и одной рукой прижал ее к матрасу, обхватив губами ее клитор и введя в нее пальцы свободной руки.

Она извивалась подо мной, прижимаясь бедрами к моему лицу, ее киска была моим единственным источником питания, пока мой язык ласкал ее.

— Ты слышишь это, *mi alma*? — сказал я, приподнимаясь, чтобы вздохнуть и вводя два пальца.

Мои пальцы, поглощаемые ее киской, были единственным звуком в комнате. Я снова погрузился в нее, как мужчина, изголодавшийся по последней еде и жаждущий ее вкуса.

Я просунул пальцы внутрь нее, покусывая ее набухший клитор. Ее спина выгнулась

дугой, а ее пятки уперлись в мои лопатки.

— Я кончаю. О Боже, Тео, я кончаю...

— Вот так, София. Дай мне это.

Я удвоил свои усилия, пока не почувствовал, как она с криком кончает мне в горло, сильнее прижимая свою киску в мой рот, пульсируя вокруг моих пальцев.

Я мурлыкал напротив ее киски, ее вкус наполнял мои вкусовые рецепторы, они были поглощены ее сладостью. Мои пальцы и язык продолжали двигаться, пока я не почувствовал, как она прижалась к моему лицу.

— Твоя киска на вкус даже лучше, чем я помнил, — простонал я.

Я поднял на нее глаза, мой рот и щетина были покрыты ее влагой. Взгляд, который встретил меня, был подобен удару в живот. Она смотрела на меня, ее лицо было почти таким же диким, как мое, дыхание тяжелым, зрачки расширены от вожделения.

— Поцелуй меня.

Я приподнялся, перенеся вес своего тела на нее, и схватил ее за затылок, прижав свой рот к ее рту. Она поцеловала меня в ответ с такой же страстью, пробуя себя с моего языка, что вызвало рык в моей груди.

Я закинул ее руки себе за голову, образовав цепь на моей шее. Я протяжно и глубоко стонал ей в рот, когда она крепче прижалась ко мне, своим телом, а мой член уперся в ее киску.

Она застонала, терлась о его длину, поглаживая меня, как будто пыталась подрочить меня своей киской. Слегка отстранившись, она прижалась лбом к моему лбу, ее тяжелое дыхание обволакивало мои губы.

— Моя киска еще вкуснее в твоём рту, — прошептала она мне в губы.

Святое дерьмо. Я чуть не кончил прямо здесь и сейчас.

Я раздвинул ее губы, давая себе больше пространства, чтобы просунуть язык в ее рот, целуя ее глубже и сильнее. Она начала сосать его, подстраиваясь под ритм своих поглаживаний.

— Трахни меня, — выдохнула она, быстрее натирая свой клитор о мой член. Мое дыхание участилось, мои руки ласкали каждый сантиметр ее тела.

Я схватил ее за задницу, затем взял ее за бедра, двигая ее вперед-назад на своем члене, следя за тем, чтобы ее отверстие и клитор скользили по моей длине.

— Тео, пожалуйста. Я хочу, чтобы ты трахнул меня, — прошептала она.

Я снова уложил ее на спину, и она уже собиралась возразить, когда я потянулся за головой, убирая ее руки и двигаясь, чтобы развязать ее.

— Я знаю, что ты хочешь мой член. Поверь мне, я также сильно хочу быть внутри тебя. Но я хочу чувствовать твои руки на себе, пока я трахаю тебя.

Освободившись, я бросил кожаный ремень на пол рядом с кроватью и поднес ее покрасневшие запястья к своим губам и запечател на них лёгкий поцелуй.

— Они болят? — спросил я, проводя большими пальцами по красным следам, где кожа натерла ей кожу.

Она покачала головой и прикусила нижнюю губу. Я потянул ее за подбородок, освобождая губу от зубов.

— Я в порядке. А теперь, может, ты перестанешь задавать вопросы и уже трахнешь меня? — вызывающе сказала она, обхватив ладонями мою задницу и впиваясь ногтями в плоть, притягивая меня ближе.

Я усмехнулся и наклонился над ее телом, прижавшись лбом к ее лбу, наши взгляды встретились.

— Рад видеть, что ты все еще здесь.

Мои легкие сжались от выражения ее лица, и ее губы приоткрылись напротив моих. Я взял ее руку и обхватил член нашими соединенными ладонями, потирая его вверх и вниз по ее входу, собирая ее влагу, затем снова опустил его вниз, остановившись у ее входа, слегка подталкивая головку внутрь.

Она резко втянула воздух, и мы оба посмотрели вниз, наблюдая, как я вхожу в нее впервые за все эти годы, пока я не остановился на полпути.

— Смотри, как хорошо твоя киска обхватывает мой член, — сказал я, испустив сдавленный стон. Мы оба наблюдали, как мой ствол блестел от ее возбуждения, как ее киска скользила по моему члену, когда я вытащил его, но кончик все еще оставался внутри.

— Мне чертовски нравится смотреть, как твоя киска поглощает мой член. — Я застонал и снова вошел в нее, на этот раз немного глубже.

Я совсем забыл, каково это — чувствовать жар, захватывающий мое тело, и я был более чем счастлив позволить ей поглотить меня.

Я наклонился к ее шее, впиваясь зубами в гладкую кожу, собрав все силы, чтобы не взорваться, когда почувствовал, как она прижалась ко мне. Ее влажная киска была восхитительна вокруг моего члена.

Держась одной рукой за ее бедро, я вытащил член и обхватил головку, проводя ею круги вокруг ее набухшего клитора, а затем опустил его обратно и снова погрузился в нее, на этот раз почти до упора.

Наши губы столкнулись, и она ахнула мне в рот, ее киска прижалась ко мне. Ее руки ударились о кровать от моего вторжения. Ее пальцы крепко сжимали простыни, а ее влагалище повторило это движение на моем члене, доводя мое тело до лихорадочного состояния.

Я зашипел, втягивая воздух сквозь зубы, и задрал подбородок к потолку, мой контроль висел на волоске.

— Ах, София, ты меня убиваешь.

— П-почему?

Мои руки блуждали по ее бокам, пока я двигал бедрами в ней.

— Детка, ты ощущаешься как в рай и... и..., — Я тяжело дышал. В этот момент мой голос был просто вздохом. — Боже, София, ты знаешь, как хорошо в тебе? Твоя киска душит меня.

Она была такой чертовски тугой, и ее влажность, просачивающаяся наружу, облегчила мне вход. Она качнулась вперед, но я надавил рукой на ее живот, не давая ей двигаться дальше.

— София, стой, блядь, смирно, или я перекину тебя через колени и буду шлепать до крови, пока ты не научишься слушаться, — процедил я сквозь стиснутые зубы.

По ее коже побежали мурашки, когда она издала стон.

— *Черт...*

Резкое возбуждение пронзило мой живот, когда она снова сжалась вокруг меня, и мой член дернулся в ответ. Я провел большим пальцем вниз по ее бедру, пока он не остановился на ее клиторе и не обвел его.

С ее губ сорвался громкий вздох, и я прижался губами к ее губам, проглатывая его.

Я чувствовал, как ее киска задрожала вокруг моего члена, когда мой большой палец ускорил темп, и я продолжал двигать бедрами, а ее — двигались в такт мне.

— Еще, — умоляла она, ее пальцы запутались в моих волосах, возвращая мой рот к ее. — Еще, Тео, *пожалуйста*.

— Все, что угодно для тебя. — прорычал я, отводя бедра назад и врезая в ее жаждущую киску, пока полностью не оказался глубоко внутри, мой таз прижался к ее паху.

Ее спина выгнулась дугой, ее грудь поднялась навстречу моей, и стон вырвался из ее приоткрытых губ. Она так идеально подходила мне.

— Ты так хорошо берешь меня, *mi alma. Necha solo para mi*. (пер. *Создана только для меня*)

Я вытащил член до конца, а затем снова погрузился в нее одним длинным, сильным движением. Ее глаза закрылись, когда я медленно вытащил член, чтобы она могла почувствовать каждый дюйм моей обнаженной длины, и вытащил ровно настолько, чтобы она почувствовала, как головка дразнит ее вход.

— Тео, — вскрикнула она, мое имя сорвалось с ее губ самой сладкой мелодией, которую мои уши слышали за долгое время.

— *Mi alma*, посмотри на меня, — потребовал я шепотом, прижимаясь к ее губам.

Наши взгляды встретились, и я понял, что после этой ночи я никогда не смогу отпустить ее. Я и не собирался этого делать.

Не сводя с нее глаз, я снова медленно вдавливался в нее, наши стоны сливались воедино. Ее бедра встретились с моими, и она потянула свои пальцы к моему плечу, ее ногти впились в кожу.

— София... — простонал я, прижимаясь к ее коже.

Я схватил обе ее руки и поднял их над головой, переплетая ее пальцы со своими. Мы не сводили глаз, пока я медленно проникал в нее, достигая более глубокого уровня близости. Наши тела сомкнулись, и мы оба вдохнули, мое сердце колотилось о ребра из-за задержки дыхания.

— Скажи это, — выдохнула она.

Я хотел сказать ей, что люблю ее, но пока не мог. Я должен был убедиться, что она полностью принадлежит мне. Поэтому я решил сказать то, что было ближе всего к правде.

— Я скучал по тебе так, как не скучал ни по кому в своей жизни, — наконец сказал я. — Твоя очередь.

Вздых вырвался из ее губ, когда я прильнул к ней.

— Я тоже скучала по тебе, — призналась она.

Мое сердце замерло, когда я смотрел на нее, теряясь в ней.

— Скажи это еще раз.

— Я так скучала по тебе.

Мой контроль над собой лопнул, и мои толчки стали карающими, вбиваясь в нее грубее, жестче, *быстрее*.

— София, я хочу почувствовать, как ты кончаешь в меня. Ты сделаешь это для меня, детка?

— Да, — тихо сказала она.

Наклонившись, я втянул ее нижнюю губу в рот, пока мои бедра входили и выходили из нее, ударяясь о ее клитор с каждым толчком. Она начала скакать на мне, пока ее киска не сжалась вокруг моего члена, окутывая нас блаженством.

Внутренняя поверхность бедер задрожала подо мной.

— Тео, — крикнула она. Наши глаза столкнулись, когда ее охватил оргазм. Ее дыхание было прерывистым, ее тело напряглось под моим. Приглушенный крик наполнил комнату, когда она кончила.

— Ты меня намочила, — сказал я сквозь стиснутые зубы.

Я замедлил ритм, растягивая удовольствие, пока не почувствовал, как ее тело расслабилось. Я разжал наши руки и провел пальцем по ее чувствительному клитору, потирая резкими движениями, в то время как я все еще полностью находился внутри нее.

— Тео, я не могу..., — задыхаясь, умоляла она.

— Ты можешь, и ты сделаешь это. — Я усмехнулся, прямо перед тем, как нанести коротко шлепнуть по ее киске.

Она вскрикнула, ее тело дернулось, когда она попыталась отстраниться.

— Что я говорил о том, чтобы слушаться, *mi alma*? — предупредил я, снова похлопывая по ее киске.

Грубо схватив ее за бедра, я вышел почти полностью, а затем вошел в нее одним грубым толчком. Я впился пальцами в ее бедра, ногти царапали кожу, мои бедра набирали скорость, вгоняя мой член внутрь и наружу, и прошло совсем немного времени, прежде чем она снова кончила.

Я заставил ее посмотреть на меня, ее глаза пылали так же жарко, как и огонь, разгорающийся внутри меня. Она издала несколько стонов, от которых по моему позвоночнику пробежали электрические разряды.

Я наклонился, мой голос хрипло прозвучал на ее губах.

— Мне нравится смотреть, как ты распадаешься на части.

Мои толчки становились все медленнее и медленнее, мышцы спины напряглись, а мое освобождение отчаянно пыталось вырваться наружу. Мой нос коснулся ее носа, а рот прильнул к ее губам.

Мои бедра дернулись, мышцы живота сжались, и из моего горла вырвался стон, разрывающий мою разрядку. Мы оба посмотрели вниз, когда я медленно вытаскивал свой блестящий член, после того, как кончил, и вслед за ним вытекла тонкая белая полоска жидкости.

Выругавшись себе под нос, я обхватил свой член и прижал пульсирующую головку к ее центру, остатки моего оргазма выплеснулись на ее киску, раскрашивая ее, словно она была моей Моной Лизой.

Мои ноги едва выдерживали мой вес, дыхание было поверхностным. Я не кончал в женщину семь лет и уж точно никогда не кончал так сильно за тридцать семь лет.

Я почувствовал, как из нее вытекает теплая сперма, и присел на колени, расположившись между ее ног. Погладив внутреннюю поверхность ее бедер, я подхватил ее под колени и поднял их к груди.

Она приподнялась на локтях, следя за моим взглядом, наблюдая, как наше возбуждение вытекает из нее. Ее щеки покраснели от смущения, и она попыталась вырваться из моей хваткой, чтобы сомкнуть свои раздвинутые бедра, но я сжал сильнее, удерживая их раздвинутыми.

— Прекрати. Я хочу посмотреть, как она вытекает из тебя.

Я застонал, прижимаясь к ее бедру, когда моя сперма вытекала из ее идеально набухшей киски.

— Мне нравится видеть, какой грязной я тебя сделал, — сказал я ей, покусывая внутреннюю сторону ее мягкой плоти, пока она не захныкала.

Запечатлев поцелуй над ее лобковой кости, я лег на живот. — Кроме того, это моя работа — убирать за беспорядком, который я устраиваю.

Проведя языком по внутренней стороне ее ноги, я слизал стекающую с нее влагу, и она рухнула на кровать, ее глаза закрылись.

— Ты так сладко кончила для меня раньше, испачкав мой рот, когда я ел твою прелестную киску. Сможет ли моя красавица сделать это снова? — пробормотал я, касаясь ее мокрой киски.

Я посмотрел на свою сперму и ее соки, смешанные вместе в последний раз, прежде чем снова погрузиться в нее с одним словом, эхом отдающимся в моей голове.

Моя.

СОФИЯ

Мое тело все еще дрожало, когда он исчез между моих ног, мои колени все еще были прижаты к груди. Он провел языком по внутренней стороне моего бедра, и я рухнула на кровать, закрыв лицо руками при мысли о том, как он вычистит *нас* из моей капающей киски.

— Ты так сладко кончила для меня раньше, испачкав мой рот, когда я ел твою прелестную киску. Сможет ли моя красавица сделать это снова? — пробормотал он возле моего лица, его горячее дыхание струилось каскадом по чувствительной коже.

— Да, — умоляла я, затаив дыхание.

И тут он навалился на меня, его рот хищно оскалился, когда он поймал языком наши выделения и протолкнул его обратно внутрь. Я вскрикнула от удовольствия.

Мои руки метнулись вниз, чтобы схватить его за волосы, притягивая его голову так сильно, как только могла, к своему лону, пока я терялась о него, пока он лизал, сосал и покусывал мой уже набухший клитор, его щетина усиливала ощущения, когда я двигала бедрами ему навстречу.

— Я не могу насытиться тобой, — промурлыкал он, освобождая мой клитор от своих зубов. — Но ты еще слаще на вкус, когда умоляешь.

Он снова погрузился в меня, и тут я кончила, *снова*, еще один оргазм пронесся по моему телу — пальцы ног сжались, влагалище пульсировало вокруг его языка, и чернота застилала мое зрение. Крик вырвался из моей груди, звуковые волны пронизали воздух.

— *О, Тео...* — задыхалась я.

Что этот мужчина делает со мной? Я никогда не испытывала такого голода.

— Откройся, *mi alma*, почувствуй, как нам хорошо вместе.

Замешательство пронзило меня по его команде, рассеивая блаженный туман, и я открыла глаза, только чтобы увидеть его, нависшего надо мной.

Он провел пальцами по моему подбородку, побуждая меня приоткрыть губы. Я уставилась на него, ожидая. Он засунул большой палец мне в рот, надавив на заднюю часть моего языка. Слезы навернулись мне на глаза, когда я боролась с призывом к рвоте.

Он наклонился вперед, подойдя так близко, что наши губы почти соприкоснулись, и на его губах появилась лукавая улыбка. Его глаза сверкнули, и я ждала, что он что-то скажет, но он молчал.

Вместо этого он открыл рот и выплюнул теплую жидкость в мой рот. Мои глаза расширились от удивления, когда сладкий, терпкий вкус наполнил мои рецепторы, тонкая струйка соединяла наши рты, когда он отстранился.

Наши глаза столкнулись, радужки его глаз потемнели от голода.

— Глотай, — прохрипел он, осторожно закрывая мой рот. Я едва узнала его голос. Он был более глубоким, хриплым, утопающим в похоти.

Я захныкала и сделала то, что мне говорили. Я впервые попробовала его на вкус, и это вызвало дрожь удовольствия во всем моем теле, прилив возбуждения скапливался в моей сердцевине, когда я проглотила его. Его рука легла на мою шею, большой палец поглаживал ее, пока она покачивалась от глотания.

— Такой послушный ангел, — похвалил он, и я прикусила губу, чтобы сдержать очередной всхлип.

Он наклонился ближе и использовал свои зубы, чтобы оторвать ее от моей, прикусив ее в ответ. Затем он поцеловал меня, поглощая меня с такой страстью, что я растворилась в нем с тихим вздохом, мои руки обвили его шею, притягивая его ближе.

Он обнял меня за шею, и я вернула ему поцелуй, погрузив язык в его рот, посасывая и поглаживая его.

Этот поцелуй был другим. Он обволакивал нас, позволяя излить в нем все, что мы не могли выразить словами.

Тео устроился рядом со мной и притянул меня к себе, наши конечности спутались друг с другом. Он слегка отстранился, его мягкие пальцы провели вверх и вниз по моему позвоночнику, пока мы переводили дыхание, и наши сердца бились в унисон.

Он смотрел на меня сверху вниз, его темные глаза смотрели на меня с такой нежностью. Он выглядел таким умиротворенным, и это задело мое сердце: я знала, что не все ему рассказала.

Отгоняя эту мысль, я вздохнула, ощущая его ленивые ласки, и лениво улыбнулась ему, мои глаза были отяжелели, а тело — удовлетворенным.

— Ты усыпишь меня, если будешь продолжать в том же духе. Я прижалась к нему ближе, уткнувшись головой в его грудь, его подбородок покоился на моих волосах.

Я едва услышала его ответ, как мои глаза потяжелели, а его рука стала медленно поглаживать мою спину. Последнее, что я запомнила, было ощущение, что на нас накинута что-то тяжелое, и как бы я ни старалась бороться с этим, сон в конце концов поглотил меня, и шепот «Я люблю тебя» погрузил меня в бессознательное состояние.

Я почувствовала, как его тепло проникает в мою кожу, пока я медленно приходила в себя. Я проснулась с довольной улыбкой на губах, понимая, что прошлая ночь была лучшим сном за долгое время.

Я открыла глаза и уставилась на лицо, которое находилось всего в двух дюймах от моего. Тео все еще крепко спал, тихонько похрапывая.

Он спал на животе, его голова покоилась на его руке, в то время как другая лежала на

моем животе. Он выглядел таким умиротворенным, что я не смогла удержаться и потянулась к нему, проведя большим пальцем по его щеке. Он слегка пошевелился, его рука крепче обхватила меня, притягивая ближе.

Его каштановые кудри были в беспорядке от моего неустанный потягивания их прошлой ночью. Один из его локонов упал на лоб, и моя рука убрала его назад, большой палец разгладил небольшую складку, образовавшуюся на его лбу.

Он был так чертовски красив.

У меня никогда не было возможности сделать это, просто лежать рядом с ним и смотреть на него. Единственный раз, когда это было возможно, я ушла посреди ночи, не попрощавшись.

Но теперь, просыпаясь рядом с ним, наблюдая, как он спит, я обнаружила, что хочу делать это до конца своих дней.

Еще не время, София. И только если он простит тебя после всего.

Я закрыла глаза и тяжело вздохнула, наслаждаясь этим покоем еще несколько минут.

Игнорируя боль в груди, которая ненавидела меня за то, что я отстранилась от него, я сделала глубокий вдох и осторожно убрала его руку, прежде чем скатиться с кровати.

Мой взгляд скользнул по кровати, и я нахмурилась, когда обнаружила, что спала чистой. Я потрогала себя между бедер и не обнаружила никаких следов прошлой ночи. Внезапно до меня дошло, что он вымыл меня после того, как я заснула прошлой ночью.

Mi cielito.

Я на цыпочках пересекла комнату и взяла его рубашку с того места, где он бросил ее прошлой ночью, затем натянула ее. Я взглянула на него в последний раз, прежде чем выскользнуть из спальни. Там, где всего мгновение назад выражение его лица было умиротворенным, теперь его брови были нахмурены, уголки губ опущены вниз, и, эгоистично, это согрело мое сердце.

Я тихо прокралась в ванную через холл, оставив дверь открытой, и включила душ, ожидая, пока он нагреется. Я потянула за шов его рубашки и стянула ее через голову.

Я посмотрела на себя в зеркало и заметила, что кое-что изменилось. Следы той девушки, которой я была раньше, снова смотрели на меня. Несмотря на то, что мое тело болело после вчерашней ночи, мое сердце было совершенно спокойно впервые за, казалось, целую вечность.

Пар заполнил ванную комнату. Я шагнула под струю и закрыла глаза, когда горячая вода пощипала мою кожу.

Мои мысли вернулись ко всему, что произошло прошлой ночью. Где-то в глубине души я понимала, что должна была прекратить. Что я должна была оттолкнуть его и сыграть роль возмущенной верной жены, которая только что поцеловала своего телохранителя в минуту неосторожности.

Но страсть, бурлившая в нас, смыла эти мысли, напомнив мне, что я была у него первой. Собственно говоря, я всегда принадлежала ему.

Я никогда не переставала принадлежать ему. Так же, как и он не переставал быть моим.

Прошло много времени с тех пор, как мне было так хорошо, так что, как бы эгоистично это ни было, я собиралась наслаждаться этой временной передышкой, пока могла.

Наши жаркие мгновения заполнили пространство вокруг меня, и прежде чем я смогла остановить себя, моя рука провела по коже, задев сосок. Я резко вдохнула, поддавшись ощущениям, и позволила своим мыслям блуждать, медленно проводя рукой по передней

части тела.

Я почувствовала его, как только он вошел в ванную. Стеклопанная дверь открылась, и я посмотрела через плечо, слегка наклонившись в сторону, а рука остановила свой путь вниз.

Мое сердце воспарило при виде его. Я почувствовала жар его глаз, когда они касались каждой частички меня. Моих губ. Моей челюсти. Моей груди. Внимательно следя за тем, как вода стекает по моему телу, вплоть до того, как пальцы скользят по верхушке моей киски, слегка касаясь клитора.

По моей коже побежали мурашки, и в тот момент, когда его взгляд снова нашел мой, я уже задыхалась.

Он шагнул под воду, прижавшись грудью к моей спине. Когда я надавила на клитор, меня пронзила дрожь. Он обхватил меня руками за плечи, и я откинулась на него, опустив голову ему на грудь. Он слегка поцеловал меня в макушку.

— Доброе утро, *mi alma*, — прошептал он, касаясь моей кожи.

Обхватив меня предплечьем за талию, он прижал меня к своей растущей эрекции. Его рука скользнула вверх и ласкала мою грудь, а я задвигала пальцами быстрее, посылая жар в мое тело. Он издал низкий стон.

— Вот так, поиграй с моей киской для меня.

Легкий стон вырвался у меня, когда он потянул за один из моих сосков, а его зубы прикусили мочку уха. Мышцы свело судорогой, мое тело вибрировало от прикосновений его рук к моему телу, пока я дразнила себя.

Затем я перевалилась через край, оргазм прорвался сквозь меня, имя Тео сорвалось с моих губ на выдохе.

Его губы запечатлели еще один маленький поцелуй на моем виске, когда я повернулась к нему лицом. Я посмотрела вниз на его эрекцию и прикусила язык, собираясь встать на колени, но он остановил меня.

Я нахмурилась, но он провел пальцем по моему подбородку, поднимая мои глаза обратно к своим.

— Видеть, как ты распадаешься на части для меня, — это все, что мне было нужно этим утром, — заявил он, разворачивая меня обратно, чтобы я стояла лицом к нему.

Я снова откинула голову назад, умиротворение разлилось по моему телу.

Он выдавил на ладонь немного шампуня и начал намыливать мои волосы, массируя корни. Я издала глубокий стон от его ласк, а его ногти на мгновение впились в мои волосы, прежде чем он продолжил натирать круговыми движениями по моей коже головы.

Он помнит.

Первые несколько месяцев после аварии были самыми тяжелыми. Я едва могла встать с постели, не говоря уже о том, чтобы принять душ. Меня постоянно одолевала усталость, я оплакивала своих родителей и жизнь, которая когда-то была.

Тео в конце концов вмешался и помог заботиться обо мне сверх того, что требовала его работа. Он помогал накормить меня, вытащить из постели и принимать душ. Он даже провел несколько часов в Интернете, просматривая инструкции о том, как правильно мыть мои кудри, поскольку не хотел меня тревожить.

Я подняла на него глаза, отгоняя воспоминания, чтобы насладиться настоящим. Я встретила его взгляд, когда он провел руками по бокам моей головы, и от прикосновения его пальцев к затылку у меня по позвоночнику пробежала дрожь.

Он ополоснул мои волосы и нанес кондиционер на мои локоны, оставив его на время,

пока он мыл остальные части моего тела. Он прикасался ко мне с такой нежностью и заботился обо мне с такой преданностью, что мне пришлось сдерживать свои эмоции, чтобы они не выплеснулись наружу.

Это казалось таким правильным. Так было всегда.

И как только он закончил, я сделала то же самое для него.

— Я скучал по этому, скучал по *нам*, — хрипло сказал он, взяв мое лицо в свои ладони. Он нежно поцеловал меня в губы, и они разошлись с тихим вздохом.

Я тоже скучала по нам.

Смыв с себя все, он выключил душ и взял два полотенца, завернув меня в одно и обернув другое вокруг своей талии. Он обхватил мое тело руками и просто не шевелился, его голова лежала поверх моей, глаза были закрыты, пока мы оба наслаждались ощущениями друг друга.

Я смотрела на наше отражение в зеркале, пока не остановилась на его руке поверх моей, заметив на его безымянном пальце что-то, чего там не было, когда я видела его в последний раз.

Я не помнила, чтобы у него были татуировки.

— Тео, — тихо сказала я. Он промурлыкал, встретившись со мной взглядом в зеркале.

Я провела пальцем по чернилам, и его кожа покрылась мурашками от моего прикосновения.

— Что это?

Он напрягся позади меня.

— Посмотри внимательнее.

Я подчинилась. Это была татуировка из трех черных точек, расположенных на одинаковом расстоянии друг от друга, с виноградной лозой, обвивающей вокруг пальца. Я перевернула его ладонь, чтобы посмотреть, к чему она ведет, но обнаружила рядом инициалы *SA*.

Подождите.

Наконец-то до меня дошло, что это значит. Я повернулась в его объятиях и встретила с ним взглядом.

— Тео, — тихо сказала я.

Он на мгновение закрыл глаза, его плечи опустились.

— Это всегда была ты. Всегда была только ты.

Он пометил меня чернилами на своей коже. Инициалы моего имени в сочетании с его фамилией.

Одинокая слеза скатилась по моей щеке. Он подцепил пальцем мой подбородок, а большим пальцем провел по щеке, чтобы стереть слезу. Его глаза искали мои, когда он возвышался надо мной. Я открыла рот, чтобы что-то сказать, но ничего не вышло.

— Я знаю, — мягко сказал он.

Я приподнялась на цыпочках и неуверенно прикоснулась губами к его губам. Он открылся для меня, и я обвила рукой его шею, притягивая его вперед.

Не раздумывая, он обхватил меня руками, поднял на ноги и прижал к своей груди. Его язык проник в мой рот, и все вокруг нас исчезло.

Мои ноги обвились вокруг его талии, когда он положил меня на стойку в ванной. Мы целовались до тех пор, пока у нас не перехватило дыхание.

Он прервал поцелуй и привел меня обратно в спальню, а затем осторожно положил на

кровать. Он подошел к комоду и взял одежду для нас обоих.

— Это не моя одежда, — заметила я, усмехаясь.

Он усмехнулся и вернулся ко мне.

— В моей ты выглядишь лучше, — сказал он, снимая полотенце, обернутое вокруг моего тела, и вытирая меня насухо. Затем он стянул еще одну рубашку и помог мне надеть его боксеры.

— Откуда у тебя здесь столько вещей? — спросила я, любопытствуя, как у него хватило времени упаковать столько вещей, в то время как я едва смогла взять с собой несколько вещей из-за нехватки времени.

— Это мой дом, — признался он.

— О.

Он изучал меня, его глаза блуждали по моему лицу, прежде чем он продолжил. — Я часто приходил сюда после того, как ты уехала.

Я прерывисто вздохнула, его признание вонзило копьё в мое сердце, сожаление о том, что я так отдалилась от него, что лишила нас таких моментов.

Но, надеюсь, я смогу искупить свою вину, когда все это закончится.

Он сбросил полотенце и переоделся в такую же одежду, как у меня. Он исчез на мгновение, а затем вернулся с моими средствами для волос и простой черной футболкой. Затем он сел рядом со мной на кровать и взял мою руку в свою. Я положила голову ему на плечо, а он поцеловал мои мокрые волосы.

— Сядь на пол, — мягко приказал он.

Он взял подушку с кровати и бросил ее на пол, чтобы я села на нее. Он начал стирать средство на мои кудряшки, и я, со стоном подалась навстречу его прикосновениями.

Боже, это так приятно. Я скучала по этому. Скучала по нам. Скучала по нему.

Это казалось таким правильным. Он чувствовался правильным. Всегда.

Прошлая ночь принесла мне свободу, но рано или поздно мне пришлось бы снова оттолкнуть его. Я еще не покончила со своими планами относительно Виктора.

Но в эти короткие мгновения, проведенные с ним, ничто другое не имело значения. Ни моя жажда мести, ни моя ложь, ни наши обстоятельства, ни даже наш возможный конец. Это было все равно что оказаться в эпицентре бушующего шторма. Несмотря на то, что все вокруг бушевало, угрожая поглотить меня, я была в безопасности в его центре с Тео.

Оторвавшись от своих мыслей, я вспомнила, что прошлой ночью мы не использовали никакой защиты.

— Насчет прошлой ночи, — начала я, — я принимаю таблетки.

Он взял расческу и начал расчесывать, распутывая мои кудри.

— Я знаю. — Он сделал паузу, прежде чем сказать: — И у меня никого не было.

Я повернула голову и посмотрела вверх. — Что?

Он схватил мою голову и повернул ее лицом вперед. Он продолжил расчёсывать меня.

— Ты слышала меня, София. Не было никого после тебя, *mi alma*.

Я подняла колени, прижав их к груди. Хотя я умудрилась получить ужасно много мигреней или умудрилась сделать график Виктора достаточно плотным, чтобы он отсутствовал большую часть ночей, спать с ним было неизбежно. Несмотря на то, что мое сердце и тело никогда не были увлечены этим, я жалела, что была с кем-то другим.

— Почему? — тихо спросила я.

Я ждала его ответа, пока он заворачивал мои волосы в футболку, закрепляя их сверху

атласным чепчиком. Когда он закончил, я встала и повернулась к нему лицом.

Я шагнула между его ног, обхватив руками его шею. Его руки двинулись вверх по моим ногам, опустились на заднюю поверхность бедер, и он притянул меня ближе, опустив голову, чтобы положить ее на мой живот.

— Всегда была только ты, — пробормотал он, касаясь моей футболки.

Уверенность его признания проникла сквозь мою грудную клетку, погрузилась в мое спящее сердце, заклеив и оживив его.

Черт, я люблю этого мужчину.

Я любила его уже давно, но пока не могла сказать ему об этом. Это было бы несправедливо, особенно когда я все еще многое скрываю от него. Когда-нибудь я выложу ему все и не перестану напоминать ему каждый день о том, как он мне дорог.

Я знала, что он тоже любит меня. Я чувствовала это. Но он сдерживался, боясь оттолкнуть меня этими драгоценными тремя словами.

Я провела рукой по его лицу, а затем обхватила его челюсть, заставляя посмотреть на меня. Я наклонилась и запечатлела поцелуй на его подбородке. Я осыпала его поцелуями, пока мои пальцы погружались в его волосы.

Мои руки потянулись к его губам, и я нежно поцеловала его в губы, а затем сильнее прижалась ртом к его.

Он застонал, прижавшись к моему рту, прежде чем открыть его и встретиться своим языком с моим. Он поднял руки, чтобы сжать мою задницу, а затем поднял меня, обхватив меня руками и прижимая наши тела друг к другу.

— Мне нравится видеть тебя в моей одежде, — пробормотал он мне в губы. Он зарылся лицом в мою шею. — Мое сердце, все мое тело — кричат *моя*, когда я вижу тебя в них.

Его руки пробрались под рубашку, скользнули по изгибу моей спины, заставляя ее выгибаться под его прикосновениями. Я мягко прижалась к нему, и он повернулся ко мне, прижимаясь поцелуем к моей обнаженной коже.

Дрожь прошла по мне, когда он сделал это снова, на этот раз ниже. С моих губ сорвался стон, а тело скрутило от желания. Голодные глаза смотрели на меня, когда он стянул рубашку с моего тела и прижался мягким поцелуем к моей груди.

Мои руки двинулись вниз, чтобы схватить его футболку. Когда он поднял руки, я стянула материал через голову и позволила ему упасть позади меня.

Мои руки пробежались по его загорелой груди, по светлой копне волос на груди. Я провела пальцами по ним и по его рельефным мышцам, которые так и просили, чтобы их попробовали. Он вздрогнул под подушечками моих пальцев.

Мои глаза искали его глаза, когда я подняла руки, чтобы обхватить его лицо, и наклонилась, прижавшись губами к его челюсти.

— Всегда был ты.

Как только мой рот коснулся его рта, он начал действовать, его язык проскользнул в мой рот, а одна из его рук поднялась вверх. Он обхватил мой затылок и притянул меня ближе, чтобы углубить поцелуй, и я позволила себе утонуть в нем.

Если я не могла сказать ему о своих чувствах, я хотела использовать свое тело, чтобы передать то, что не смогли бы передать никакие слова. Когда были только мы, ничего другого не существовало.

Но я знала, что наше время ограничено.

Но он не знает.

ТЕО

Следующие несколько дней мы провели, возвращаясь к рутине, которая была очень близка к той, что была у нас раньше. Снова держать ее в своих объятиях и просыпаться рядом с ней каждое утро после стольких лет — это большее, о чем я мог только пожелать.

Реальность продолжала вторгаться в мой разум, напоминая мне, что хоть эти последние несколько дней были лучшими за долгое время, это был вопрос времени, когда наша реальность рухнет обратно.

В моей голове все еще оставались вопросы, почему она изменила имя и внешность, и даже почему из всех людей она вышла замуж за Виктора. Я хотел получить ответы, но в то же время, в глубине души, я не хотел знать.

Что, если ее ответы были не такими, какие я хотел услышать? И самое главное, я просто хотел насладиться тем временем, которое у меня было с ней, и не тратить его на споры.

Я стоял у кухонного стола, все еще пытаюсь найти того, кто стрелял в нее, когда она вошла на кухню в очередной комбинации из одной из моих футболок и трусов-боксеров. Она носила мою одежду с той ночи, и каждый раз это заставляло мое сердце учащенно биться.

Мне нравилось смотреть, как она носит то, что принадлежало мне.

Она обхватила меня руками и поцеловала между лопаток.

— Пойдем со мной.

Я переплел свои пальцы с ее пальцами там, где ее руки лежали на моем животе, и посмотрел на нее через плечо.

— Куда?

Вместо ответа она просто взяла меня за руку и повела нас через кухню к задней двери. Я последовал ее примеру, пока она шла к озеру, останавливаясь на полпути.

Мои ноги в носках замерзли, когда мы шли по влажной земле, мелкие камни впивались в подошвы моих ног. Было уже поздно, лунный свет струился по совершенно неподвижному озеру.

Она обернулась и поцеловала меня в губы. Я подавил стон, когда ее ногти прошли по моей шее.

— Раздевайся, — потребовала она. — Мы идём купаться купаться.

Мои глаза выпучились.

— Детка, здесь чертовски холодно.

Она пожала плечами, и ее карие глаза встретились с моими, когда она потянулась к передней части моих джинсов, расстегнула пуговицу и расстегнула молнию. Я затаил дыхание, когда ее пальцы коснулись моего члена.

Затем она повернулась, оставив меня стоять на месте, и пошла к озеру. Она остановилась на краю, окунула палец в воду и с дрожью отдернула его. Она сделала глубокий вдох и просто вошла в озеро полностью одетая, темная вода рябила вокруг нее, промокшая рубашка прилипла к ее телу.

Я наблюдал за ней, раздумывая, стоит ли войти в воду и присоединиться к ней. Она оглянулась через плечо и улыбнулась мне, подарив одну из тех драгоценных улыбок, которые были посвящены только мне.

И, черт меня возьми, если бы я ничего не сделал ради этой улыбки.

— Ты собираешься просто стоять и смотреть на меня или ты снимешь эти штаны и присоединишься ко мне? — поддразнила она, ее глаза сверкали вызовом. Она раздвинула руки, проталкиваясь дальше в озеро.

— София, не заходи слишком далеко.

Она ухмыльнулась, отталкивая себя еще дальше.

— Тогда тебе лучше прийти за мной.

Я снял штаны, затем носки, решив подражать ей и оставить футболку и трусы, надеясь, что они согреют меня достаточно. По коже побежали мурашки, когда я зашел в воду и нырнул.

Я откинул волосы с лица, когда всплыл на поверхность. Она стояла прямо передо мной, ее темные волосы откинута назад из-за воды, которая их намочила.

— Здесь чертовски холодно. — простонал я, дрожа.

Она захихикала, когда я притянул ее к себе, ее ноги обхватили мою талию. Она улыбнулась мне, лунный свет мерцал на ее лице. Я поцеловал уголок ее рта.

Она была потрясающей, не думаю, что когда-нибудь смогу насытиться ею.

Некоторое время мы просто молчали, плескаясь в воде, пока ее руки пробирались сквозь мои мокрые волосы, ее ногти время от времени царапали мою шею, пока я растирал круги на ее спине.

Я смотрел на нее, мои глаза блуждали по ее чертам. Тепло разливалось в моей груди, до тех пор, пока не возникло ощущение, что оно может лопнуть. Мир всегда описывали как состояние спокойствия или тишины.

Она всегда была моей. Как бальзам на сердце, она всегда успокаивала все остальное.

Она была моим миром. Моим собственным спасением. *Mi alma.*

Я слегка отстранился. Мои губы коснулись ее губ, легкий, как пёрышко, поцелуй лег на ее губы. Ее тело выгнулось дугой, ее губы разошлись в тихом вздохе. Я прижался лбом к ее лбу, наши взгляды встретились, дыхание смешалось.

Она вздрогнула, когда я мягко потерся о ее тело. Мы нежно двигались друг против друга, наши тела двигались в унисон, наращивая силу. Она сильнее терлась о мою длину, тонкая, влажная ткань была единственным, что разделяло нас, и трение только усиливало удовольствие.

— София... — простонал я, мольба прозвучала с хрипотцой. Моя рука скользнула под подол ее футболки и легла на бедро, поглаживая кожу, пока мы продолжали раскачиваться вверх и вниз друг против друга.

От интенсивной связи дыхание в моих легких остановилось, и через несколько минут мы кончили в унисон. Мои губы мгновенно прильнули к ее губам, проглотив ее тихий крик.

— Я бы хотела, чтобы мы остались здесь, — тихо прошептала она мне в губы после того, как спустилась с высоты, и ее веки сомкнулись.

Моя грудь сжалась от ее признания.

— Я тоже, *mi alma*. Я тоже.

Я поцеловал ее в лоб, и она наклонила голову вперед, зарывшись лицом в мою шею.

Именно в такие моменты, моменты, которые казались такими хорошими, *такими правильными*, было большее всего. Эти моменты были постоянным напоминанием о том, что все это мимолетно, что эти идеальные моменты могут закончиться.

В конце концов она заснула, и я отнес ее в дом, вымыл и высушил, прежде чем переодеть ее в другую ночную рубашку.

Я лег на кровать рядом с ней и некоторое время смотрел, как она спит. Наверное, это было жутко, но я не мог отвести взгляд. Ее грудь поднималась и опускалась при ровном дыхании, на лице было умиротворенное выражение.

Я расчесал ее волосы и мечтал, чтобы у меня хватило сил оставить нас в этом пространстве и моменте навсегда.

Но чего бы ни хотело мое сердце, это не зависело от меня.

Я буду бороться за нее, но мне нужно, чтобы и она боролась за меня.

Мы лежали на диване, споря о том, какой вкус мороженого самый лучший, что, очевидно, было печенье из теста, когда на мой компьютер пришло уведомление об электронной почте.

Я сдвинулся, убирая руку с плеча Софии, и взял свой компьютер с журнального столика.

Письмо было от Джексона.

Она заглянула мне через плечо, пока мы оба читали его.

Пора было ехать домой.

Мы медлили, не желая нарушать мечтательную дымку, пока тихо собирали свои вещи, украдкой целуясь между делом. Я почувствовала, как защемило в груди, когда мы направились к машине — нас ждала долгая поездка.

Во время поездки мы почти не разговаривали, моя рука все время сжимала ее руку. На обратном пути мы остановились только один раз, достаточно долго, чтобы заправить бак и перекусить.

В моей голове проносилось миллион мыслей и тревог. У меня не было ответов на все мои вопросы, но все, чего я действительно хотел — это ее.

Я перевел взгляд на нее, но обнаружил, что она спит. Ее голова покоилась на подголовнике, густые ресницы веером падали на скулы. Я мельком наблюдал, как поднимается и опускается ее грудь при каждом вздохе.

Я переключил свое внимание на дорогу, одна мысль не давала мне покоя.

Все ещё надеюсь, что она тоже хочет того же.

СОФИЯ

Наконец настал торжественный вечер, после нескольких сумасшедших дней его планирования. Прошла неделя с тех пор, как мы вернулись из хижины, и я делала все что угодно, чтобы занять себя, стараясь, чтобы у нас с Тео не оставалось времени побыть наедине.

Не то, чтобы он не старался. Каждый день он пытался застать меня одну, но я тут же отшивала его, извиняясь и сваливая это на загруженные планы.

На самом деле я просто не доверяла себе рядом с ним, боясь, что он еще больше разрушит мои стены и заставит меня раскрыть все до того, как я покончу со всем этим.

Я провела день, подготавливаясь, по просьбе *моего возлюбленного*, так как сегодня был важный вечер для его компании, и я должна была выглядеть соответствующим образом. Сегодня речь шла даже не о нас, но поскольку мне было поручено организовать благотворительный вечер, это напрямую отразилось на Викторе и, по умолчанию, на его компании.

Добавив последние штрихи к своему наряду, я направилась вниз.

— Наконец-то. — Виктор нахмурился, его губы сжались.

Он начал разглагольствовать о том, как поздно мы приедем, но я просто позволила ему отойти на задний план, схватив шаль и обернув ее вокруг плеч, на случай, если похолодает ночью.

Мы вышли на улицу, и я спустилась по парадной лестнице — солнце садилось на горизонте.

Идеальная ночь для мести.

Тео ждал у машины, и как только он почувствовал мое присутствие, когда я спускалась по лестнице, все его внимание было направлено на меня. Его взгляд прошелся по моему телу, оставляя за собой огненный след.

Наши глаза соединились, и все моменты, проведенные нами в хижине, нахлынули на меня, сожаление мгновенно поглотило меня, напоминая, что я все еще лгала ему.

Скоро, София. Скоро ты сможешь рассказать ему все.

Я вынырнула из своих мыслей, отводя взгляд, и вернула свое внимание к Виктору. Я шла за ним, направляясь к машине, возле которой ждал Джексон, но Виктор остановил меня на полпути.

— Ты едешь с мистером Альваресом. Мы возьмем две разные машины, просто на всякий случай.

Виктор все еще опасался *угроз* моей жизни и логически рассудил, что будет безопаснее ехать в разных машинах, чтобы отвлечь внимание на случай, если кто-то будет нас преследовать.

Я хотела возразить, но знала, что решение окончательное и никаких веских аргументов я привести не могу. Кроме того, если это была последняя возможность провести с ним время, даже просто побыть в его присутствии, прежде чем он окончательно возненавидит меня, я хотела воспользоваться ею.

Поэтому я просто кивнула и заставила свои ноги двигаться, пока не встала прямо перед Тео. Он подвинулся и жестом показал, чтобы я шла первой.

Затем он сел рядом со мной на заднее сиденье внедорожника, и водитель закрыл за ним дверь. Его восхитительный аромат наполнил мои ноздри, опьяняя меня в замкнутом пространстве. Он был так близко, но в то же время казался таким недосягаемым.

Я взяла телефон из сумочки, чтобы отвлечься, и не сводила с него взгляда, пока водитель отъезжал от подъездной дорожки, выезжая на главную дорогу. Краем глаза я увидела, как Тео откинулся на спинку сиденья, повернув голову, чтобы посмотреть в окно.

Все мое тело ощущало тяжесть его присутствия, пока мы сидели в полной тишине, за исключением музыки, доносившейся из динамика. Несмотря на перегородку, отделявшую нас от водителя, Тео не пытался завязать разговор, и я была благодарна ему за это.

Мое внимание все еще было сосредоточено на экране, когда я почувствовала тепло, обжигающее мой бок. Я бросила взгляд вбок и увидела, что рука Тео опирается на сиденье, разделяющее нас.

Разрез моего платья обнажал большую часть моей левой ноги, и кончики его пальцев медленно коснулись обнаженной кожи, прежде чем убрать их.

Он все еще смотрел в окно, но я знала его. Его тело выражало нечто большее. Он искал уверенности. Он хотел знать, было ли произошедшее в хижине реальностью.

Я убрала телефон в сумочку, лежащую на моих коленях, размышляя о том, что делать дальше. Мне нужно было завершить свою миссию, но я также хотела напомнить ему, что принадлежу ему.

Эти две потребности боролись в моем сознании.

Прежде чем я успела усомниться в себе, я провела рукой по боковой поверхности бедра, задевая кожаное сиденье. Но как раз в тот момент, когда я собиралась соединить наши руки вместе, чтобы сжать ее три раза, как мы всегда делали, чтобы убедиться, что с другим все в порядке, перегородка резко опустилась.

— Мы почти приехали, — объявил наш водитель.

Я быстро убрала руку, зажмурившись. Я сжимала сумочку на коленях, чтобы подавить порыв прикоснуться к нему, когда наш водитель оставил перегородку опущенной.

Мои нервы усилились, когда в поле зрения появилось место проведения гала-концерта, но я подавила их, сосредоточившись на конечной цели.

Сегодня вечером я убью Виктора Моралеса и наконец-то упокою своих родителей.

Водитель припарковался и Тео вылез и обошел машину сзади, чтобы открыть мне дверцу. Он протянул мне руку, чтобы я взяла ее. Я помедлила, прежде чем вложить ее в его руку, его большой палец провел по костяшкам моих пальцев, и по моей коже побежали мурашки.

Я быстро отдернула руку, собираясь с духом, избегая его взгляда, и сосредоточилась на машине позади нас, наблюдая, как Джексон выходит из машины и открывает дверь для Виктора.

Виктор подошел ко мне и обнял за талию, притянув меня к себе.

— Это выглядит потрясающе, — прошептал он мне на ухо, прежде чем прижать легким поцелуем к моей щеке.

Я пробормотала небольшое спасибо, заставляя себя не смотреть на Тео, но я чувствовала его взгляд, прожигающий дыру в моей голове. У меня сжалось в груди, раскаяние нарастало в груди, от осознания того, что ему пришлось стать свидетелем этого жеста привязанности и рук Виктора на мне, хотя я бы предпочла, чтобы это *он* был рядом со мной.

Сосредоточься, София. Еще одна ночь притворства и все.

Мы поднялись по лестнице с красным ковром и вошли в здание, которое я арендовала для сегодняшнего мероприятия. В здании из коричневого кирпича были мансардные окна и окна от пола до потолка на верхнем этаже. Здание находилось в портовом районе Бемеса, прямо напротив порта, что делало его самым удобным местом для осуществления моего плана.

Мы назвали свое имя портье, и он быстро отошел в сторону, взмахнув рукой перед собой, приглашая нас внутрь.

— Приятного вечера, мистер и миссис Моралес.

Внутри зал галереи служил бальным залом, где проходило главное событие. С массивного потолка свисали хрустальные люстры, яркий свет падал на полированный пол, персонал разносил золотые тарелки с закусками и фужеры с шампанским.

Тео и Джексон заняли места по разные стороны комнаты, а Виктор сосредоточил внимание на некоторых гостей. Он взял меня под руку, и мы прошли по залу, ведя светские беседы и укрепляя связи с некоторыми донорами и другими светскими пиявками.

Мне потребовалось все, чтобы не опустить глаза во время некоторых из этих разговоров. Вместо этого я сохраняла очаровательную улыбку, делая вид, что слушаю, время от времени кивая, чтобы казаться вовлеченной.

Но в конце концов болтовня передо мной затихла, и я обвела глазами комнату, снова ища его. Он сменил позицию и теперь прислонился к стене в дальнем углу.

Хотя он старался слиться с обстановкой, от него невозможно было оторвать глаз.

Завороженная, я впервые за сегодняшний вечер рассмотрела его с другой стороны. На нем был черный костюм с черным пиджаком и рубашкой, облегающий его телосложение. Его брюки обтягивали его сильные бедра, которые всего несколько дней назад обхватывали мою талию, прижимая меня к себе, когда он заставлял меня забыть на некоторое время.

Его взгляд встретился с моим, и его челюсть сжалась, его глубокие карие глаза стремились снять слои, которые я пыталась скрыть от него. Я попыталась отвести взгляд, но его взгляд был слишком цепким, невидимая нить связывала нас, и я не могла заставить себя разорвать ее.

Только когда я почувствовала твердую руку Виктора на своей талии, он вывел меня из оцепенения и вернул к разговору с мэром. Виктор держал меня прижатой к себе с того момента, как мы вошли в дом. Как будто он боялся, что я могу исчезнуть.

Мне нужен перерыв.

Я держалась рядом с Виктором, пока, к счастью, не появился отвлекающий маневр в

виде жены мэра, как раз к началу сегодняшнего аукциона.

Menos mal.

— Прошу прощения, — сказала я, положив руку ему на грудь. — Я отойду на минуту, нужно кое-что проверить тут. Скоро вернусь, — закончила я, оставив их беседовать.

Виктор фыркнул в знак согласия и поцеловал меня в щеку, едва обратив внимание на то, что я только что сказала, поскольку его внимание было приковано к престижным гостям.

Скользя по комнате, я пробиралась между небольшими группами, быстро убеждаясь, что они получают удовольствие, и направилась к большим белым французским дверям в задней части, остро нуждаясь в свежем воздухе.

Я взяла по пути несколько канапе с подносов, расставленных на столах, прежде чем войти в двери и пройти по длинному темному коридору. Мои красные каблочки застучали по деревянному полу, когда я направилась к лестнице в конце коридора.

Я стояла у подножия ступенек и смотрела на себя сверху вниз, жалея, что не одета в более удобный наряд, но это явно вызвало бы подозрения.

Длинное черное платье облегалo каждый изгиб моего тела, квадратный вырез превращал мои скромные чашечки в более пышную пару. Разрез, обнажающий большую часть моей ноги, остановился чуть выше бедра, черные каблуки обхватывали мои ноги, придавая моей маленькой фигуре несколько дополнительных сантиметров.

Держась за край платья, чтобы оно не упало на землю, я поднялась на пятый этаж. Оказавшись наверху, я повернула направо и прошла еще немного вперед.

Большие холсты и неиспользуемая мебель выстроились вдоль стен, их покрывали белые простыни. Сотрудники использовали эту часть здания как склад, чтобы освободить место для мероприятия внизу.

Я повернула налево, когда нашла стеклянные двери, которые искала. Я распахнула их, позволяя ночному воздуху обдать меня, прохлада и тишина успокоили мои нервы.

Успокойся, София. Ты потратила годы, тренируясь и готовясь к этому вечеру.

Я сделала глубокий вдох и вышла на скрытую террасу, которую нашла, когда посещала это место несколько недель назад.

Я положила в рот миниатюрную версию *бриуаты*, чтобы утолить голод, пока шла. Прислонившись к стальным перилам, я наслаждался видом, осматривая территорию поместья.

Внизу, за зданием, раскинулись сады, впадающие в гавань на противоположной стороне улицы. Уличные фонари освещали пустую территорию.

Воздух был наполнен слабой музыкой, доносившейся из бального зала внизу, смешиваясь со звуком отплывающих лодок, оставляя после себя обещание покоя, которым я смогу насладиться достаточно скоро.

Я не была уверена, сколько времени прошло, когда дверь распахнулась, и слабый звук квартета усилился в воздухе. Затем позади меня появилось чье-то теплое присутствие, его руки внезапно обхватили мою талию и прижали меня к себе, тепло его тела обволакивало меня, как одеяло, мурашки покрыли мою кожу.

Мои руки крепко держались за перила, холод кусал мои ладони. Я вздохнула и прильнула к нему, прижимаясь к нему всем телом. Мое дыхание выровнялось, и я расслабилась, прижавшись головой к его груди. Я положила свою руку поверх его руки, и он переплел свои пальцы с моими.

Мои глаза закрылись, и я позволила его древесному аромату поглотить меня.

— София, — прошептал он.

Он медленно провел левой рукой по изгибу моей талии и положил ее на бедро. Мягкий гул удовлетворения пронесся по моему телу, поселившись глубоко в моем сердце. Я сосредоточилась на твердости его рук, прижатых к моему телу, на костяшках его пальцев, рисующих медленные круги на моей талии.

Моя потребность в нем была настолько острой, что у меня перехватило дыхание.

Его губы прижались к моему виску, мягкими поцелуями осыпая щеку, а затем он провел ими по изгибу моей шеи, клеймя меня и посылая еще одну волну мурашек по моей коже.

Я еще сильнее прижалась к нему, тихий стон сорвался с моих губ и пронесся по атмосфере.

Напряжение, витавшее вокруг нас, было настолько подавляющим, что ледяная волна осознания пронеслась по моему позвоночнику, напоминая, что я должна положить этому конец.

Пока что.

Я проглотила комок в горле и набралась смелости, чтобы оттолкнуть его против своей воли.

— Мы не можем этого сделать, — прошептала я так тихо, что не была уверена, услышал ли он меня.

Но прежний ток электричества между нами внезапно испарился, и Тео замер позади меня, услышав мое признание. Он схватил меня за подбородок и повернул так, что я оказалась лицом к нему.

Он наклонил мою голову вверх, но мой взгляд был устремлен вниз.

— София, посмотри на меня, — попросил он, крепче сжав мой подбородок.

Я посмотрела на него в темноте: его глаза были темными и блестели от замешательства при свете луны, серебряный свет падал на углы его щек, сильные линии его шеи напряглись от тяжести моего признания.

— Что ты имеешь в виду под *мы не можем этого сделать*? Не можем что сделать, София? — спросил он, склонив голову набок, удивленный внезапной переменой в моем поведении.

Его рука оставила мой подбородок, когда он потянулся ко мне, но я сделала шаг назад.

Воздух покинул мое тело, когда ложь вырвалась наружу.

— Я имею в виду, что мы не можем сделать этого. — Я жестом показала между нашими телами. — Нас.

— Прости? — сказал он, ошеломленный, тяжесть моих слов заставила его попятиться назад, как будто я физически толкнула его.

— Я замужем и пока не хочу порвать с ним, — солгала я, надеясь, что темнота, окружавшая нас, скрыла мое болезненное выражение лица.

Тео знал меня слишком хорошо. Слишком хорошо, чтобы понять, что я лгу. Но я надеялась, что в темноте он не сможет расшифровать мои слова так легко, как обычно. Я надеялась, что резкость моих слов причинит ему достаточно боли, чтобы он отпустил меня.

Я стала профессиональной лгуньей и ни разу не чувствовала себя виноватой за любую ложь, которая помогла мне попасть сюда, но, *блядь*, это было тяжело. Я ненавидела себя за то, что так поступила с ним.

Он стоял неподвижно, потрясенный жестоким эхом моих слов.

— Я не могу отказаться от этого брака, — добавила я.

Он огрызнулся и шагнул вперед, так что моя спина оказалась плотно прижатой к перилам. Мои руки вцепились в него, сопротивляясь желанию прикоснуться к нему.

Он провел рукой по моей груди, прижимая ладонь к тому месту, где под грудной клеткой покоилось сердце.

— Это мое. И всегда было моим, — заявил он, медленно и обдуманно произнося каждое слово, когда придвинулся ближе, прижимаясь ко мне спереди.

Мое сердце разорвалось от его слов. Я знала, что мои слова не убедят его, поэтому я отвернула голову, когда он наклонился, чтобы поцеловать меня.

Он вздрогнул, несколько раз моргнул, как будто я дала ему пощечину. Наконец он отпустил меня и быстро отстранился, и я сразу же почувствовала его запах, окутывающий меня.

Холодный воздух пронесся надо мной, вытесняя прежнее тепло, которым он обжигал мою кожу, и я обхватила себя руками, пытаясь сдержать его.

Прежняя теплота в его глазах растворилась в жгучей ярости, мои слова, наконец, закрепились в его сознании, моя ложь, казалось, сработала. Его взгляд ожесточился, а челюсть сжалась, мое предательство ударило его прямо в грудь, расколов ее, чтобы я могла наблюдать, как она кровоточит.

— Ты серьезна, — сказал он через некоторое время. Я не отводила глаз от его груди, отказываясь встретиться с его холодным взглядом. — Ты выбираешь его вместо меня, да? Я видел, что сегодня вечером тебе было с ним довольно комфортно. Он то, чего ты хочешь? — Его голос сочился ядом.

«Нет, — хотела я крикнуть ему. — Ты — тот, кого я хочу, но я не могу получить тебя. Не сейчас.»

Я хотела признаться, хотела остановить его, не дать ему уйти. Я хотела взять назад все то, что только что сказала ему, но не могла.

Поэтому я выбрала самый простой выход. Молчание.

Тео покачал головой, выражение его лица стало стоическим, а затем его взгляд переместился на горизонт позади нас, и он издал сардонический смешок. Он сжал губы и кивнул, похоже, соглашаясь с моим решением.

Я чувствовала, как его сердце сжимается из-за ран, которые я нанесла, и как последствия этого становятся злокачественными в моей крови.

— Хорошо, София. Если ты этого хочешь, — наконец сказал он.

От его отстраненного тона у меня на глазах навернулись слезы. Я смотрела, как он уходит, захлопывая за собой стеклянные двери, и исчезает из виду.

Я стояла и дрожала, борясь с желанием пойти за ним и все объяснить. Я хотела побежать за ним и умолять о прощении, разоблачить свою ложь, потому что видеть опустошенное выражение его лица причиняло мне больше боли, чем я могла себе представить.

Но я должна была напомнить себе, для чего было это все.

Отряхнувшись, я вернулась в дом. Убедившись, что внизу больше никого нет, я направилась к распахнутой форточке, где со времени моего визита на прошлой неделе находилось все необходимое для убийства Виктора.

Я заметила, что камера мерцает. Я отошла от нее, зная, что в камеры, которые охватывали эту сторону здания, вмещались и они показывали копию записей прошлой ночи.

В другие камеры не были повреждены, поскольку они были нужны мне, чтобы показать

людей, которые пришли сегодня вечером. Но поскольку эта сторона здания была предназначена только для гостей, это не вызовет подозрений.

Передвинув старое зеркало, я взяла отвинченную дверцу форточки, сняла ее со своего места и положила рядом с собой. Затем я взяла небольшую сумку, которая лежала внутри. Расстегнув молнию, я заглянула внутрь и взяла свою набедренную кобуру, закрепила ее и пристегнула "Беретту" к правой ноге, чтобы облегчить доступ.

Моя рука потянулась обратно внутрь, чтобы взять последний предмет снаряжения, когда мои пальцы наткнулись на края зажатого кусочка последнего осязаемого воспоминания, которое у меня осталось.

Я вытащила фотографию из потайного кармана, и запах потерянного дома ударил в нос. Края были потрепаны, цвета размазаны в нижних углах. Но семья, улыбающаяся мне в ответ, была все та же, запертая во времени, как будто той ночи никогда и не было.

Это был последний день рождения *Baba*, который мы отмечали все вместе, прежде чем я уехала через несколько дней в колледж.

Я подняла голову, сдерживая слезы, которые грозили вырваться наружу. Опустив взгляд обратно, я поймала свое отражение, зависшее над снимком в моей руке. Мои глаза скользнули по фотографии, сравнивая молодую женщину на ней с той, что смотрела на меня.

Она выглядела беззаботной. Счастливой. *Она* не была свидетелем жестокого убийства своих родителей. *Она* не ощущала пустоты, того, что чувствует человек, у которого нет дома.

У тебя есть Тео.

Был Тео.

Тот человек, которым я была с ним, хотел проснуться, хотел взбунтоваться и пробраться под мою кожу, но Виктор создал новую версию меня, которая жаждала возмездия.

Мне пришлось отбросить все мысли о Тео, потому что то, что я собиралась сделать, не оставляло места эмоциям. Моя месть должна быть лишена эмоций. Любые чувства могли испортить мои планы, а этого я не могла себе позволить.

Я проверила время, прежде чем отправить Виктору быстрое текстовое сообщение, приглашая его присоединиться ко мне в саду, чтобы побыть наедине, зная, что он воспользуется возможностью и проследит, чтобы Джексон остался в здании.

Схватив все необходимое, я поспешила в конец коридора, мимо выходной двери, и нашла скрытую лестницу, ведущую прямо к тому месту, где меня встретит Виктор.

Мой позвоночник напрягся с каждым шагом, предвкушение скручивало мой живот по мере приближения к цели.

Время для вынесения приговора, Виктор Моралес.

СОФИ

Я

— Ты здесь, — ласково сказала я, подойдя к мужу и обняв его за талию. Виктор повернулся в моих объятиях и прижался мягким поцелуем к моим губам.

— *Mi amor*, — промурлыкал он.

Я подавила отвращение и нарисовала на губах улыбку.

— Что мы здесь делаем? — спросил он с хитрой ухмылкой на лице.

Я сохранила кокетливый тон, схватившись за лацканы его костюма и притянув его ближе.

— Я подумала, что мы сможем немного повеселиться.

Он посмотрел вверх моего плеча, его внимание было приковано к зданию позади меня.

— Мы не можем просто уйти.

Я захлопала ресницами, одной рукой потянула его за галстук, а другой провела ногтями по рубашке, остановившись на поясе.

— Это ненадолго. Я обещаю.

Он застонал, дрожь удовольствия пробежала по его телу, когда я обхватила его за брюки. По моей коже поползли мурашки от его реакции, желчь поднялась к горлу.

— Хорошо. Но давай только побыстрее, — наконец согласился он.

Как будто этот мужчина знал, как можно быть быстрым. Я внутренне покачала головой, снова обращая свое внимание на него.

— Не здесь, — сказала я, взяв его за галстук и ведя его следом.

— Куда мы идем?

Я указал на камеры.

— Подальше от любопытных глаз.

— Умно, — самодовольно сказал он, с ухмылкой глядя мне вслед.

Когда мы подошли достаточно близко, я остановилась и повернулась к нему лицом. Выражение лица Виктора потемнело, когда он сократил между нами расстояние. Обхватив своими отвратительными пальцами мое горло, он оттолкнул меня назад, прижав к одному из контейнеров.

— Всегда искушаешь меня, — прохрипел он, облизывая губы и глядя на мое тело.

Мой живот сжался, и я мотнула головой в сторону, чтобы отгородиться от его отвратительного вида, мои руки сомкнулись на его руках.

Все кончено почти, София.

Он сосредоточил свое внимание на моем обнаженном горле, проводя небрежные поцелуи по бокам моего лица, прежде чем зарыться лицом в изгиб моей шеи, покусывая и посасывая кожу там.

Его руки начали скользить по моим бокам, и я напряглась, когда его пальцы добрались до моей обнаженной кожи. Напевая себе под нос, он медленно провел рукой по боку моей обнаженной ноги, но я схватила его руку и положила ее на свою задницу, отвлекая его.

Его хватка сжалась на моей спине, и он зарычал, прижимаясь своим телом к моему. Я уперлась руками в холодный металл позади себя и стала ждать. Время тянулось, и каждая секунда казалась часами.

Пока он снова возился моей шеей, я потянулась за шприцем, спрятанным в платье и пристегнутым к бедру рядом с "Береттой". Я приготовила иглу и схватила его за затылок, прижимая его голову ближе к моей шее, наклоняя его именно так, как мне было нужно.

Я сделала глубокий вдох и прицелилась на обнаженную шею сбоку. Игла уколола его, прежде чем зайти глубже, и белая жидкость проникла в его вены.

Он сделал шаг назад, поднося руку к своей шее, и улыбка украсила мои губы. На этот раз она была искренней, а не отрепетированной. Он попытался броситься в мою сторону, но потерпел неудачу и упал на колени.

— Оливия? — спросил он, сделав паузу и заметив легкую невнятность в своем голосе.

— Что ты наделала? — Его речь становилась все хуже, и он заметил это, его лицо исказилось в сердитом выражении.

Успокоительное, наконец, подействовало в полной мере, и его тело откинулось назад, и он упал на землю, его голова ударилась о землю с громким стуком. Я подошла ближе и встала над ним, наблюдая, как он теряет сознание.

Я ввела ему достаточно успокоительного, чтобы он отключился на достаточное время, чтобы я смогла перенести его тело и подготовить его.

Я взяла его телефон из внутреннего кармана костюма и быстро набрала сообщение Джексону, отправив его и Тео домой. Гравий хрустел под моими каблуками, пока я шла к краю воды.

Как только сообщение было доставлено, я бросила телефон в воду, наблюдая, как он медленно опускается на дно.

Я посмотрел на причал и увидела, как в порт заходит судно. Порт Бемеса нельзя было назвать огромным, но он был достаточно большим, чтобы им могли пользоваться поставщики.

Поскольку у моего мужа была связь с каждым работником здесь, было легко попросить их сегодня вечером отвернуться в другую сторону и держать эту часть порта пустой.

Я направилась к контейнеру рядом с одним из складов, взяла из него темный брезент и отнесла его туда, где лежало тело Виктора. Я развернула брезент и водрузила его тело

сверху, затем встал на колени рядом с ним, чтобы проверить пульс.

На секунду я нависла над ним, наблюдая за любым движением, но когда ничего не произошло, я накрыла его тело полиэтиленом и потянулась вниз, чтобы снять каблуки, затем бросила их на него.

Я быстро осмотрела помещение, убедившись, что вокруг никого нет, прежде чем схватить его тело и протащить его через ряды, направляясь туда, где его ожидал суд.

Да начнется твой суд, Виктор Моралес.

ТЕО

Я поправил свой костюм, пытаюсь унять гнев, который терзал меня с тех пор, как я оставил ее одну на балконе. Я вернулся на главный этаж, где занял прежнее место, когда голос мэра наполнил комнату, объявляя о последних торгах. Я не сводил глаз с французских дверей, ожидая, что вскоре она последует за мной и присоединится к гостям.

Когда мы вошли в зал ранее, предполагалось что я буду осматривать толпу людей, высматривая через каждое вечернее платье и дорогой костюм, оценивая любую угрозу, но мой взгляд постоянно возвращался к ней, потому что, как бы ни была заполнена комната, она всегда была той единственной, кто привлекал мое внимание.

Как только она оставила Виктора и вышла из главной комнаты, я увидел прекрасную возможность побыть с ней, наконец-то остаться с ней наедине после нескольких дней отсутствия.

Я убедился, что Джексон прикрывает Виктора, прежде чем пошел за ней. Я обошел вокруг, пытаюсь найти лестницу, ведущую на секретный балкон в дальнем углу дома, зная, что она должно быть в курсе об этом месте и нуждалась в тихом месте, поскольку никогда не любила шумные и переполненные людьми мероприятия.

Когда я наконец нашел дверь и вышел наружу, она стояла лицом в сторону, ее одинокая фигура опиралась на перила. Я остановился в нескольких футах от нее, позволяя своему взгляду скользить по ее телу.

Ветерок играл с тканью черного платья, драпирующего ее тело, взъерошивая юбку и заставляя ткань облегать аппетитные формы ее совершенного тела.

Она всегда была изысканной, а это платье только еще больше подчеркивало это.

Приглушенный золотистый свет мерцал на ее теплой, загорелой коже, а волосы, завязанные в низкий пучок, из которого выбились несколько локонов, обрамляли ее лицо, а другие целовали нежный склон шеи.

Я проследил за изгибом ее обнаженного позвоночника вплоть до того места, где платье задралось прямо над изгибом ее попки. Мое дыхание сбилось, сердце учащенно забилося.

На ум приходило только одно слово.

Разрушительная.

Ничто не могло остановить меня от того, чтобы подойти к ней, мои пальцы отчаянно хотели прикоснуться к ней. После всех этих лет я просто хотел наконец-то заявить право на

нее. К черту последствия.

Но потом она разбила мне сердце. Снова.

Я ломал голову, пытаюсь понять внезапную перемену в ее поведении. Еще несколько дней назад казалось, что мы были на одной волне. Но тот, кого я оставил на балконе, не была моей Софией. Кем бы она ни была, это был совершенно другой человек, которого я не узнавал.

Я никогда не ожидал, что она оттолкнет меня, выберет его, черт возьми, а не меня. Она не сказала этих слов, но ее молчание все пояснило.

Сообщение получено. Громко и, блядь, ясно.

Она была тихой и отстраненной с тех пор, как мы вернулись из хижины, но я списал это на бесконечными приготовлениями к сегодняшнему мероприятию и тем, что ее муж был более навязчив, чем обычно.

Моралес прилипал к ней почти каждую секунду дня, и огонь собственничества постоянно пульсировал в моих венах каждый раз, когда я видел его чертовы руки на ней.

Мне приходилось проявлять всю свою сдержанность, чтобы не убить его за то, что он считает себя вправе прикасаться к ней. Я знал, что это неразумно, поскольку она все еще была его женой, но титулы ничего не значили. Она была моей во всех отношениях, которые имели значение.

Единственный раз, когда у меня была возможность увести ее, был на прошлой неделе, когда она должна была приехать сюда, чтобы убедиться, что все будет готово к сегодняшнему торжеству.

Я пытался последовать за ней внутрь и найти способ уединиться. Но вместо этого она настояла на том, чтобы я остался в машине и поехал прямо домой, как только она закончит, извиняясь и утверждая, что у нее еще миллион дел.

Я пытался сдерживать свой гнев, но у меня ничего не получалось, я жалел, что оставил ее одну наверху. Я оторвался из своих мыслей и оглядел комнату.

Что-то было не так. Софии нигде не было видно. Я не мог ее увидеть, не мог *почувствовать* ее присутствия в комнате.

Я быстро обвел взглядом комнату в поисках Виктора, на случай, если она вернулась к нему, но его тоже не было.

Я снова вышел из комнаты, поднимаясь по лестнице через две ступеньки, чтобы убедиться, что она все еще на балконе, но когда я заглянул через стеклянную дверь, ее там уже не было. Я огляделся, обыскал каждую комнату на этаже, но все безрезультатно.

Какого хрена?

Мое сердце упало, паника охватила меня, когда я ворвался через стеклянную дверь, решив в последний раз осмотреться, прежде чем спуститься вниз и предупредить Джексона.

Прислонившись к перилам, я осмотрел всю территорию дома, позволяя глазам блуждать по каждому сантиметру. Я уже собирался вернуться внутрь, когда краем глаза заметила силуэт.

Гавань.

Я прищурился, нависая над ним, чтобы рассмотреть поближе, пока он не исчез.

Я не мог сказать, показалось ли мне это, но фигура, одетая в черное платье с развевающейся юбкой, тащила что-то, завернутое в какой-то серый брезент.

София?

Я бы узнал ее где угодно, но что она делала на причале?

И что, черт возьми, она тащила с собой?

Как только она скрылась за поворотом, брезент слегка приподнялся, обнажив то, что было скрыто.

Но это было не что-то. Это был *кто-то*.

СОФИЯ

Я притаилась в затемненном углу комнаты, терпеливо ожидая, когда он проснется, что должно было произойти с минуты на минуту.

Внутри помещения было пусто, за исключением стола, стоящего с одной стороны, и единственного стула, стоящего посередине, к которому был привязан мой подопытный. Мои инструменты лежали на столе, выложенные и готовые к использованию для его допроса. Низкая лампа отбрасывала свет на поверхность, освещая остальную часть комнаты мягким желтым светом.

Его руки были привязаны веревкой к подлокотникам кресла, ноги связаны аналогичным образом.

Моралес медленно очнулся от бессознательного состояния. Он попытался пошевелиться, слегка покачиваясь на металлическом стуле, к которому был привязан, но понял, что полностью скован.

Он боролся, на этот раз сильнее, с путами, которые держали его руки и ноги широко, оставляя его неподвижным, чтобы я могла играть с ним. Он снова дернулся против веревки, приглушенный звук отразился от капюшона, закрывавшего его голову.

Прозрачный пластиковый брезент хрустел под моими каблуками, пока я шла к столу, рассматривая варианты. Я прислонилась к краю и скрестила ноги, покручивая зазубренный нож взад-вперед.

— Кто там? — кричал он, наполняя тихую комнату, и эхо его приглушенных воплей ответило ему тем же.

Чертovski жалко.

Наверняка он и представить себе не мог, что его ночь закончится таким образом. Он согласился встретиться со своей женой, чтобы весело провести время, а в итоге оказался связанным при совершенно других обстоятельствах.

Не зная, что за этим стоит его собственная жена. Улыбка искривила мои губы, когда я поняла, что он наконец-то получит по заслугам.

С ножом в руке, я остановилась, когда оказалась прямо перед ним, нависая над его телом. Удовлетворение уже росло в моем животе от страха, который исходил от его тела.

— ¡Putá madre! (пер. Твою мать!) Где я, блядь? Покажи свое лицо, *pinche pendejo* (пер. чертов придурок), — взревел он, вырываясь.

Я быстро заставила его замолчать, поднесла нож к его точке пульса и мягко прижав кончик к его обнаженной коже. Перед тем как связать его, я сняла с него пиджак и рубашку, оставив только темно-серые брюки и белую майку, которая вскоре должна была окраситься в малиновый цвет.

Его тело мгновенно напряглось от резкого ощущения. Я не чувствовала его пульса, но могла представить, как быстро он бьется, по тому, как быстро вздымалась его грудь, когда я все сильнее прижималась к его коже, не отрываясь от поверхности.

Я провела кончиком ножа вниз, вдоль его яремной вены, скользя им по всей длине его тела. Он стал еще более жестким, его горло опустилось, когда я провела по его члену, и, наконец, я провела лезвием по его бедру.

Он попытался ударить меня ногой, что только подтолкнуло меня вонзить лезвие в его бедро, наслаждаясь звуком рвущейся плоти, наслаждаясь звоном его приглушенных криков.

— Выпусти меня, сукин сын! Ты хоть знаешь, кто я такой? — рявкнул он, стул под ним задрезжал, пока он продолжал тщетно бороться. Я зачарованно смотрел, как его кровь капает на брезент, создавая первые штрихи моего шедевра.

Я выпрямилась.

— Заткнись, — шипел я.

С окровавленным ножом в руке я обогнула его и встала у него за спиной. Я схватил ткань поверх капюшона, который была надет на его голову, и сдернула его, отступая назад, чтобы посмотреть ему в лицо.

Я бросила ткань на стол, пока он тряс головой, медленно открывая глаза, позволяя зрению привыкнуть и постепенно осознавая, где он находится.

Затем я шагнула вперед, в поток света.

Он все еще рассматривал окружающую обстановку, когда его глаза наконец сфокусировались на мне. Они расширились, и я увидела, как на его лице промелькнуло множество эмоций.

Смятение перешло в узнавание, затем в облегчение, а затем в удивление.

— О-Оливия? — спросил он, пораженный моим присутствием.

— Ну, здравствуй, *дорогой муж*. Рада видеть тебя здесь, — поприветствовала я его, мой тон был шутливым.

— *Mi amor*, что происходит? — спросил Виктор, все еще пытаюсь сложить два и два вместе, пытаюсь определить, не разыгрывает ли его мозг.

Его брови нахмурились, и он повернул шею, сканируя комнату на наличие других людей.

— Отпустите мою жену, — сказал он тому, кто, по его мнению, стоял позади меня, но его встретила тишина.

Он вернул свое внимание ко мне, и я сухо рассмеялась.

— Здесь всего лишь я, *mi amor*, — ответила я, выплюнув это ласковое слово так, словно оно было пропитано ядом.

Его брови сжались в недоумении.

— Что значит "только ты"? Кто заставляет тебя это делать?.

Улыбка расплылась по моему лицу, когда выражение его лица дрогнуло, когда он осознал, кто стоит перед ним, держа в руке нож, покрытый его кровью. Его глаза расширились от удивления, когда я подняла нож, провела пальцем по заостренному краю, и от ощущения его крови по моим венам прокатилась волна удовлетворения.

Мышцы его челюсти сжались, по лицу пробежала смесь ярости и предательства. Идеально.

Я попятилась назад к нему. Придерживая край платья, я убрала лишнюю ткань с дороги, за спину и присела на корточки. Мои локти упирались в колени, лезвие висело между ног.

Искривленная усмешка скривила мои губы, и я уставилась на человека, ответственного за то, что моя жизнь приняла такой крутой оборот.

— Ты не узнаешь меня, не так ли? — насмешливо спросила я, склонив голову набок.

Его взгляд переместился, и я увидела, что он готовится напасть, теперь, когда я оказалась в более уязвимом положении. Потому что только так этот кусок дерьма умел драться.

Когда ты находишься в невыгодном положении.

— В какие игры ты играешь? — спросил он, глядя на меня.

Поднявшись на ноги, я обошла его, проводя кончиком лезвия по плоскостям его тела, его кровь оставляла за собой след, погружаясь в ткань.

— Мне было девятнадцать, когда ты видел меня в последний раз. Но сейчас я уже совсем взрослая, так что позволь мне освежить твою память, — сказала я, теперь стоя к нему лицом.

Отступив назад, я подняла пустую руку вверх, делая вид, что держу пистолет, и подмигнула ему.

— Спи спокойно, Эррера, — поддразнила я его, прежде чем нажать на воображаемый курок.

Его глаза блуждали по моему лицу, три слова, наконец, вызвали узнавание, которое промелькнуло в его чертах, и на него снизошло чувство понимания.

Его лицо резко побледнело, как будто он только что увидел привидение. Я догадалась, что именно этим я и была для него, поскольку я должна была быть мертвой, а не живой и здоровой, держа его жизнь в своих руках.

— Это... *невозможно*, — прошептал он, глядя на меня в полном недоумении. — Этого не может быть. Я убил тебя. Ты должна быть мертва.

Я пожал плечами.

— Что ж, я выжила.

Его шок медленно угас и превратился в чистое презрение.

— Думаю, в конце концов, ты просто не очень хорошо целился. — Я усмехнулась, покачав головой. — Типичная ошибка новичка — не проверить, дышит ли еще твоя цель, прежде чем оставить ее истекать кровью.

Я подошла ближе, проводя ножом по его виску.

— Думаю, вот что случается, когда ты слишком легко позволяешь другим людям делать твою грязную работу. Когда пришла твоя очередь испачкать руки, ты даже не смог довести дело до конца. Как и многое другое.

Ненависть пылала в его чертах, когда ярость брала верх. У него был убийственный вид, когда он бросился на меня, но далеко он не ушел, его удерживали путы.

Он сжал губы и прошипел:

— ¡Asquerosa! — сказал он сквозь стиснутые зубы.

Влажная слюна брызнула мне на щеку и потекла по лицу. Я вытерла ее тыльной стороной ладони, а затем размазала по его брюкам.

— Ах, ах, ах, — пробурчала я. — Ну и где же твои манеры?

Я одарила его мрачной улыбкой, и прежде чем он успел заметить это движение, я вонзила свой нож в его бедро с другой стороны. Я повернул его один раз, прежде чем оторвать.

Он застонал в агонии, сжав губы, чтобы сдержать крик.

Он наконец перестал скулить, когда медленный скрип открывающейся двери наполнил комнату, и сквозь него пробился лунный свет, мерцающий на фоне крови, скопившейся под Моралесом.

Дверь плотно закрылась за человеком, который сделал все это возможным. Мне не нужно было оборачиваться, чтобы понять, что это была она, ее знакомый запах донесся до меня.

— Приятно, что ты наконец-то присоединились к нам, — сказала я, когда она скрылась в тени, ее негромкая усмешка эхом отражалась от стен.

— *Пожалуйста*, помогите мне, — ныл Виктор, веря, что кто-то сможет помочь ему, сможет прийти на помощь.

Он не знал, что она будет последней, кто откликнется на его мольбы.

Не обращая внимания на его мольбы, я подошла ближе и острием лезвия подцепила Моралеса за подбородок. Он уставился на меня, оскорбления вертелись на кончике его языка.

— Разве здесь не самый красивый вид? — сказала я, потянувшись к его затылку и откинув его идеально уложенные волосы, обнажив шею.

Я ввела нож чуть дальше вниз, прямо вдоль его челюсти, пока не встретила сопротивление. Чувство удовлетворения переполняло меня, когда я наблюдала, как пот стекает по его лицу, как дрожит его тело.

Лезвие вонзилось в его кожу, и капля крови скатилась по склону его шеи.

— Посмотри, у тебя так хорошо идет кровь, а я — ее причина.

Он зарычал, бросая вызов.

— Чего ты хочешь? Тебе нужны деньги?

Выпустив темную усмешку, я покачала головой, убирая лезвие из-под его челюсти.

— Что мне нужно, так это ответы. Мне плевать на твои грязные деньги. — Я сделала паузу. — Не то чтобы у тебя они вообще остались.

Он нахмурился.

— Прости?

Я одарила его застенчивой улыбкой.

— Твои счета пусты, дорогой муж. Школы в наших соседних округах очень благодарны за твои щедрые пожертвования.

Он не успел договорить мои слова, как его глаза сузились, а взгляд наполнился новой волной ярости.

— Ты *не посмеешь*.

Покачав головой, я рассмеялась про себя.

— О, *mi amor*, конечно, посмею.

Он открыл рот, чтобы выплеснуть на меня другие оскорбления, но тыльная сторона моей руки коснулась его лица прежде, чем он успел это сделать.

— С чего ты взял, что оскорблять женщину — это нормально? — Я оглянулась через плечо, подмигнув своему гостю. — Думаю, ему нужен еще один урок, не так ли?

Он проследил за моим взглядом, разочарование ясно читалось в его чертах, поскольку

он не мог понять, с кем я разговариваю.

— Я вынуждена согласиться, — наконец сказал она.

Шок застыл на его лице, знакомый голос донесся до него, когда она встала рядом со мной и, наконец, показала себя. Его тело напряглось, рот приоткрылся.

Он прошептал ее имя, не веря своему голосу.

— Елена?

Он закрыл глаза, с силой встряхивая головой, пытаясь избавиться от призрака, который, как ему казалось он видел.

— Это не можешь быть ты. Это невозможно.

Его глаза мелькали туда-сюда между нами обоими.

— Сюрприз! — Она издала небольшой смешок. — Рад меня видеть, *esposo*?

СОФИЯ — ПЯТНАДЦАТЬЮ МЕСЯЦАМИ РАНЕЕ

Я проехала мимо окраины Бемеса, направляясь прямо к Адрару. Оказавшись в их районе, я припарковала машину так, чтобы никто не обратил на нее внимания. Выключив зажигание, я разблокировала свой планшет и просмотрел запись с камер наблюдения в летнем доме Моралеса.

Как и ожидалось, двое охранников были снаружи на крыльце и играли в карты, а его жена находилась в гостиной, сидя на диване с книгой в руках.

Я взглянула на время. До наступления ночи оставалось еще несколько часов, поэтому я терпеливо ждала, пока часы на приборной панели начнут отсчитывать начало нового дня.

На часах уже без пяти минут первого ночи, когда в машине раздался звонок от Валентины.

Я вставила свой Bluetooth в ухо и выскользнула из машины с планшетом в руках. Я положила его на машину, пока доставала инструменты из багажника.

— Валентина, — поприветствовал я ее.

— Два охранника дежурят на кухне. Никакого движения на территории. Елена крепко спит в спальне.

— Ты готова?

— Да.

— Начинай.

Я просмотрела запись и успела увидеть, как двое мужчин упали друг на друга без единого звука и шума.

— Цели уничтожены, — сказала она по внутренней связи.

— Тело у тебя?

— Да, оно будет в гостиной до твоего приезда.

Я сделала паузу, предвкушая, что наконец-то смогу приступить к делу.

— Спасибо.

Она хмыкнула, прежде чем прервать нашу связь. Пристегнув свой "Глок" к бедру, я взвалила на плечи рюкзак и пошла по пляжу, пробегая короткое расстояние между машиной и домом.

Я познакомилась с Еленой Моралес три месяца назад в общественном туалете

загородного клуба, который она посещала еженедельно, чтобы пообедать с женами из окружения своего мужа. Как только она вышла в туалет, я последовала за ней и убедилась, что никто не войдет.

Закрыв дверь, я подождала в одной из кабинок, пока она не вышла.

Подумав, что она одна, она на мгновение уставилась в зеркало, и ее маска упала, печаль наполнила ее выражение лица. Ее макияж слегка стерся, подчеркивая секрет, который она скрывала.

Она потянулась в сумочку за косметичкой, доставая все необходимое, чтобы скрыть это, и тогда я вышла из своего укрытия и предложила ей возможность.

Это могло пойти против меня, но она колебалась всего несколько секунд, прежде чем охотно согласилась.

С пистолетом в руке я пробралась в дом через черный ход, сигнализация уже была отключена Валентиной, когда она вошла сюда до моего прихода, чтобы положить труп с подделанной ДНК Елены на диван в гостиной.

Я прошла на кухню и заметила двух мужчин, свалившихся на пол, с дыркой на лбу.

Я наклонилась и проверила пульс, чтобы убедиться, что они мертвы. Не то чтобы я сомневалась в Валентине, но никогда нельзя быть слишком уверенным. Я была живым доказательством этого.

Я проверила кухню, и гостиную, вонь смерти, витавшая в воздухе, быстро смешалась с древесно-сладким ароматом.

Я потянулась за спиной и достала из рюкзака ожидавший меня коробок спичек. Чиркнув одной, я держала ее перед собой, наблюдая, как пламя охватывает полоску дерева, и горький дым поднимается к потолку.

Я позволила огню выскользнуть из моих пальцев, и пламя бушевало, когда оно коснулось пола. Я вышла из кухни и пошла по коридору, мои черные ботинки стучали по деревянному коридору.

Я достала еще три спички и зажгла их все сразу. Адреналин пронесся сквозь меня, когда я почувствовала жжение и хлопок оживающего пламени.

Я бросила их за спиной, поднимаясь по лестнице, за мной тянулась дорожка бензина.

У меня было меньше пяти минут, прежде чем огонь охватил остальную часть дома. Я остановилась на полпути к лестнице, бросила пустую канистру из-под бензина за перила и стал подниматься по лестнице через две ступеньки.

Как только я оказалась на последнем этаже, я свернула налево и побежала к ее спальне — жар огня был уже совсем близко, он шел прямо на меня. Я распахнул дверь, и Елена отпрянула в сторону, когда дверь с грохотом ударилась о стену.

— София? — спросила она с недоумением. Ее глаза расширились, когда она заглянула мне за плечи.

— Дом горит, — крикнула она в тревоге, указывая на дым, поднимающийся в комнату.

Я подошла к ее кровати, сбросил с нее одеяло и поднял ее на ноги.

— Я в курсе. Это я его подожгла.

Она споткнулась и остановилась.

— Что?

Елена знала, что я приду за ней, но не знала деталей моего плана побега. Чем меньше она знала, тем лучше. Я еще не настолько доверял ей, чтобы рассказать ей все, на случай, если она оступится и проболтает своему мужу.

Я очень сомневалась в этом, но за годы работы я усвоила одну вещь — никогда не доверять кому-либо. Иногда люди, которым ты доверяешь больше всего, в итоге оказываются теми, кто предает тебя хуже всех.

Я бросила на нее взгляд.

— Послушай, мы можем поговорить позже, но, как видишь, если я не вытащу тебя прямо сейчас, мы присоединимся к останкам этого дома.

Я побежала к ее шкафу и вытащила пару джоггеров и свитер. Я снова повернулась к ней лицом и бросила ей одежду.

— Надень это.

Она замерла на мгновение.

— Поторопись, у нас нет времени, — призвала я ее.

Она уже заканчивала одеваться, когда в дверном проеме вспыхнул огонь, стремительно разбрасывая искры и пожирая все на своем пути.

Черт. Я думала, у меня есть еще немного времени.

На стенах мелькали красные и янтарные тени, мои ноздри наполнились резким и едким запахом. Я попыталась сделать глубокий вдох, но мои легкие горели от жгучего дыма.

Зная, что я не смогу добраться до первоначального выхода, который я планировала использовать, я оглядела комнату, пока не нашел решение. Потянув Елену за собой, я бросилась к окну в другом конце комнаты. Дым резал глаза, когда я попыталась открыть окно, словно огонь был бомбой замедленного действия.

Ну же, не делай этого со мной сейчас.

Наконец, резкий ветер ворвался внутрь, звук отразился от стен. У меня было всего несколько секунд, прежде чем свежий воздух разожжет огонь. Я толкнула Елену в проем, крича, чтобы она прыгнула.

Она замешкалась, и я оглянулась, увидев, что пламя отступает. *Дважды черт.*

Я просунула себя в отверстие и схватила тело Елены, крктанув нас в воздухе, пока мы падали вниз. Мои кости взвыли от боли, когда мое плечо ударилось о газон.

Я свернулась калачиком, когда дом взорвался, небо над нами окрасилось оттенками оранжевого и красного, осколки стекла посыпались на нас. Пламя вырвалось через окно, обвиваясь вокруг фасада дома.

Я посмотрела направо и увидела неподвижное тело Елены.

— Елена, — прохрипела я, вскарабкавшись к ней на четвереньках.

Я дотянулась до ее тела и настойчиво встряхнула ее. — Елена, — крикнула я снова, когда она, наконец, открыла глаза, сильно кашляя.

Она сделала неглубокий, прерывистый вдох и перевела взгляд на меня.

— София, — прохрипела она.

Вдалеке я услышала приближающийся вой сирены. Здесь нас не смогут найти.

Я подняла ее на ноги.

— Беги на пляж, — объяснила я.

Она посмотрела на меня.

— А ты?

— Я приду после тебя. Иди, — уговаривала я ее.

Я смотрела, как она бежит через двор и палубу. Как только ее ноги коснулись песчаных дюн, я схватила гранату из сумки и бросила ее в открытое окно, из которого мы только что выпрыгнули.

Я не стала дожидаться, приземлится ли она, и бросилась к пляжу; лодка Валентины плыла по океану, медленно приближаясь. Я уже почти добежала до конца небольшого дощатого настила, когда раздался взрыв, резко бросивший меня вперед, и я упала на песок.

Я подняла голову и увидела, что Елена остановилась и обернулась, чтобы глазами поискать меня. Я заставила себя подняться на ноги и побежала к ней. Со стороны дома доносились звуки сирен — прибывали представители власти и пожарные.

Мы оба добрались до кромки воды, прилив схватил нас за ноги. Вода забрызгала мои ботинки, прилипла к черным джинсам, и мы перепрыгнули через волны, проплыв немного дальше, чтобы встретиться с Валентиной.

В мою сторону был брошен спасательный круг, и я маневрировала позади Елены, подталкивая ее к нему. Валентина дернула за веревку, затаскивая Елену в лодку, и я последовала за ней.

Я вытащила свой "Глок" из кобуры и выпустила обойму, позволив ему упасть на землю с глухим стуком, остальное мое снаряжение последовало за ним. Валентина предложила нам согревающие одеяла, после чего вернулась к передней части лодки и увезла нас.

Мы с Еленой стояли бок о бок, под лодкой плескались волны. Я положила локти на серебряные перила и смотрела вдаль. Я смотрела, как пламя поглощает дом, как темный дым клубится в воздухе.

Огонь был мощным инструментом. Он всегда разрушал все на своем пути, и я радовалась маленькой победе, которую он мне давал.

Первый этап был завершен.

В большинстве случаев люди думают, что тот, кто жаждет мести, захочет жестоко отомстить, но наблюдать за тем, как твой заклятый враг живет в муках, терпит поражение, было гораздо приятнее.

Смерть рано или поздно придет, но он нужен мне живым, чтобы пожинать плоды своих преступлений.

Готовься, Виктор Моралес.

Я взглянула на Елену и увидела, как годы печали медленно испаряются. Она смотрела, как ее прошлое, словно скелет, разрушается.

Остатки ее прежней жизни теперь были ступенькой для новых начинаний.

Ее свобода и моя месть.

СОФИЯ

Он смотрел на Елену с убийственным выражением лица, выплескивая на нее оскорбления.

Мое выражение лица помрачнело.

— Следи за своим ртом, придурок.

Я шагнула между его раздвинутых ног, и мои пальцы метнулись вперед, впиваясь ногтями в его подбородок, чтобы вернуть его внимание ко мне. — И не смей смотреть на нее. Ты потерял это право давным-давно.

— Что, блядь, ты думаешь, ты сможешь сделать? Вы оба просто жалкие шлюхи. Он продолжал оскорблять нас, несмотря на свое уязвимое положение.

Мужчины.

Я усмехнулась про себя.

Я подняла кулак и ударила его по лицу, от моего удара на его верхней губе образовалась слеза.

— Су...

Я прервала его, снова заезжая кулаком ему в лицо. Он хватал ртом воздух.

Елена захихикала рядом со мной, и Моралес снова переключил свое внимание на нее, поэтому я использовал кончик своего клинка, чтобы вернуть его внимание ко мне.

Я приподняла бровь.

— Мне повторить?

Он зарычал в ответ, сплюнул кровь, собравшуюся у него во рту, и капли попали мне на пальцы.

Вздыхнув, я вытерла кровь с пальцев лезвием и открыла ему рот. Он резко вдохнул.

— Открой, — приказала я.

Он выругался, отказываясь, но я воспользовалась этой возможностью, чтобы провести плоской стороной ножа по его языку, смахнув кровь на язык.

— Глотай, — сказала я, крепко сжав его щеки, чтобы удержать их закрытыми. Он покачнулся от моей хватки, но его горло наконец-то сжалось, когда он увидел, что Елена нацелила на него свой пистолет.

Я отступила назад и скрестила руки на груди.

— Теперь, когда мы покончили с твоими не подобающими манерами, скажи мне, почему ты убил моих родителей.

Мысли о той ночи закрались в этот момент, заставив меня вспомнить, как я впервые увидела этого человека.

Я прокралась вниз по лестнице, стараясь никого не разбудить, так как утром у Baba была пресс-конференция, чтобы объявить о новом законодательстве. Мы с тата должны были поехать на девичник, но ей было неудобно оставлять Baba.

Я едва добралась до последней ступеньки, как застыла на месте, уставившись в дуло пистолета, на другом конце которого злобно ухмылялись. Уголкем глаза я увидела, что тата и baba связаны и лежат на полу.

Крик застрял у меня горле, когда ствол пистолета уперся мне в висок.

Я вынырнула из воспоминаний, и смех Моралеса зазвучал в моих ушах.

Я оглянулась на то место, где он сидел, и его смех обнажил его зубы, окрашенные кровью.

— Зачем мне это делать? Ты убьешь меня, когда...

Он не успел закончить свое предложение, как его смех сменился пронзительным криком, звук успокаивающе ударил по моим барабанным перепонкам. Я переключила свое внимание на Елену, только чтобы увидеть ее глушитель, нацеленный на его колено, дым валил из дула.

Знала, что она понравится мне.

Я кивнула в ее сторону, безмолвно спрашивая, все ли с ней в порядке, и она ответила застенчивой улыбкой. Валентина тренировала ее, но стрелять по мишени — это не то же самое, что стрелять в живое существо.

— Иисус, блядь, — прокричал он.

Я уставилась на него в ответ.

— Да, от него мало толку, — съязвила я. — Я спрошу тебя в последний раз. Почему?

Слюна вылетела из его рта, он хрюкнул, задыхаясь, чтобы набрать воздуха.

— Твой отец годами мешал картелю и моему бизнесу. Он постоянно менял законы, затрудняя нам работу. Мы пытались подкупить его, но он не сдвинулся с места, — признался он почти скучающим голосом.

Боль пронзила меня до глубины души от его откровения. Последние восемь лет моя жизнь шла к этому моменту. Я выживала, искала ответы, но так и не смогла понять, зачем кому-то понадобилось преследовать мою семью.

Я потеряла свою жизнь просто потому, что мой отец мешал их маленьким начинаниям, и им нужно было устранить препятствие.

— Ты и твоя мать должны были уйти той ночью. Вы двое были просто в не в том месте и не в то время. Я никогда не любил незавершённые дела, поэтому я всадил пулю между глаз твоей суки матери, а затем в тебя, — закончил он с самодовольной ухмылкой на лице.

Кровь начала бешено стучать в моих ушах.

Мои ноздри раздувались, по позвоночнику пробежала волна жара.

Я отошла от него и бросила нож на пластиковый брезент. Я вытащил пистолет из кобуры, пристегнутой к бедру, и встал прямо.

— Виктор Моралес, ты забрал все, что у меня было, все, что я любила. Было приятно

разрушить все, что ты построил.

Я снял пистолет с предохранителя, направив ствол на него. Шокированное выражение его лица в сочетании с прохладой ствола под моими пальцами принесло мне удовлетворение, которое я не могла объяснить.

С помощью этого пистолета я смогла бы смыть с себя все, что больше не хотела чувствовать — боль, горе, одиночество, кошмары, преследующие мои сны.

Пришло время для твоего конца, Виктор Моралес.

Вытянув правую руку, я спросила.

— Твои последние слова?

На моем лице появилась медленная ухмылка, и прежде чем он успел ответить, я пробормотала последние слова, которые он сказал мне, когда думал, что избавился от меня.

— Спи спокойно, Моралес.

Мои пальцы сжались на спусковом крючке, напрягаясь. Я выстрелила, не дрогнув, опустошив патронник.

Потребовались три пули, чтобы изменить мою жизнь, но мне нужна была только одна, чтобы покончить со всем этим.

Звонкий звук отразился от стен, когда между его глазами появилось свежая дырка от пули. Его голова опустилась, и из раны хлынула темная кровь, окрасив ошеломленное лицо Моралеса и стекая на бетонный пол.

Вонь крови быстро заполнила воздух, обжигая волосы в моих ноздрях. Я почувствовала, что на лицо капает влага, и вытерла щеку.

Я поднесла руку к лицу, заметив смесь крови и мозгового вещества на пальцах. Волна тошноты прокатилась по мне, но я прикусила язык и проглотила желчь, подступившую в горло.

Меня охватило чувство утешения, покой, который я искала, просочился в каждый сантиметр моей кожи. Хотя его смерть не смогла смыть мое горе, я почувствовала облегчение от осознания того, что получила ответы на вопросы, которые так долго искала.

Наконец-то я смогу отдохнуть и восстановить справедливость, которой так и не удостоились мои родители.

Мы с Еленой стояли бок о бок, глядя на мертвое тело.

Я не любила обниматься, но что-то внутри меня всколыхнулось, и я повернулся к ней, крепко обняв ее.

— Все кончено. Ты свободна.

Я отпустила ее и отошла от его тела, мои шаги остановились перед столом сбоку. Я взяла то, что мне было нужно, и вернулась к ней.

— Она заедет за тобой и отвезет тебя, куда ты захочешь, — объяснила я, протягивая ей рюкзак с новым паспортом и немного денег, чтобы она могла наконец жить спокойно.

— Тебе обязательно было стрелять ему между глаз? — спросила Валентина, усмехаясь.

Последние несколько месяцев я получала долю с каждого судна и контейнера, прибывающего в город и покидающего его от имени моего мужа, и его деловые партнеры должны были узнать, что он дважды обманул их, только чтобы найти Моралеса уже мертвым.

— Это подпись Баррерасов. Полиция не станет сомневаться и закроет расследование, поскольку у них есть связи, — ответила я.

Валентина была гением хакерского дела и бывшим снайпером, с которой я

познакомилась в Даркнете, когда копалась в жизни Моралеса. Она работала на Коллекционера (The Collector), мстителя, который протягивал руку помощи тем, кто в ней нуждался, будь то возврат долга или возмездие в обмен на услугу. Если мы не оказывали помощь, он приходил за своим долгом.

На самом деле именно Валентина стояла за тем выстрелом во время бранча. Выстрел, который позволил мне провести лучшую неделю в моей жизни.

Тео.

Мне пришлось вернуться на вечеринку, пока он не заметил моего отсутствия.

— Не могла бы ты прислать кого-нибудь, чтобы убрать этот беспорядок и сделать так, чтобы это выглядело как месть от марокканцев? Мне нужно вернуться на вечеринку.

Я слышала, как она что-то бормочет кому-то на заднем плане, прежде чем она дала мне знать, что кто-то уже в пути.

С этими напутственными словами я пристегнула свой дымящийся пистолет обратно в кобуру на бедре, и мы вышли из грузового контейнера. Ничто не подготовило меня к тому, что ждало меня снаружи.

Именно тогда я столкнулась с ним лицом к лицу.

ТЕО

Мой телефон завибрировал от нового сообщения.
Я достал его из кармана и опустил глаза на экран.

Виктор Моралес: Отдыхай до конца ночи. Мы с женой задержимся допоздна. Если понадобится, пусть Омар отвезет тебя обратно, а ключи от другой машины можешь оставить у парковщика.

Инстинкт подсказывал мне.
Что-то определенно не так.

Я лишь на мгновение заколебался, прежде чем покинуть балкон. Используя запасной выход, чтобы избежать подозрений, я направился в порт, чтобы найти ее. Чтобы узнать, что она задумала. Некоторое время я шел по территории порта, осматривая штабеля контейнеров в поисках каких-либо признаков.

Было удивительно тихо. Хотя это был воскресный вечер, я ожидал, что здесь будет несколько рабочих. Но никого не было.

Я замедлил шаг, когда услышал звук выстрела из пистолета. Я осторожно последовал за звуком, стараясь, чтобы мои шаги были бесшумными по гравии.

Я сканировал помещение, пока не заметил, что одна из дверей грузового контейнера была слегка приоткрыта. Я осторожно подошел к ней, подняв пистолет.

Я заглянул в проем, готовясь вмешаться, как только увидел Моралеса, связанного посреди комнаты, и небольшую лужу крови на полу под ним.

Но тень шевельнулась, и ее голос разорвал тишину. Я нахмурился, узнав знакомый голос. В конце концов, он вышел из тени, и его профиль стал виден.

Ничто не могло подготовить меня к тому, что я обнаружил.

Какого черта?

Мое зрение изменилось, реальность передо мной стала слегка размытой, неверие затуманило мой взгляд.

Я тряхнул головой, быстро моргая, пытаюсь рассеять стоящий передо мной образ, думая, что мой разум разыгрывает меня. Я ждал, что картинка передо мной растворится в чем-то другом, но она не менялась.

Я стоял неподвижно, когда мое сердце упало, опустившись на дно груди. Мой пистолет прижался к бедру, и я подумал, не попал ли я в какую-нибудь альтернативную вселенную.

Но я так и не проснулся от того сна, в который я погрузился.

— Спи спокойно, Моралес.

Ее голос пронзил туман и передо мной появилась другая сцена, в которой я наблюдал, как она превращается в кого-то совершенно другого.

Тяжесть этих трех простых слов, наконец, дошла до моего сознания.

— *Ты ушла, — сказал я.*

— *Я должна была.*

Мой пульс заколотился при воспоминании об этом.

По комнате пронесся приглушенный хлопок, запах металла и крови разнесся в ночи и достиг моих ноздрей.

Мое сердце сильно билось о грудную клетку, пока я боролся с потоком информации, нахлынувшей на меня приливными волнами.

Мой шок медленно перерос в гнев, а затем в боль. Горький привкус ее лжи взорвался у меня во рту, и я резко сглотнул, пока она не покрыла мои внутренности.

Часть меня ожидала, что она выйдет и будет отрицать то, что я только что увидел, но я лишь смотрел в полном недоумении на то, как она уходит.

Кровь застыла в моих венах, весь кислород болезненно покинул мои легкие. В ушах громко стучало, барабанный бой сердца отдавался эхом в моей голове.

Мои руки с силой сжимали рукоятку пистолета, предательство струилось по моим горьким венам. Моя грудь становилась все тяжелее, по мере того как правда медленно проникала в меня. Выражение ее лица сказало мне все, что нужно было знать. Я изучал ее и наблюдал, как сожаление вытравлено в каждой черточке ее лица.

— София? — спросил я с трудом, не в силах сказать больше, так как в горле образовался комок.

Уставившись на нее, я задумался, было ли все, что она мне говорила, правдой.

СОФИЯ

Я застыла, меня пронзил ужас, волны вины захлестнули меня, когда мои глаза встретились с его глазами. То самое чувство вины, которое тяготило меня с той ночи, когда я ушла от него семь лет назад.

Его глаза расширились, руки опустились по бокам. Его рот приоткрылся, и мое имя сорвалось с его губ на вдохе, как вопрос.

— София? — Его голос оборвался, опустошение на его лице ударило мне в грудь, и дыхание, с силой покинуло мои легкие.

Было больно смотреть на него, видеть, какой ущерб нанесла ему моя ложь. Но, к сожалению, это была цена, которую, как я знала, однажды придется заплатить.

Мой рот приоткрылся, беззвучная мольба вырвалась наружу, когда я сделала шаг вперед, но он отступил назад, прежде чем я успела дотянуться до него. Он отвел взгляд, предательство выступило на его лице.

Его взгляд метался от Елены ко мне, и он дернул себя за волосы, отворачиваясь от нас. Он неоднократно качал головой, бормоча "этого не может быть" и расхаживая взад-вперед.

Шины закрипели по гравию, и мы все мгновенно достали оружие, направив его в сторону источника. Мы все смотрели, как в поле зрения появился черный внедорожник, в котором на водительском сиденье сидел человек, которого мы ждали.

Мы с Еленой опустили оружие, убрав его в кобуру, и Тео последовал нашему примеру, когда понял, что я больше не нацеливаюсь на новоприбывшего.

Валентина опустила окно, ветер развевал ее рыжие волосы, и она позвала Елену.

— Иду, — крикнула Елена, прежде чем снова обратить свое внимание на меня.

— *Gracias por todo* (пер. *Спасибо тебе за все*), София. Я бы никогда не смогла этого сделать, если бы не ты.

Она заключила меня в теплые объятия, в конце ещё прижав сильнее, напомнив мне медвежьи объятия моей матери.

Ее взгляд вернулся к мужчине позади меня, когда она погладила меня по щеке.

— Было приятно познакомиться с тобой, Тео. Позаботься о ней, ладно?

Не дожидаясь его ответа, она пошла прочь, ее взгляд в последний раз встретился с моим через плечо, прежде чем она обогнула капот и забралась на пассажирское сиденье.

Звук шин затих, когда внедорожник исчез из нашего поля зрения и скрылся между

разноцветными грузовыми контейнерами. Когда я наконец обратила на него свое внимание, мое сердце расколосось при виде предательства в его глубоких карих глазах.

— Иы когда-нибудь собиралась рассказать мне? — спросил он наконец, его голос был низким и тихим.

Я перевела взгляд на его кулаки, наблюдая, как он сжимает и разжимает их, костяшки побелели.

— Тео, я могу все объяснить, — начала я.

Его глаза переместились с моего лица на руки, а затем снова встретились с моим взглядом. На долю секунды в его выражении мелькнуло беспокойство, когда он заметил следы того, что я только что сделала, на моих руках и лице, но оно быстро исчезло, сменившись недоверием.

Он рассмеялся.

— Что ты объяснишь, София?

Мои глаза сфокусировались на напряженной линии его плеч, легкой дрожи в его руках, прежде чем он отвернулся от меня. Я смотрела, как он глубоко вздохнул, прежде чем снова заговорить.

— Все, блядь, было ложью, — пробормотал он.

— Не все, — прошептала я.

Он развернулся лицом ко мне. Гнев стремительно поглощал его и излучался от него приливными волнами, погружая меня в себя.

— Ты солгала мне. — Наступила пауза, прежде чем он продолжил. — Снова, — закончил он, на этот раз его тон был более жестким.

У меня внутри все сжалось от его тона.

Покачав головой, я поборолла комок в горле и сделала шаг ближе, чтобы взять его за руку.

— Позволь мне объ...

Я едва коснулась его руки, как он отдернул ее, как будто я обожгла его. Его руки взметнулись вверх, фактически отдергивая меня, когда он снова отступил от меня.

— Не трогай меня, — прорычал он, его челюсть сжималась от того, как сильно он скрежетал зубами.

Я сжала губы, глядя на него сквозь слезы. Я зажмурила глаза, опустив голову, и одинокая слеза скатилась по моей щеке, соленый вкус затопил мои вкусовые рецепторы.

Я сглотнула остатки подступающих слез, дыша через нос, пытаюсь собраться с мыслями, потому что он заслуживал объяснений. Я медленно открыла глаза и посмотрела на него, мои глаза умоляли его простить меня.

— Пожалуйста, — мой голос дрогнул. — Пожалуйста, *mi cielito*, позволь мне объяснить.

Его глаза потемнели, и он подался вперед, его рука прижалась к моей груди, пока я не уперлась спиной в грузовой контейнер, где гнило тело Виктора, холод просачивался сквозь тонкую ткань моего платья.

Прижав меня к себе, он коленом раздвинул мои ноги, его правая рука приземлилась прямо возле моей головы, отчего вокруг нас раздался громкий стук. Он склонился надо мной, приблизив свое лицо, едва ли оставляя дюйм между нами.

— Не надо. Ты потеряла право называть меня так.

Стараясь сохранять спокойствие, я подняла ладонь, чтобы прижаться к его предплечью, но он стряхнул меня и схватил мои запястья левой рукой, зажав мои руки между нашими

раскрасневшимися телами.

Его грудь быстро вздымалась, когда он говорил.

— Прекрати прикасаться ко мне.

— Мне жаль.

Он недоверчиво посмотрел на меня, его дыхание было неровным. Опустив голову ближе, он убрал руку со стены и провел ею по моему телу, пока не достиг разреза на моем платье.

Он провел рукой вверх по моему бедру. Глубокий стон вырвался из его груди, когда его пальцы коснулись ремешка на внутренней стороне моего бедра, когда он вынимал мой пистолет из кобуры.

— Тео, — прохрипела я, пытаюсь бороться с его хваткой на моих запястьях, но мое сопротивление только заставило крепче сжать их, вызвав его рычание.

— В чем дело, *mi alma*, ты собираешься скормить мне ещё больше лжи? — Его слова были холодными, холодок пробежал по моему позвоночнику.

Недоверие и злость в его голосе острой болью пронзили мою грудь, но я отогнала их в сторону, зная, что в его словах есть правда.

Я солгала ему семь лет назад и продолжала делать это даже после того, как он раскрыл мою сущность.

Он провел теплым стволом по внутренней стороне моей ноги, с мучительной скоростью поднимаясь вверх, отчего по коже побежали мурашки. Мое сердцебиение участилось, страх пульсировал в венах.

— Я не хотела втягивать тебя в этот беспорядок, — призналась я, мой голос был напряжен.

Мои руки все еще были зажаты между нашими телами, он наклонился еще ближе, приблизив свои губы.

— У тебя всегда есть оправдания, — прошептал он, его теплое дыхание коснулось моих губ.

Его яростный взгляд был прикован к моим глазам, когда он прослеживал подкладку разреза моего платья, остановившись на его стыке. Потянув ткань в сторону с помощью моего оружия, он открыл то, что было под ней.

Меня.

Обнаженную.

От холодного воздуха, ударившего в центр, по моему телу пробежала дрожь. Любопытство промелькнуло на его лице, и он опустил взгляд в поисках причины. Я не сводила взгляда с его лица, наблюдая за тем, как медленно ослабевает его сдержанность.

Через некоторое время он наконец поднял голову и заговорил прямо мне в губы.

— Хм, посмотрим, что у нас тут есть, — пробормотал он, запечатлев легкий поцелуй в уголок моего рта.

Я почувствовала, как мой пистолет скользит по нежной коже моего бедра, медленно приближаясь, и вздрогнула от его прикосновения. Мои пальцы начали неметь от его хватки на моих запястьях, поэтому я попыталась немного сдвинуться, чтобы ослабить давление.

— Какой же ты боец, *mi alma*. Как мило, что ты думаешь, что тебе так легко все сойдет с рук, — насмеялся он надо мной.

Моя ложь была направлена на то, чтобы защитить его, но это не меняло того, как сильно я ненавидела то, что так долго лгала ему. Я ненавидела, что поставила нас в

ситуацию, когда он сомневался, можно ли мне доверять.

Мне нужно было заставить его понять. Мне нужно было, чтобы он *простил* меня, потому что я не для того провела последние несколько лет без него, чтобы потерять его снова.

Я не могу позволить этому случиться. Не позволю.

Мое сердце бешено колотилось в груди, когда я поняла, что есть только один способ показать ему, что я чувствую.

Любое мое сопротивление медленно покидало мое тело, и я расслабилась в его объятиях, становясь податливой для него, впервые за много лет уступая ему контроль.

Как только он почувствовал сдвиг, он плотнее прижался своим телом к моему, его дыхание коснулось моей щеки, когда он продолжал скользить пистолетом ближе к моему центру. Я сильно впиалась зубами в нижнюю губу, пытаюсь подавить стон.

Его глаза опустились, следя за движением.

Он мрачно усмехнулся, прижимая еще теплое дуло прямо к моему пульсирующему клитору.

— Что такое, мисс Эррера, в вас больше нет сил бороться?

Я всхлипнула, шокирующее желание пробежало по моему позвоночнику от непривычного ощущения оружия *прямо там*. Слегка выгнув спину, я еще больше приподнялась навстречу его прикосновениям, пульс бешено бился в моих ушах, возбуждение и страх бились в равной степени.

Он снова двинулся, направляя мой пистолет вниз, легко скользя теплым дулом по моей киске, так как я была уже мокрой.

— *Que hermosa mentirosa* (пер. *Какая прекрасная лгунья*). Посмотри, какая ты отзывчивая, — похвалил он, поглаживая меня в мучительно медленном темпе.

Я проглотила стон, когда моя голова отлетела назад, ударившись о сталь, гулким эхом отражаясь от стен с другой стороны. Я едва могла сформулировать какие-либо мысли, все ответы застряли у меня в горле.

Мои ногти крепко впились в его ладонь, а глаза зажмурились от переполняющих ощущений. Я успокоила свой разум и позволила своему телу взять верх.

Он продолжал тереться стволом взад и вперед о мою киску, скользя по моим складкам, собирая влагу, которая, как я знала, просачивалась из моего влагалища. Я выгнулась еще сильнее, терлась об него, надеясь, что он примет нежное приглашение и даст мне то, что я хотела, то, что мне было нужно.

Стон, который отчаянно пытался вырваться, вырвался наружу, когда вдруг я ничего не почувствовала.

В недоумении я открыла глаза и увидела, как Тео поднимает капающий пистолет.

Он осматривал его, освещение порта отражалось от мокрого ствола, вызывая одобрителный звук из уст Тео.

— Тебе это нравится, не так ли, *mi alma*? — выдохнул он с озорным выражением лица. — Тебя заводит, что я использую то же самое оружие, которое ты использовала против него, на твоей киске? Когда тело твоего мужа по ту сторону все еще теплое.

Поднеся ствол к своему рту, он размазал влагу по нижней губе, и я наблюдала, как его язык высунулся, как он слизывает *меня* со своих губ. Мои глаза расширились от этого жеста, потребность густо скользила по моему естеству.

Глубокий стон вырвался, как только мой вкус покрыл его язык. Он наклонил голову, его

глаза блуждали по моему лицу.

— *Dios, amo tu sabor en mi boca* (пер. *Боже, мне нравится твой вкус у меня во рту*), — пробормотал он, и я застонала от его слов.

— Тео, — умоляла я, мои ногти, скорее всего, пробили его кожу, мои объяснения были давно забыты в тумане похоти, которую он создавал, его имя было единственным словом, которое мне удалось вымолвить.

Он опустил пистолет ближе к моему входу, опустив голову вниз, пока его губы снова не оказались на расстоянии от моих.

— В чем дело, София? Я знаю, что ты умеешь пользоваться словами, *mentirosilla*.

Его язык высунулся и лизнул мою нижнюю губу.

— Или тебе просто нравится использовать их, чтобы выплюнуть ложь?

Я задохнулась от его резких слов и провела языком по шву на губах, где он ранее облизывал меня, позволяя нашему смешанному вкусу затопить мои вкусовые рецепторы, остатки моего возбуждения пересилили все остальное.

Он стиснул зубы. Из глубины его груди раздался глубокий рык. Наконец он отпустил мои запястья, и кончики пальцев покалывало, когда кровь прилила обратно.

Он прижал прохладный ствол к моей сердцевине, на этот раз с большим давлением, а его свободная рука легла на мое бедро.

— Сейчас ты снова примешь мое наказание, как хорошая девочка, поскольку, очевидно, ты не усвоила урок с первого раза, — приказал он.

Моя спина выгнулась в ответ, мои руки обвились вокруг его шеи, цепляясь, когда он начал прижимать мои бедра о перила.

Кончик его языка высунулся и прочертил дорожку вверх по моей шее к уху, его волоски задевали мою обожженную кожу.

Его зубы нежно покусывали чувствительную кожу под моим ухом, по моему телу прошла дрожь при мысли о том, что он оставит на мне еще больше своих отметин.

Мои соски напряглись под шелком платья, привлекая его внимание. Он опустил лицо, чтобы прикусить один из них, посасывая его сквозь ткань.

— Ты слишком долго лишала меня этого. Мой рот уже несколько дней жаждал снова поклоняться им, я кончал каждую ночь от одного только воспоминания твоего тела, извивающегося под моими поцелуями и покусываниями.

Он чередовал свои неустанные посасывания, смачивая ткань, пока водил им вверх и вниз, трение перил о мою скользкую кожу вызывало одновременно удовольствие и боль.

Мои колени ослабли от его ласк, его бедро между моих ног было единственным, что удерживало меня в вертикальном положении. Я сильнее впилась зубами в губы, представляя себе его одного в постели, и мастурбирующего только от одной мысли о том, что его рот находится на моем теле.

Я поняла, что разрешила плоть, только когда привкус меди коснулся моих вкусовых рецепторов, и я услышала придушенный звук. Он поднял голову, а затем высунул язык, чтобы слизать каплю, стекавшую по моему подбородку.

Должно быть, именно так выглядит безумие, потому что я насаживалась на оружие, но не могла заставить себя быть настолько безразличной, чтобы остановить его.

Я просто хотела чувствовать. Хочу, чтобы он проглотил меня.

Еще один звук вырвался из меня, и я зажмурила глаза, мои движения стали более бешеными. Он провел ладонью по моему бедру и по попе, схватив меня за задницу, чтобы

замедлить мои движения.

Затем я услышала резкий толчок и поняла, что он только что уронил мой пистолет на землю, когда прежний вес на моей киске исчез.

— Если ты собираешься кончить, то это будет на чем-то моем. А не то, что ты использовала на нем. А теперь будь хорошей девочкой и откройся для меня пошире, *mi alma*, — приказал он между тяжелыми вдохами, подталкивая меня коленом.

Я издала нечленораздельный звук в ответ на его похвалу, и мои бедра еще больше раздвинулись.

— Ты сводишь меня с ума, София, ты же знаешь это?

Внезапно он ввел в меня два пальца, едва дав мне возможность приспособиться, прежде чем добавить еще один.

Я резко вдохнула, позволяя своей голове упасть вперед. Уткнувшись лицом в его шею, я заглушила свой стон. Он убрал руку с моей задницы и взял меня за подбородок, приподняв его так, что я теперь смотрела на него.

— Не смей лишать меня слышать твои сладкие звуки. — Его пальцы внутри меня ускорили темп, каждый толчок глубже предыдущего. — Дай мне их, *mi alma*, я хочу слышать тебя.

Я громко застонала, удовольствие накатывало на меня сильными волнами.

— Я семь лет искала тебя. Ты пометила мое тело, мою душу. И когда я наконец нашел тебя, ты решила снова сбежать от меня, — прорычал он, полностью вытаскивая пальцы, прежде чем снова погрузить их внутрь.

Я отчетливо слышала всасывающие звуки, когда он продолжал неустанно трахать меня своими пальцами, продлевая удовольствие, и смущение охватило все мое тело в ответ на громкие хлюпающие звуки.

— А что, если ты твой план не сработал, София? Что, если бы ты получила травму или, что еще хуже, тебя бы убили на хрен? — Он отпустил мой подбородок, его ладонь ударилась о стальную стену позади меня.

Я едва успела спуститься с высоты, когда он изогнул свои пальцы таким образом, что мои глаза закатились к затылку, стон свободно вырвался из моих губ, а мои руки потянулись к его шее.

— Что было бы со мной, если бы это случилось?

Его ранимый тон ударил меня прямо в грудь, и я перевела взгляд на него, заметив влагу, блестящую на его щеках.

Черт, что я наделала?

Я переместила руки с его шеи на лицо и наклонилась вперед, направляя его пальцы внутрь меня.

Я прижалась легким поцелуем к его губам.

— *Lo siento mucho, mi cielito*. Я не хотела потерять тебя, если мой план свернет не туда. Я не могла рисковать потерять тебя, — прошептала я, мое сердце замирало в груди, эмоции забивали горло.

Он немного смягчился от моих слов, его лоб опустился на мой, его движения замедлились, пока он изучал мое лицо, пытаясь понять, правду ли я ему говорю.

То, что было написано на моем лице, казалось, разжигало его. Бормоча проклятия, он просунул третий палец внутрь, растягивая меня еще шире, и боль быстро сменилась удовольствием.

Я открыла рот, и Тео опустил ниже, лова мой вздох своим.

Он схватил меня за бедро, обхватывая мою ногу, моя пятка уперлась в его задницу. Мы пристально смотрели друг другу в глаза, когда он направил свои пальцы дальше внутрь, трахая меня быстрыми, жесткими движениями. Его большой палец одновременно приземлился на мой клитор, рисуя отчаянные круги.

Мои руки вырвались из моих боков, чтобы обхватить его затылок. Я пропустила пальцы сквозь его вьющиеся пряди и потянула.

Я сделала неглубокий вдох, когда очередной оргазм неуклонно приближался. Я сжалась вокруг его пальцев, и его рот приоткрылся, его эрекция ударила меня.

Мы двигались друг против друга, пока он пожирал мой рот, словно пытаюсь заклеить себя моим вкусом. Искры пробежали по моим венам, оставляя след по всему телу.

— Еще, Тео. Мне нужно больше.

— Я знаю, *mi alma*. Знаю, — простонал он мне в ухо, покусывая мочку уха, прежде чем снова поцеловать меня.

Я прильнула к его нижней губе, посасывая ее, прежде чем сильно прикусить. Мои руки потянулись к передней части его брюк, потянули молнию вниз и просунули руку внутрь. Я крепко обхватила его, и он дернулся в моей ладони.

Я медленно погладила его от основания до самого кончика, чувствуя, как из него сочится предэкулят. Я провела по ней большим пальцем и использовала ее как смазку по обратному пути вниз.

Его челюсть сжалась в ответ, ноздри раздулись. Его голод был ощутимым, он ясно давал мне понять, что хочет большего.

— Прекрати дразнить и возьми его, — прохрипел он, звук утонул в моей шее.

Боже, как я люблю этот звук.

— Не говори мне, что делать.

Я провела рукой по его длине еще несколько раз, застонав от ощущения его в своей ладони.

Мне нужен был он внутри меня. Сейчас же.

Я высвободила его член и коснулась им его большого пальца, который все еще поглаживал мой клитор.

Он вздрогнул от этого прикосновения, крепче сжав мое бедро.

— Полегче, София. Ты заставишь меня кончить.

— Тогда вставь его в меня, — сказала я, сжимая его член и сильнее упираясь в его руку.

Я была уже на грани, когда он раздвинул пальцы, оттолкнув мою руку.

Он схватился за основание своего члена и провел по нему одним движением, смахивая мое возбуждение на себя. Я бросила на него разочарованный взгляд, но прежде чем я успела возразить, он вошел в меня.

— *Боже мой!* — Я задыхалась, закрыв глаза, давление его внутри ввергло меня в пьянящее блаженство.

Его рот снова оказался на моем, поглощая меня, прежде чем он ввел его до кончика и задержался, прервав наш поцелуй, и мои глаза открылись.

— Не лишай меня возможности увидеть, как ты кончаешь. Не своди с меня глаз, — приказал он, и я кивнула, тяжело дыша.

Он поцеловал меня в губы и снова вошел в меня. Его рука потянула ногу, обхватившую его талию, дальше вверх, толкая ее, пока колено не уперлось в грудь, и давление усилилось

до почти невыносимого уровня, пока он не погрузился глубже в мою киску, попав в точку, о существовании которой я даже не подозревала.

— *Трахните меня*, — простонал он от тесноты.

Моя нога дрожала, когда он продолжал погружать свой член внутрь меня. Мы смотрели друг на друга, пока он входил в меня.

— Вот так, *mi alma*, кончи для меня еще раз.

Мои пальцы на ногах выгнулись, а бедра выгнулись навстречу ему, когда мое удовольствие достигло нового максимума.

— Тео, я так близка... — умоляла я, мое сердце бешено стучало.

— Тогда отпусти, *mi alma*.

Вес его тела на моем в сочетании с тем, как он смотрел на меня, был слишком велик. Я прижалась лбом к его лбу, и мы оба резко вдохнули. Мой оргазм взял верх, и моя киска так сильно сжалась вокруг него, что я почти потеряла сознание.

— Да, София, вот так... это моя девочка, — сказал он, качаясь во мне и покрывая мою челюсть грубыми поцелуями, его зубы покусывали кожу, продлевая мое освобождение.

Единственное, что вернуло меня назад, это его теплая сперма, окрасившая мою киску. Задыхаясь, я не двигалась, да и не смогла бы. Он ослабил хватку, и моя нога снова уперлась в его бедро.

Я почувствовала, как теплая сперма стекает по моему бедру, и посмотрела вниз, его глаза проследили за моим взглядом.

Все еще находясь внутри, его член подпрыгнул, и в глазах Тео заблестели от озорных мыслей, рычание сорвалось с его губ, когда он прикусил мою нижнюю губу.

— Говорил же тебе, что однажды отправлю тебя к нему обратно с моей спермой, все еще капающей из тебя.

Я подтолкнула его, посмеиваясь над его неуместной шуткой, но он обхватил мое лицо с обеих сторон, и я приблизила свое к его лицу. Он наклонился и нежно поцеловал меня, а затем отстранился, его брови сошлись на переносице.

— Тео, что случилось? — спросила я, глядя ему в глаза, беспокойство наполнило мою грудь, когда я увидела его испуганное выражение лица.

— Пообещай мне, что никогда больше не оставишь меня.

Я прильнула к его ладоням и пообещала не покидать его.

Но когда я проснулась на следующее утро в пустой, смятой постели, он был тем, кто оставил меня.

ТЕО

Я неподвижно лежал на диване, устремив взгляд в потолок, и пристально смотрел, как кружатся лопасти вентилятора.

Я делал это каждую ночь в течение последних трех дней, мой разум воспроизводил каждый момент нашей совместной жизни, не давая мне передышки. Я включал каждое наше общее воспоминание, пытаясь взглянуть на них под разными углами. Я не спал по ночам, пытаясь понять, есть ли хоть доля правды в том, что она мне сказала.

Как я мог доверять ей дальше, когда мне казалось, что все, что у нас было, основано на лжи?

Мои мысли вернулись к ночи убийства Виктора.

Джексон попросил жену забрать его с места событий, а я сказал Омару, что сам доберусь домой, позволив ему провести остаток выходных с семьей. Когда все было готово, мы с Софией поехали обратно в дом Моралеса.

После душа, смыв с себя все следы ее преступлений, мы оба легли в постель, и поскольку я не мог заснуть, я провел всю ночь, наблюдая за ней, напоминая себе о человеке, которого любил.

Но чем больше я смотрел на нее, тем больше в моем сердце поселялось чувство предательства от ее бесконечной лжи и игр. Вместо покоя, который она всегда приносила мне, я почувствовал, как тяжесть оседает у меня на груди, лишая меня воздуха, пока в конце концов это не стало удушьем.

Мне нужно было выбраться оттуда, нужно было все переварить, поэтому, прежде чем она проснулась, я уже был далеко.

Я не был уверен, что принял правильное решение, но мне было больно.

В ту ночь все в ней было по-другому. Казалось, что мир повернулся вокруг своей оси, и я наткнулся на параллельную версию своей жизни.

От того, как она вела себя, как говорила, до того, как без колебаний нажала на курок. Все в ней казалось другим, и я больше не мог ее узнать.

Но больнее всего было то, что она не думала, что может доверять мне. Что она не доверяла мне настолько, чтобы помочь ей или даже просто быть рядом.

Ее недоверие распахнуло мое сердце, обнажив то, что я глубоко зарыл.

Мне всегда казалось, что никто не сможет полюбить меня, что я не заслуживаю любви.

Но потом появилась она. Она заставила меня почувствовать, что есть возможность быть любимым, что я достоин любви.

Теперь она заставляла меня сомневаться в этом. Любила ли она меня когда-нибудь по-настоящему, если не могла доверить мне своих демонов?

Она даже никогда не говорила мне, что любит меня, — насмеялся мой мозг.

Мой мозг вел войну. Часть меня цеплялась за то, что она бросила меня и солгала, но большая, более громкая часть меня, влюбленного в нее мужчины, тонула в колодце вины, которая, казалось, только углублялась.

Я заставил ее пообещать не бросать меня снова, и все же сам поступил с ней именно так.

Я любил ее, несмотря на чувство предательства, которое она поселила в моем сердце, но я не знал, могу ли я ей доверять.

Я думал, что смогу оставить это в прошлом и простить ее, но мне нужно было время. Было бы несправедливо по отношению к ней начинать наше будущее с какой-либо обидой с моей стороны.

А сейчас не знал, на каком месте я нахожусь.

Громкий рингтон отвлек меня от моих мыслей, но я позволил ему зазвонить. Моя мать звонила мне без остановки с тех пор, как я освободился от обязанностей телохранителя. Я игнорировал ее повторяющиеся звонки, зная, что она сразу же расшифрует, в чем дело, а я не готов к допросам.

Телефон зазвонил снова, и я провел руками по лицу, садясь на диване, чтобы ответить. Имя Ноя высветилось на экране, голубой свет озарил темное помещение.

Почему он всегда звонил так поздно ночью?

Застонав, я взяла трубку и прислонилась к спинке дивана.

— Да?

— Почему ты не берешь трубку? — пробормотал Ной.

— Ной, — предупредила я.

— Открой.

Щелчок.

В замешательстве я посмотрел на экран своего телефона.

Какого черта?

В комнате раздался стук, я посмотрел в сторону входной двери и увидел его лицо, заглядывающее в одно из больших окон в гостиной.

Пробормотав проклятие, я бросил телефон на диван и направился к входной двери, затем распахнул ее.

— Что это с тобой такое и что за поздние ночные визиты?

Он посмотрел вниз на мою одежду, а затем на меня.

— Ты выглядишь как дерьмово.

Последние несколько дней я ходил в одном и том же наряде, едва успевал принимать душ и есть.

Хотя у него был веский довод, я предпочел проигнорировать его замечание.

— Переходи к делу. — гаркнул я.

Он протиснулся мимо меня, прошел к дивану, опустился на него и подпер ногу коленом.

— Виктор Моралес мертв, — наконец сказал он.

— Я в курсе.

Дверь закрылась за мной, когда я прошел за ним и направился на кухню.

Взяв пиво из холодильника, я поставил его на стойку и выбросил крышки в мусорное ведро, после чего вернулся в гостиную.

— Почему ты не с его женой? — спросил он.

Я сглотнул огромный комок, который образовался в моем горле при упоминании Софии.

— Контракт расторгнут, — солгал я, протягивая ему бутылку и усаживаясь на стул напротив него.

Я сделал большой глоток, и холодная жидкость проникла в мое горло.

Ной хмыкнул, прежде чем сделать глоток из своей бутылки. Несколько минут он молчал, просто наблюдая за мной, анализируя меня.

Я повернул шею, чувствуя себя неуютно под его пристальным взглядом, ожидая, что он продолжит.

Вместо этого я решил нарушить молчание. В тот вечер я услышал, как София вскользь упомянула их имена, но, несмотря на мои поиски, их связь с Виктором Моралесом все еще оставалась загадкой.

— Ты когда-нибудь слышал о фамилии Баррера? — спросил я.

Он удивился моему вопросу.

— Нет. Почему ты спрашиваешь?

— Просто кое-что подслушал.

— А теперь расскажите мне, что произошло между тобой и Оливией Моралес?

Мои брови опустились в замешательстве от его слов. Я прищурился, сомневаясь, стоит ли мне рассказать или нет. После еще одного долгого молчания я остановился на последнем варианте, решив пока отложить расспросы на второй план.

— Попробуй угадать, — проворчал я, делая еще один глоток.

— Она София.

Я поставил свою бутылку на деревянную поверхность, уставившись в стол. Я провел пальцами по волосам, пустота в моей груди сжалась, как и мое сердце при упоминании ее имени.

— Да. — Я насмехался.

— И? — спросил он.

Я поднял на него глаза, встретившись с его взглядом.

— И ничего. Она солгала, — сказал я, уже не скрывая раздражения в своем голосе.

— Ты должен поговорить с ней.

Я покачал головой.

— Я не могу.

— Нет, можешь.

Он вздохнул, встал и направился к двери.

Он задержался, его рука держалась за дверь, пока он смотрел на то место, где я сидел.

— Послушай, я, может быть, не лучший советчик в этой области, но если я что-то и знаю, так это то, что ты не должен позволить тому, что случилось, снова отнять ее у тебя.

Он бросил взгляд в сторону, как бы погрузившись в свои мысли, а затем встряхнулся и вышел из того состояния, в котором находился.

— В конце концов, ты просто пожалеешь об этом, — тихо сказал он.

Дверь закрылась за ним с тихим щелчком, его последние слова эхом разнеслись по

пустому пространству.

Я вернулся к дивану и снова лег на него, вернувшись в прежнее положение до того, как он прервал меня.

Следующие несколько часов я размышлял над его словами, понимая, что он был прав.

Татуировка, отпечатавшаяся на моей коже, была последним, что я увидел перед тем, как погрузиться в сон.

Прошло две недели. Две недели мы не виделись. Две недели я с ней не разговаривал с ней. Две недели я не держал ее в своих объятиях.

Я пытался утопить себя в работе, принимая больше клиентов, чем мог осилить за раз, пытался сделать все, что могло бы отвлечь меня от мысли о том, что я скучаю по ней. Но ничего не помогало. Ничто не могло заменить боль и смятение, которые она причинила.

Куда бы я ни посмотрел, напоминания о ней проникали в мой разум. Она занимала все мое пространство.

К тому же я каждый день проезжал мимо ее дома, ожидая, *надеясь* увидеть ее хоть мельком, но, к сожалению, безуспешно.

Я знаю, *жалко*.

Было бы так легко просто выйти из машины и быть с ней. Вернуться к тому, чем мы когда-то были, заключить ее в свои объятия. Но насколько хуже было бы, если бы она снова ушла.

Мой разум и сердце были в тупике. С одной стороны, сердце хотело прорваться внутрь и вернуть ее, а разум хотел уберечь мое сердце от повторного разрыва.

Она всегда была моей, но видела ли она меня своим?

На самом деле, дело было не в том, что я не верил в то, что мы делили в хижине. Наконец-то она снова почувствовала себя моей, но я не знал, могу ли я доверять этому.

Если быть честным с самим собой, я боялся доверять ей. Однажды она уже бросила меня. Что помешало бы ей сделать это снова?

Я убеждал себя, что если я смогу отвлечься, злясь на нее, то боль от тоски по ней рассеется настолько, что я смогу справиться с этим. Я делал нерешительные попытки сдерживать свой гнев, поскольку так было легче не чувствовать боль так глубоко, но она медленно угасала с каждым днем.

Через несколько дней после разговора с Ноем я наконец-то перезвонил маме, извинившись за то, что пропустил ее звонки. Она начала спрашивать о Софии, но я просто продолжал отмахиваться от ее вопросов. Я чувствовал, что она хотела надавить, но углубление в этот разговор только подлило бы масла в огонь.

Выключив зажигание, я вышел из машины и пошел по подъездной дорожке, оглядывая участок, который я построил. Я купил это место за несколько лет до этого и потратил месяцы на его реконструкцию, пока оно не стало идеальным.

Пока все не стало именно таким, каким, как я помнил, хотела его видеть она.

Все эти годы я находил утешение в том, что жил в доме, который напоминал мне о ней,

но теперь это было чистой пыткой.

Я отпер дверь и вошел внутрь, встретив оглушительную тишину. Мне отчаянно нужно было выбраться из этого места, хотя бы ненадолго.

Следующим утром я снова был в пути, направляясь в единственное место, которое помогло мне исцелиться в прошлом.

Несмотря на то, что мое доверие к ней было подорвано, моя любовь к ней все еще была там. Я надеялся, что пожив в этом доме я, наконец, верну ее.

СОФИЯ

Через сорок восемь часов после убийства *мужа* я явилась в участок в истерике и потребовала найти его. Они записали мои показания и, подтвердив мое неопровержимое алиби, начали его поиски.

Менее чем за двадцать четыре часа они нашли его тело, гниющее в доках. Судмедэксперты освободили тело Виктора довольно быстро после того, как полиция завершила расследование.

Никто не сомневался в том, что произошло той ночью. Они видели засохшую окровавленную дыру, украшавшую лоб Моралеса, и просто соединили все точки над *i*, обвинив в его убийстве соперничество.

После его похорон на прошлой неделе я уладил его дела, уволив его сотрудников с достаточным количеством денег, чтобы они могли продержаться, пока не встанут на ноги. Продать дом было немного сложнее, поскольку он был связан с его компанией, но его партнеры в конце концов объявили о банкротстве, узнав, что все эти годы он занимался каким-то сомнительным бизнесом, опустошая их счета.

Прошло ровно две недели с тех пор, как я в последний раз видела Тео. Всего две недели, а кажется, что прошла целая вечность, и каждая минута разлуки все сильнее разбивала мое больное сердце.

Проснувшись на следующее утро в пустой постели, я ломала голову над тем, как подойти к Тео. Я все еще пыталась понять, как все объяснить.

Как мне начать исправлять то, что я сломала, когда я даже не была уверена, что у меня все еще есть все части, чтобы починить это с самого начала?

По правде говоря, я пряталась в доме, потому что боялась его отказа. Не то чтобы я могла винить его, не после того, как я ушла и неоднократно лгала ему.

Но я хотела его. Я просто не знала, как вернуть его.

Было еще раннее утро, когда я открыла стеклянные двери на кухне. Холод окутал меня, и дрожь пробежала по моему телу, пока я шла через двор.

Я толкнула дверь домика у бассейна и шагнула внутрь, его характерный запах ударил в меня, вторгаясь в мои чувства.

Пустота, образовавшаяся в моей груди тем утром, когда я проснулась в одиночестве, всплыла на поверхность. Тупая боль, которую я пыталась заглушить, все усиливалась и

усиливалась.

Я оглядела его бывшее помещение — остатки его присутствия все еще витали в воздухе. Я подошла к его кровати, опустилась на матрас и вцепилась в простыни, которые все еще слабо пахли им.

Казалось, что скоро его присутствие полностью исчезнет, и я не знала, к лучшему ли это. Я сильнее вцепилась в простыни, и слеза вырвалась наружу, прочертив горящую дорожку вниз, когда я закрыла глаза.

Я дала ему пространство, потому что, если у нас есть хоть какой-то шанс, мне нужно было знать, что когда Тео посмотрит на меня, он увидит *меня*, а не годы лжи, через которые я заставила нас пройти.

Я хотела дать ему больше пространства, но с меня хватит. Я не хотела больше ждать. Я хотела иметь возможность извиниться, сказать ему, как я сожалею обо всем.

Я вышла из домика у бассейна и плотнее прижала халат к груди, пробежавшись трусцой через лужайку, быстро закрыв за собой дверь во внутренний дворик, чтобы холодный воздух больше не преследовал меня внутри.

Я стащила ключи со стойки и забралась в машину.

После быстрого поиска его адреса я проехала мимо его дома, но подъездная дорожка была пуста. Прождав час на улице и не обнаружив никаких признаков движения внутри, я направилась прямо сюда. Я запомнила этот адрес после того, как мы приехали сюда несколько недель назад, и решила попробовать.

Мысль о том, что я буду здесь без него, давила мне на грудь, но я отодвинула ее в сторону и постучала в деревянную дверь. Я стояла на пороге дома его семьи и надеялась, что они знают, где он.

— Оливия? — поприветствовала она меня, удивление отразилось на ее лице.

— Эм... на самом деле это София, — призналась я, слабо улыбнувшись ей.

Тревога наполняла мои вены по мере того, как проходили секунды, а выражение ее лица оставалось нечитаемым.

— Входи, *cariño*, — наконец сказала она, нарушив тишину, которая окружала нас.

Его мать открыла дверь шире, приглашая меня войти. Дверь с щелчком закрылась за мной, когда тепло окутало мое холодное тело, а воздух наполнился запахом выпекаемого хлеба.

Я прошла за ней в гостиную и села рядом с ней на кремовый диван, уставившись куда угодно, только не на нее.

Я оглядела комнату, играя руками, и мой взгляд остановился на фотографии со всеми ними.

Они все выглядели такими счастливыми, такими нормальными. Мое сердце сжалось при воспоминании о похожей фотографии, которую я надежно спрятала в бумажнике. Может быть, однажды у меня будет такая же фотография.

С ним, надеюсь мое сердце.

— София. — Использование моего настоящего имени вывело меня из задумчивости, и я повернулась в сторону, чтобы встретиться с ней взглядом.

— Все... - засомневалась она, обеспокоенная. — Все в порядке? Ты в порядке? — наконец спросила она.

Я подняла голову, ее вопрос застал меня врасплох. Прошло много времени с тех пор, как кто-то спрашивал меня, все ли у меня в порядке.

— Да. — Я вздохнула, чувствуя вину за то, что она беспокоится обо мне, когда я разбила сердце ее сына.

— Я ищу Тео, — пробормотала я себе под нос. — Я ходила к нему домой, но его там не было, поэтому подумала, что он может быть здесь.

— Мне жаль. Я не видела своего сына две недели. На прошлой неделе мы коротко поговорили по телефону, и я поняла, что что-то не так, но не хотела давить на него. У моего сына есть упрямая склонность замыкаться в себе, когда ему больно. Я на собственном опыте убедилась, что он должен сам приходить ко мне.

Мое горло сжалось, чувство вины наполнилось мыслью о том, что я была причиной того, что она давно не видела своего сына.

Это все из-за меня. Все из-за того, что я хранила от него секреты, отталкивала его.

Я посмотрела вниз, сосредоточившись на своих руках, чтобы попытаться сдержать слезы.

— Он злится на меня. Честно говоря, я не могу его винить, — прошептала я, мой голос слегка дрогнул в конце, глаза блестели от непролитых слез.

Она прикоснулась одной рукой к моей щеке, ее жест был наполнен нежностью, которой мне так не хватало, и напомнил мне о том, как моя мать утешала меня.

— Ах, *cariño*, если я в чем-то и уверена, так это в том, что мой сын никогда не сможет тебя ненавидеть.

Ласковое выражение подтолкнуло слезу, и ее большой палец покрылся соленой жидкостью. Прежде чем я успел остановить ее, упала еще одна слеза, и еще. Она провела пальцами по моей щеке, смахивая их.

— Я не знаю, что произошло между вами, но я знаю, что мой сын любит тебя. Я увидела это в первый раз, когда ты пришла сюда с ним. Он не мог оторвать от тебя глаз. И я вижу, что и ты любишь его так же сильно.

Заявление Элеоноры отозвалось глубоко внутри моей грудной клетки, зажигая надежду в моей душе.

Может быть, просто может быть, надежда еще была. Может быть, я не потеряла его окончательно.

Я проглотила комок в горле, когда еще больше слез скатилось вниз, и слабо кивнула. Ее руки обняли меня, и вскоре я повторила ее жест.

Я все еще не привыкла к объятиям, но это было приятно. Мы так и сидели, застыв в объятиях. Я закрыла глаза и на краткий миг представила, что она моя мать, прижимающая меня к себе и дающая мне советы, как добиваться человека, которого я любила долгие годы.

Мое лицо было прижато к ее груди, пока иллюзия медленно улетучивалась.

Наконец я прочистила горло и вырвалась из ее объятий.

— Вы знаете, где я могу его найти?

— Я знаю только одно место, куда мог бы пойти мой сын, если бы пытался сбежать.

Хижина.

Она заправила выбившийся локон за ухо, мягко потянула меня за подбородок, чтобы я посмотрела на нее.

Наши взгляды столкнулись, ее взгляд был полон сожаления, когда она призналась.

— Мой муж умер от сердечного приступа, когда родился мой младший сын Санти. Я была в полном беспорядке. Я едва могла позаботиться о себе, не говоря уже о двух детях и новорожденном.

Она сделала паузу, ее глаза наполнились слезами.

— Тео взял все на себя, заботился о нас и помогал мне пережить горе.

Она вытерла свои блестящие щеки.

— Я была сама не своя и легко выходила из себя. Он не должен был нести ответственность в столь юном возрасте, и я каждый день сожалею о своих действиях, потому что они заставили моего сына замкнуться в себе.

Она снова сделала паузу, и я обняла ее руками, надеясь, что это принесет хоть унцию утешения.

— Мой прекрасный Тео не часто чувствовал любовь в своей жизни и считает себя недостойным ее. Я стараюсь каждый день писать свои ошибки, напоминая ему, как сильно его любят. Но когда ты проводишь годы, чувствуя себя нелюбимым, это начинает проникать глубоко и застревать в твоём сердце.

А мой уход от него и ложь только укрепили это мнение. *Черт.*

Я обняла Элеонору в последний раз, прежде чем направиться к своей машине. Оказавшись внутри, я подключил телефон к системе и набрала номер Валентины. На третьем гудке она наконец ответила.

— Я занята, — сказала она, ее вздох пронесся по линии, а на заднем плане было громко слышно, как она громко печатает.

Я разозлилась на ее ответ, регулируя температуру в машине.

— Мне нужно, чтобы ты нашла для меня адрес.

Валентина перестала печатать, и я услышала, как она отключила громкую связь, подключив меня к тому, что, как я предполагала, было ее наушником.

— Не можешь найти его сама?

Тишина заполнила линию, и она захихикала, забавляясь моим дискомфортом.

— Дай угадаю, ты ищешь своего телохранителя.

Мои внутренности напряглись, мне не понравилось, что она автоматически поняла, о ком идет речь.

— Моего бывшего телохранителя. Он перестал работать на меня две недели назад, — пробормотала я.

— Так зачем я тебе нужна? — спросила она, и я почувствовала, как она ухмыляется.

Сглотнув, я призналась.

— У меня нет моего оборудования, поэтому мне нужно, чтобы ты просмотрела базу данных бюро и нашла любую недвижимость, принадлежащую Теодору Альваресу. Или что-либо связанное с его семьей.

— Посмотрим, что я смогу сделать, — ответила она и, прежде чем я успела сказать что-то еще, закончила разговор.

Через несколько минут на моем телефоне высветились два адреса, один из которых был его домом, который я уже посетила ранее.

Я вцепилась в руль и закрыла глаза, медленно выдохнув, прежде чем открыть глаза и

проигнорировать нахлынувшее беспокойство.

Я ввела адрес в GPS и выехала с подъездной дорожки.

Мы ждали семь лет, чтобы быть вместе, и я не собиралась терять ни секунды. Я знала, что он, вероятно, больше не доверяет мне, но я заставлю его выслушать меня.

Пришло время, чтобы он услышал всю историю.

СОФИЯ

Через несколько часов пути я съехала с шоссе возле Азилаха, быстро заправилась, а затем снова выехала на дорогу. Поскольку из-за серого неба трудно было определить, сколько времени прошло, я взглянула на дисплей и заметила, что уже почти добралась до места.

Я проехала еще час по лесистой двухполосной дороге, прежде чем притормозила внедорожник и выехала на однополосную дорогу. Я продолжала ехать по узкому въезду, пока не нашла небольшой холм, на который он заезжал в прошлый раз, когда мы были здесь.

Дождь наконец закончился, только капли с нависающих сосен брызгали на лобовое стекло, пока я продвигалась вглубь леса, шины то и дело попадали в глубокие канавки.

Только через несколько минут деревья наконец поредели, открыв небольшую поляну, на которой стоял домик.

Подъехав ближе, я заметила кого-то, кто доставал сумки из багажника.

Мое сердце забилося при виде его.

Мой Тео.

Он быстро положил сумки обратно в багажник, достал пистолет из кобуры на боку и направил его прямо на мою машину, въезжающую на небольшую подъездную дорожку.

Я притормозила, чтобы остановиться позади его грузовика. Повернув ключи, я заглушила двигатель и вышла из машины, держа руки высоко поднятыми. Его пистолет был все еще поднят, когда его глаза встретились с моими.

В груди у меня заняло от такого сильного тепла, что оно пронзило меня изнутри.

Я потратила время на то, чтобы изучить его, мои глаза блуждали по его лицу, отмечая небольшие изменения. Я давно не видела его таким, с тех пор как наблюдала за ним в первые дни после *моего исчезновения*.

Круги под глазами стали больше, челюсть украшала более густая щетина, а его взъерошенные волосы стали чуть длиннее.

Черт, как же я по нему скучала.

Эти темно-карие глаза оценили меня с ног до головы, прежде чем снова встретиться с моими, и он опустил свой "Глок", его защита ослабла, как только он понял, что это всего лишь я.

Его тело было напряжено, но на его лице не промелькнуло никаких эмоций, что не

позволило мне понять, что он чувствует по поводу моего присутствия.

Я неоднократно представляла себе этот момент по дороге сюда, но теперь, когда Тео стоял передо мной, я едва могла произнести хоть слово.

Когда я видела его в последний раз, он уехал на следующее утро. Я весь день пролежала в постели, прокручивая в голове бесконечные сценарии. Хотя сначала я была так зла на него, в течение дня эта злость постепенно рассеялась, превратившись в обиду, но я не винила его за то, что он ушел.

На его месте я бы поступила так же, особенно после того, как узнала о его детстве.

Я хотела извиниться, побежать за ним и рассказать ему о свою точку зрения, попросить у него прощения, но я знала, что должна подождать.

Воздух между нами был напряженным, в нем было так много недосказанного. Я надеялась, что он позволит мне объясниться, но извинения, которые я прокручивала в голове по дороге сюда, были давно забыты.

Поэтому вместо этого я глубоко вздохнула, возвращая себе самообладание. Я открыла рот, чтобы заговорить, но он оборвал меня прежде, чем я успела что-либо сказать.

— Уходи, — сказал он сурово, глядя в сторону, прежде чем повернуться ко мне спиной.

Что ж, это был ответом на мой вопрос.

Лес казался таким тихим, если не считать моего грохочущего сердца, пока не начал моросить дождь, образуя слабый туман вокруг нас.

Мое сердце заколотилось, когда он закрыл багажник, оставив продукты. Он отошел от меня, и моя грудь сжалась, ребра грозили задушить легкие. Он сделал еще один шаг, и меня охватила паника.

Я покачала головой, мой рот открылся на вдохе, когда я снова подошла к нему.

— Нет, — твердо сказала я.

Он повернулся ко мне лицом, его темные глаза изучали меня. Несколько капель дождя собрались на его коже, его ресницы, поблескивающие от дождя, теперь низко изогнулись, сидя темными и тяжелыми на его загорелых щеках.

Он выдохнул.

— София, у меня нет на это времени.

Он снова начал отворачиваться, но я остановила его, схватив за руку. Я проделала весь этот путь не для того, чтобы он отвернулся от меня.

— Найди время.

Его брови нахмурились, а челюсть напряглась, когда он скрестил руки на груди.

— Чего ты хочешь?

У меня в горле встал комок, и я закрыла глаза, позволяя его голосу проникнуть в меня после нескольких дней, когда я его не слышала.

— Тебя, — прошептала я хриплым голосом, открывая глаза. — *Te deseo*, Тео.

Он отпрянул назад, его дыхание прервалось от моих слов, как будто я ударила его. Было тяжело видеть его таким уставшим после нашей разлуки, но видеть его такую реакцию на мои слова было еще больнее.

Внутри меня вспыхнул огонь, который разгорелся ярче, подстегивая мои следующие слова. Тео всегда сомневался, люблю я его или нет, достоин ли он любви, и вместо того, чтобы показать, насколько он достоин, насколько идеально он создан для меня, я ушла и позволила ему поверить в ту же жестокую ложь, которую он говорил себе все эти годы.

Что я ушла из-за него.

Мое сердце сильнее забилося о грудную клетку, эхом отдаваясь в ушах. Я сделала еще один глубокий вдох и оборвала все, что он собирался ответить.

— Я облажалась.

Его глаза пылали гневом. Я подняла руку, безмолвно прося его позволить мне продолжить, мне нужно было высказаться, прежде чем я потеряю самообладание.

— Ты думаешь, я ушла, потому что не хотела тебя, но я ушла, потому что влюбилась в тебя. Потому что я не могла утащить тебя вниз вместе с собой. Потому что я люблю тебя так сильно, что не могу смириться с тем, что с тобой что-то случится. Я не могла видеть, как твое сердце сгорает вместе с моим, когда я искала возмездия для своих родителей.

Тео уставился на меня, его глаза метались туда-сюда между моими, пока мои слова медленно доходили до него. Я не думаю, что он ожидал от меня такого признания.

— Мне нужно было сделать это для себя. Для *них*. — Мое горло сжалось, слова были едва слышны.

Я снова подняла голову и встретилась с его глазами.

— Я знала, что если бы я сказала тебе, ты бы сказал "к черту" и последовал за мной, уничтожив все вместе со мной. Но я не могла просить тебя пожертвовать своей карьерой ради меня. Пожертвовать собой ради меня.

Его выражение лица стало опустошенным.

— Кто дал тебе право принимать за меня такое решение?

— Тео, — вздохнула я. Я хотела сказать что-то еще, но мои слова замерли в горле, когда он заговорил снова.

— Нет, София, — кричал он. — Я любил тебя. Я был так влюблен в тебя, а ты ушла. Ты — любовь всей моей жизни, и после всего ты просто ушла. Я не мог *дышать* без тебя. Не мог *спать* без тебя. Я *ждал* тебя, искал тебя годами.

— Ты должен простить меня, — умоляла я, но он отказывался смотреть мне в глаза, его челюсть сжалась, когда он уставился вдаль.

— Я *скучал* по тебе каждый день. Я продолжал искать тебя. Мой разум тянулся к тебе. Мое сердце разрывалось при мысли о тебе, я хватался за любые воспоминания о тебе, — кричал он, его лицо исказилось от муки.

Он провел рукой по волосам, потянув за пряди, и огляделся вокруг.

— Черт, моя *гребаная душа* все время тянулась к тебе, но всякий раз, когда я возвращался в реальность, тебя там не было. Я просто терял тебя снова и снова. Призрак твоего присутствия преследует меня день и ночь.

Его челюсть сжалась, когда он отошел. — Я не знаю, могу ли я доверять тебе, — признался он, испытывая стыд. — Я так хочу тебя, *mi alma*, но я не знаю, могу ли я доверять тебе, чтобы ты не оставишь меня.

Прозвище, которое он дал мне все эти годы назад, слетело с его языка и пронзило меня насквозь. Я судорожно вдохнула, и слезы навернулись мне на глаза, а грудь сжалась так сильно, что казалось, будто сердце разорвется пополам от его признания.

Я стояла еще мгновение, закрыв глаза и заставляя себя сделать глубокий вдох. Я глотала слезы, не позволяя им упасть, пока не выскажу все, что хотела сказать.

Я открыла глаза, отвела плечи назад и подошла ближе, прижавшись своим телом к его телу. Я подняла руки к его лицу и обхватила ладонями его щеки.

Он закрыл глаза от этого прикосновения.

— Мне так жаль, *mi cielito*, — хрипло сказала я. — Мне нужно, чтобы ты дал мне еще

один шанс, дал *нам* еще один шанс.

Наши глаза встретились, и мое сердце гулко ударилось о грудную клетку, набираясь смелости, чтобы наконец произнести слова, которых хотела сказать ему уже давно.

— *Te amo tanto, mi cielito*, — наконец призналась я, мое зрение затуманилось от непролитых слез.

В ответ я почувствовала, как его тело задрожало рядом с моим. Он попытался отвернуться, но я взяла его за подбородок и вернула его взгляд к своему.

Я ждала, что он скажет что-нибудь, хоть что-нибудь.

Но он не сказал, его адамово яблоко подрагивало.

Мои глаза переместились на его полные губы, и прежде чем он успел сказать еще хоть слово, я прижалась неуверенным поцелуем к уголку его губ и сразу же отстранилась.

— София. — Мое имя прозвучало прерывистым шепотом. Его руки напряглись, и порыв потянуться ко мне остановился, он опустил их обратно по бокам.

— Я...

Его слова оборвались, когда я снова привстала на цыпочки и прильнула к его губам мягким поцелуем, ожидая ответа. Когда он не ответил, я провела языком по уголку его губ, требуя проникновения.

В его груди раздался стон, и я слегка отстранилась, прошептав ему в губы.

— Тео, пожалуйста, простишь меня? — спросила я, чувствуя как агония разрывает мое сердце.

Моя грудь сжалась от его молчания. Тео открыл рот, чтобы заговорить, но сделал паузу и снова хлопнул его, его челюсть сжалась от этого движения.

Небо над нашими головами затянуло тучами, и вдалеке раздалась раскаты грома. До этого медленные капли дождя падали все сильнее, буря стала громче, когда начался ливень, мгновенно намочив нас.

Я снова поцеловала его, мои пальцы обвилились вокруг его шеи, прижимая его ближе. Он взволнованно вздохнул и прижался ко мне.

Снова прогремел гром, и вспышка света на долю секунды осветила темнеющий лес позади него, когда он отстранился.

Я подняла на него глаза, его темные мокрые волосы падали на глаза. Чем дольше я смотрела на него, тем больше усиливались мои эмоции из-за тишины вокруг нас, только стук дождя и наше тяжелое дыхание нарушали тишину.

У меня свело живот, страх потерять его закрался внутрь, смешиваясь с уже имеющейся болью. Я не хотела потерять его снова.

Мне оставалось только молиться, чтобы дождь смыл мою ложь и позволил нам начать все с чистого листа.

ТЕО

Мне потребовалось все мое мужество, чтобы не ответить на ее поцелуй, не утонуть в ней и не притянуть ее губы к своим. Мои эмоции вели внутреннюю борьбу внутри меня. Желание впустить ее обратно яростно боролось со страхом, что она снова покинет меня.

— Тео? — спросила она, ее нижняя губа дрожала от моего молчания, слезы потекли по ее щеке и проскальзывали сквозь мои пальцы.

Она посмотрела на меня сквозь ресницы.

— Позволь мне напомнить тебе, что я твоя. Что всегда была твоей.

Мои глаза искали ее, пока я возвышался над ней, уязвимость и раскаяние ясно читались в ее выражении. Протянув руку, я нежно обхватил ее лицо и наклонился, смахнув слезы.

— Пожалуйста, не плачь, *mi alma*. Мне жаль, что я подвел тебя. Прости, что не пришел к тебе раньше. Я был опустошен, когда ты ушла, но больше всего я злился на себя за то, что меня не было рядом, когда ты нуждалась во мне.

Она закрыла глаза, подавшись к моему прикосновению.

— *Mi cielito*... — ее слова оборвались, когда я прильнул губами к ее губам, который разжег огонь в моих венах.

— Обещай мне кое-что?

— Все, что угодно.

— Больше никаких расставаний.

Ее слезы потекли сильнее, когда ее руки поднялись и легли поверх моих.

— Больше никаких расставаний.

Когда я приехал за несколько минут раньше нее, я уже начал жалеть о том, что приехал, и уже собирался идти к ней, когда появилась она, полностью разрушив мои планы.

Я все еще не мог поверить, что она пришла за мной. Большую часть своей жизни я чувствовал себя недостойным той любви, которую она мне предлагала.

Я поцеловал ее. Я поцеловал ее, потому что должен был. Я поцеловал ее, потому что хотел этого. Потому что мне *нужно* было вернуться домой.

Она разжала рот, тихо вздохнув, ее руки сжали мою мокрую рубашку, когда она растворилась во мне.

Мои руки все еще сжимали ее челюсть, пока наши губы сплетались друг с другом. Затем мои руки переместились ниже, и я обхватил одной рукой ее поясницу, притягивая ее к себе,

в то время как другая покоилась на ее шее.

Я застонал, когда мой язык проник в ее рот, целуя ее сильнее. Мой большой палец инстинктивно рисовал круги на ее пульсе, уверяя себя, что она реальна. Что она действительно здесь.

Крошечное хныканье вырвалось из ее груди от того, что было похоже на облегчение, ее тело выгнулось дугой, наши тела изголодались друг по другу.

Я отстранился, чтобы отдышаться, и прижался лбом к ее лбу, запоминая этот момент любым способом, в любой форме или виде, каким только мог, желая услышать эти слова снова, чтобы убедиться, что они не приснились мне, когда она произнесла их в первый раз.

— Скажи это еще раз, — сказал я ей в губы, мой голос был глубоким и напряженным.

Когда слова *te amo* вышли из ее уст, я встретился с ней взглядом и прошептал слова, которые так хотел сказать с тех пор, как впервые увидел ее семь лет назад.

— *Te amo, Sofia. Siempre te he amado.* (пер. *Я люблю тебя, София. Всегда любил тебя*). Я впервые влюбился в тебя, когда мы спорили, кто лучше готовит, и с тех пор я люблю тебя.

Я обхватил ее руками и поднял на ноги, прижав ее к своей груди, мокрая ткань наших рубашек слиплась.

Ее ноги обвилились вокруг моей талии, прижав нас друг к другу, пока я шел к двери, роясь в карманах в поисках ключей, чтобы отпереть ее.

Она уткнулась головой в изгиб моей шее, покусывая и облизывая кожу, пока я пытался вставить ключи. Я пробормотал себе под нос, чтобы дверь открылась, и вздохнул с облегчением, услышав щелчок.

Наконец-то.

Я захлопнул дверь за собой ногой и сбросил туфли, потянувшись за ней из-за ее спины. Затем я понес ее прямо в спальню, не беспокоясь о том, что там было холодно.

Потом разберусь с этим проблемой.

Я накрыл ее рот своим, мой язык проник глубже, и ее тело отдалось моему, когда с ее губ сорвался восхитительный стон.

Я сел на край кровати, когда она облокотилась на меня. Мои руки потянули за подол ее промокшей рубашки, задирая его вверх, пока он не слетел с ее головы и не разлетелся по комнате, упав на пол с мокрым шлепком.

Мой рот прильнул к ее шее, целуя и покусывая, пока ее руки тянулись вниз, чтобы стянуть с меня рубашку. Тепло ее кожи прижималось к моей, а ее руки блуждали по моей коже, проводя вверх по моим рукам, по плечам и груди.

Мои руки легли ей на спину, когда я придвинул ее ближе, чтобы прикоснуться ртом к выпуклости ее груди. Мои пальцы зацепились за застежку ее бюстгалтера, освобождая его. Я обхватил руками ее груди, поднес их ко рту и пососал.

— О, Боже.

Я легонько прикусил сосок, и она застонала под моими ласками, ее бедра терлись на моей эрекции, умоляя о большем.

— Я хочу услышать свое имя, София. — прорычал я ей в кожу, переключая свое внимание на другую грудь.

— Тео, — вздохнула она.

— Вот так, *mi alma*. Я тот, кого ты зовешь, когда тебе так хорошо.

Мы соревновались в отчаянной гонке по сбрасыванию оставшейся одежды с наших тел. Она приподняла бедра, когда я расстегнул пуговицу на ее брюках, дернул молнию вниз и

стянул джинсы вниз по ее ногам. Сняв с себя джинсы и носки, она осталась в одних кружевных трусах.

Я быстрым движением сорвал их и отбросил в сторону. Затем снова завладел ее ртом, приподнимая, чтобы уложить ее на кровать. Я отстранился на секунду, чтобы снять оставшуюся одежду, и мой член вырвался на свободу, страстно желая ее.

Я провел большим пальцем между складками намокшей киски, а затем поднес его к губам и пососал его.

Я хмыкнул.

Черт, как же я соскучился по ее вкусу.

— Я съем тебя позже, сейчас мне нужно быть внутри тебя.

— Да, — умоляла она, ее руки тянулись ко мне, когда я нависал над ней. Я протянул руку между нами, проведя кончиком члена по ее клитору, и это вызвало дрожь в ее теле.

Я прижался к ее входу и едва заметно проскользнул внутрь, бесстыдно стон вырвался из моего горла, прежде чем я вошел до упора.

Ее спина выгнулась дугой, и она застонала мне в рот.

— В тебе всегда так хорошо, — простонал я ей в губы.

Она вцепилась в мои плечи, а мои руки сжимали ее талию, мои пальцы впивались в нее, когда я вышел и задвигал бедрами, на этот раз сильнее, прежде чем сделать это снова. Я входил в нее быстрее, *более требовательно*, снова и снова.

Я схватил ее ногу и поднял ее над своим плечом, наклонив бедра так, чтобы мой пах мог тереться о ее клитор, пока я продолжал трахать ее.

Я замедлил темп, отстраняясь, пока только кончик оставался внутри нее, а затем толкнулся бедрами один раз, вызвав резкий вздох из ее опухших губ.

Я опустил свой рот вниз и навис над ее ртом.

— Ты чувствуешь меня, *mi alma*? — прошептал я, скользя рукой по ее ноге.

Она наклонила голову и прильнула к моим губам.

— Да, я чувствую тебя.

Я усмехнулся.

— Кому принадлежит эта киска, София?

Я двинул бедрами к ней, и она содрогнулась подо мной.

— Тебе, — задыхалась она.

Мой взгляд проследил вниз, наблюдая за нашими телами, за моим членом, погружающимся в ее тугую киску.

Она была гребаным шедевром, который ни один художник не смог бы передать.

Я любил эту женщину. А она любила меня.

Мое зрение затуманилось от того как сильно она сжала мой член, удовольствие разгоралось в моем теле, мою душу переполняло чувство полного счастья. Так же, как это было каждый раз, когда я находился в ее присутствии, будь то просто с ней или внутри нее.

— Я близко, Тео, — крикнула она.

Мой контроль ослаб, и я позволил себе входить в нее сильнее и быстрее, моя голова откинулась назад, глаза закатились. От ощущения ее идеальной киски, обхватившей меня, вырвался стон.

Я опустил подбородок, глядя на нее сверху вниз.

— Ты была создана для меня. Твоя киска была создана для моего члена и только для меня. Не так ли, София?

— Тео. — Она резко вдохнула, ее голова откинулась назад, глаза закрылись.

Мои руки скользнули вверх, мои пальцы схватили кожу между ее бедром и ляжкой и сжали.

— Смотри на меня, София, — приказал я.

Я прильнул ртом к ее уху, испытывая удовлетворение от того, как она дрожит подо мной.

— И я задал тебе вопрос.

Я прикусил мочку ее уха.

— Да, Тео. Точно так же, как ты был создан для меня.

Пот покрывал нашу кожу. Ее крики, переплетаясь с моими собственными стонами, боролись с шумом, возникающим от шлепков нашей плоти друг о друга.

Я переключился между поцелуями и покусыванием ее губ, нависая над ними, чтобы убедиться, что проглатываю каждый звук, издаваемый ею.

— Ты так чертовски хорошо принимаешь меня, детка. — похвалил я. — Вот так, будь моей хорошей девочкой и кончи для меня.

Ее глаза встретились с моими, когда она сильнее прижалась ко мне, мой лоб припал к ее лбу, когда она приблизилась к краю, готовая првгнуть.

Мой большой палец приземлился на ее клитор и стал тереть его быстрее, отчаянно подгоняя ее к этому.

Ее глаза закатились, и она сорвалась, крик вырвался из ее горла, и я последовал прямо за ней.

— *Блядь*. — Я зарылся лицом в ее шею, мой оргазм прокатился по мне и лишил меня дыхания, когда струи спермы заполнили ее.

Мы оба спустились одновременно, вскоре после этого, задыхаясь, моя голова все еще кружилась от нахлынувших эмоций.

Я поцеловал ее в лоб.

— Я люблю тебя, София Мария Эррера.

Она поцеловала меня.

— Я знаю, — прошептала она. — Я люблю тебя, Теодор Анас Альварес.

Я усмехнулся, когда она назвала меня полным именем.

Должно быть, именно так ощущалось полное блаженство, и я наслаждался им вместе с ней. Это чувство просачивалось в мою грудь, разрываясь от того, насколько я был зависим от нее.

Я обернул ее ноги вокруг своей талии, все еще находясь глубоко внутри нее, и заставил себя подняться и пойти в ванную.

Мы снова занялись сексом в душе, прежде чем я вымыл нас и уложил в постель.

Впервые за несколько недель я спал спокойно, а когда проснулся на следующее утро, она все еще была рядом.

Я никогда не думал, что когда-нибудь обрету счастье, но потом она появилась в моей жизни, показав мне, что все мы заслуживаем любви.

СОФИЯ — ТРИ ГОДА СПУСТЯ

Сегодня у нас с Тео вторая годовщина. Два года, наполненные любовью и счастьем, о которых я не могла и мечтать. После потери родителей я никогда не думала, что у меня будет семья, что я снова смогу *почувствовать*.

После возвращения домой из хижины мы не теряли времени даром, и я переехала к нему.

А потом, несколько недель спустя, он сделал мне предложение, и мы поженились на частной церемонии на пляже в присутствии его близких родственников.

Он хотел пригласить Ноя, но тот был в командировке и не смог присутствовать. Я думала пригласить Елену, поскольку она была мне как мать, пока мы работали вместе, но мне не хотелось рисковать ее новой личностью.

Это был трудный день, когда со мной не было моих родителей, не было отца, чтобы проводить меня к алтарю, но я знал, что они присматривают за мной, и была спокойна за то, что я нашла своего человека.

Кроме того, Тео позаботился о том, чтобы включить их в нашу церемонию. Он оставил два передних стула, где сидели бы мои родители, пустыми, а на них лежали любимые цветы моей мамы.

Он никогда не переставал удивлять меня.

Тео знал, как важно было, чтобы мои родители были со мной в этот день, и он дал мне возможность почувствовать частичку их присутствия. Он сделал наш день еще более особенным.

Я уже слышала, как он возится на кухне, как гремит посуда, пока он готовит. Он снова и снова пытался научить меня, но я была все так же беспомощна, как и тогда, когда он впервые попытался это сделать.

Кроме того, мне нравилось наблюдать за ним на кухне. Было что-то такое в том, чтобы наблюдать, как мой муж готовит, что всегда меня заводило.

Я вышла из нашей спальни и направилась по коридору, у меня уже потекли слюнки от запаха жарящегося теста. Я вошла в открытую кухню и увидела, что мой муж стоит над плитой, а рядом с ним на столе стоят два маленьких стакана чая.

Его вид без рубашки, в одних черных трусах-боксерах, разжег в моей душе слабый огонь. Они обтягивали его массивные бедра и заднюю часть тела, пояс подчеркивал очертания его

бедер.

Это все мое.

Я подошла к нему, обхватила его за плечи и поцеловала между лопаток.

— Привет, — сказала я ему в спину, прижимаясь к нему лицом.

Я ненадолго закрыла глаза, вдыхая его пьянящий аромат, желая, чтобы он прильнул ко мне, как вторая кожа. Мне нравилось просыпаться от его запаха на моей коже. Мне казалось, что он всегда был со мной, даже когда мы были в разлуке.

— Доброе утро, красавица.

Он оглянулся через плечо, и уголок его рта тронула улыбка. Он наклонил голову, и я приподнялась на носочки, чтобы он поцеловал меня в губы.

— Что готовишь? — спросила я, и, как по команде, мой желудок заурчал.

Он поднял руку, чтобы я могла прижаться к нему.

— Твое любимое блюдо, — сказал он, улыбнувшись мне в волосы, прежде чем поцеловать меня в макушку.

Я посмотрела вниз и увидела, что он переворачивает *мсемена* (прим. Марокканский блинчик) на сковороде, стопка которых уже лежала на прилавке.

— Нужна помощь? — спросила я, зная, что он откажется от моего предложения.

Он усмехнулся.

— Детка, мы оба знаем ответ на этот вопрос. — Он слегка шлепнул меня по заднице. — Унеси свою хорошенькую попку и присядь, пока я закончу это.

Я игриво шлепнула его по руке и схватила одну из чашек, проходя мимо островка, который был покрыт мукой, а сверху лежали несколько маленьких накатанных шариков из теста.

Я опустилась на один из высоких стульев.

— Здесь есть *шиба*? (прим. Растение, родственное полыни)

В комнате раздался смех.

— Не после того, как ты тридцать минут читала мне лекцию о том, что это испортило тебе вкус в прошлый раз.

Я должна быть раздражена, но от его смеха по моему телу пробежала волна тепла.

— Это не смешно. Ты не сказал мне тогда, и я так хотела выпить чаю, что не заметила, что ты ее добавил.

— Больше никогда не совершу такой ошибки. Обещаю. — Он усмехнулся, возвращаясь к своей работе.

Я сделала глоток и наблюдала за тем, как он двигается по кухне с властностью и грацией, чего я определенно никогда не смогу сделать. Мои навыки были более ценны в других областях.

Он подошел к кладовой, взял мед и масло и положил небольшое количество в миску, а затем поставил в микроволновку разогреваться.

Затем он направился к прилавку. Его предплечья сгибались, когда он раскатывал тесто, делая новые квадратные кусочки.

— Ты хорошо выглядишь на кухне, *муж*. — Я так и не смогла привыкнуть с тем, что могу называть его так.

Его взгляд скользнул вверх, когда он складывал тесто.

— А ты лучше выглядишь, склонившись над прилавком, *жена*.

Его глаза потемнели, и воспоминания о том, как я вчера вечером вернулась домой после

дня, проведенного в учебном центре, нахлынули на меня. Я едва успела зайти на кухню, где он готовил ужин, как он остановил свое занятие и нагнул меня, заставив кончить большее количество раз, чем я могла вспомнить.

Я нервно хихикнула, покраснев от его слов. Даже после трех лет совместной жизни он все еще оказывал на меня такое же влияние.

Я развернула стул, на котором сидела, лицом от него, осматривая это место. *Наше место.*

Пока я находилась под его защитой, он всегда поощрял меня думать о моем будущем и о том, чего я хочу от него, где я хочу быть.

Однажды мы провели всю ночь, просто разговаривая, и я рассеянно описала свой идеальный дом.

Только для того, чтобы спустя годы обнаружить, что он построил его для меня, на что я обратила внимание только в тот день, когда переехала сюда.

Мы припарковались перед двухэтажным домом в средиземноморском стиле. Он вышел из машины, а я любовалась домом, ожидая, пока он откроет дверь, прежде чем выйти самой.

Ему не нравилось, когда я сама открывала двери, поэтому это всегда делал он, когда мы были вместе.

— Почему ты такой тихий? — спросила я, когда он потянул меня за руку, и дверь машины с щелчком захлопнулась за мной. В прошлый раз я была здесь недолго, но я была слишком занята наблюдая за ним, чтобы осмотреть его дом.

— Скажи мне, что ты видишь, — сказал он, жестом указывая на дом.

Я изучила дом более внимательно. Большие окна, кремовая штукатурка стен, крыша из красной глиняной черепицы, деревянная дверь, с акцентом голубовато-серого.

Я описала ему дом и посмотрела на него в замешательстве.

— Я не понимаю.

Он подошел ближе, обхватил меня за талию, и я положила голову ему на грудь.

Он прочистил горло.

— Приглядишься внимательнее.

Меня наконец осенило, когда он заговорил снова.

— Оно должно было стать нашим. Ну, это все еще может быть, если ты согласишься переехать ко мне.

Звук включающейся микроволновки вывел меня из моих мыслей. Мой взгляд вернулся к Тео, когда он достал миску с растопленными ингредиентами и открыл один из ящичков. Он взял ложку, чтобы размешать их.

— Ты же знаешь, что я люблю тебя?

— Я знаю, *mi alma*. — Он посмотрел на меня, одарив улыбкой, которая была посвящена только мне.

Искренняя открытость и радость в выражении лица Тео все еще волновала ту часть меня, о существовании которой я не знала до встречи с ним. После потери родителей я никогда не думала, что у меня будет возможность снова полюбить. Снова быть счастливой.

Мое счастье усилилось, когда я вспомнила о подарке, который я спрятала в нашем шкафу и который я должна была отдать ему позже.

Глядя на него за работой на кухне, я надеялась, что он не возражает против последнего секрета, которого я сейчас храню.

— Я тоже тебя люблю, — сказал он, обходя кухонный островок с тарелкой, наполненной лепешками, покрытыми медом и маслом, именно такими, как я любила. Он поставил тарелку на стойку и шагнул между моих ног, возвышаясь надо мной.

Его руки прошлись по моим бедрам, пока не уперлись в мои бедра. Он притянул меня ближе и указательным пальцем наклонил мой подбородок, запечатлев нежный поцелуй на моих губах.

— С годовщиной, миссис Альварес.

— С годовщиной, мистер Альварес.

Он занял место рядом со мной, наши ноги переплелись, пока мы ели и говорили о его новом деле. Эта нормальная жизнь с ним казалась мне просто идеальной.

«Не могу дождаться маленькой семьи, которую мы создадим», — думала я про себя, потирая живот.

ТЕО — ШЕСТЬ МЕСЯЦЕВ СПУСТЯ

Раскат грома пронзил тишину, и я сонно моргнул, когда в комнате сверкнула молния.

Я посмотрел вниз на Софию рядом со мной. Она свернулась калачиком, прижавшись ко мне, ее спина была прижата к моей груди, а одна из моих рук лежала на ее талии.

Дождь барабанил по оконным стеклам, и я чувствовал, как София спокойно дышит рядом со мной, все еще крепко спит, ее темные локоны рассыпались по розовой шелковой подушке.

Мои пальцы скользили по ее животу, и меня охватило неопишуемое счастье. Прошло чуть больше шести месяцев с тех пор, как она удивила меня на нашей годовщине, объявив, что беременна нашим первым ребенком.

У меня сжималось каждый раз в груди, когда я смотрел на растущую жизнь внутри нее, которую мы создали вместе. Я всегда испытывал благоговение перед ней и с каждым днем находил ее все более завораживающей.

Я закрыл глаза, потрясенный тем, как мне повезло. Я едва мог осознать, что все это реально. Мы были женаты уже почти три года, и каждый раз, когда я осознавал, что все это мое, я испытывал чистое блаженство.

Моя.

Моя жена.

Дом, который я построил для нас.

Для нашей семьи.

После того, как мы узнали, что она беременна, мы наконец-то вернулись туда, где она выросла, и упокоили ее родителей. Это был первый раз, когда она увидела могилы своих родителей. Раньше у нее не было такой возможности, так как мы сразу же взяли ее под охрану, а когда она уехала, возвращаться в Бал-Эль-Мансур было бы слишком рискованно.

У нас были небольшие похороны, на которых были только мы вдвоем. Она весь день сидела на траве, глядя на надгробие своих родителей, и разговаривала с ними. Поскольку я уже был здесь раньше, чтобы попросить руки их дочери, я стоял в нескольких футах позади, давая ей пространство, в котором, как я знал, она нуждалась, и в то же время находясь слишком далеко, если я ей понадоблюсь.

Солнце медленно садилось, когда она встала, и мы поехали обратно в отель. Через несколько часов мы легли в постель, и я провел остаток дня, обнимая ее, пока она плакала и

всхлипывала у меня на груди, грустя о том, что было и что могло бы быть.

Ей было нелегко, и хотя я сделал все возможное, чтобы помочь ей пережить горе, я знал, что мысли о том, что было бы, все еще будут мелькать у нее в голове.

Было нелегко осознавать, что иногда я ничего не могу сделать, но она всегда говорила мне, что моего присутствия рядом более чем достаточно, и я просто должен был ей верить.

Через несколько месяцев после того, как смерть Моралеса стала устаревшей новостью, она начала работать в центре, в котором была волонтером во время их брака. Я знал, что ей было приятно быть рядом с ними, потому что видел радость на ее лице каждый день, когда она возвращалась домой.

Некоторые дни были не простыми для нас, но в основном последние несколько лет, когда она была рядом со мной, были самыми лучшими в моей жизни.

Она зашевелилась рядом со мной, вырывая меня из моих мыслей. Ее тело прижалось к моему, белая футболка, в которую она была одета, задралась, открывая мне ее.

В комнате было темно, только лунный свет заставлял дождь мерцать на стенах нашей спальни, демонстрируя очертания ее голой задницы.

Я сжал ее бедро, когда она уперлась в мою растущую эрекцию, и мое имя вырвалось из ее губ со стоном, вызывая глубокое желание в моей груди.

Даже после всех этих лет желание обладать ею, отмечать ее, *претендовать* на нее никогда не утихло. Я все еще не мог перестать тянуться к ней, когда она была рядом, и с нетерпением ждал ночи, чтобы забраться обратно в постель, зная, что засну и проснусь рядом с ней еще на один день.

Я по-прежнему хотел ее сейчас так же сильно, как и десять лет назад.

— Тео, — выдохнула она с тихим вздохом, снова прижимаясь ко мне.

— Ммм, — сказал я, касаясь макушки ее головы, но она не ответила.

Она все еще спала и, вероятно, видела один из своих снов. В последние несколько недель они снились ей все чаще, и я не жаловался.

Мой рот прильнул к ее шее, нежно целуя ее, пока моя рука скользнула под футболку, вверх по животу и в ложбинку между ее грудями.

Я обхватил их поочередно, мои пальцы забавлялись с ее сосками. Я знал, что в последнее время они стали более чувствительными, поэтому я выбирал между сжиманием и пощипыванием их.

— О..., — простонала она и двигалась против моей эрекции, которая была зажата между ее ягодицами, скользя вверх и вниз в поисках большего.

Моя рука проследовала вниз по ее животу к ее влажной киске, кончиками пальцев я дразнил ее клитор, хотя знал, что она уже готова принять мой член.

Я собрал пальцами влагу из ее плачущей киски и приподнялся на локте, растирая ее возбуждение по своему члену.

Я схватил ее за колено, открывая ее для меня, приподняв ее ногу и положив ее поверх своей. Затем я взял свой член другой рукой и надавил на ее вход.

— Еще, — прошептала она, ее глаза все еще были закрыты.

Медленно, поглаживая, я вошел в нее, покачивая бедрами.

Она вздрагивала от моих толчков, с ее губ сорвался всхлип. Затем я снова погрузился в нее, мои глаза зажмурились от того, как хорошо она ощущалась. Я вошел в нее неглубоким толчком, покусывая мочку ее уха, а затем засасывая ее между губами.

Я сдержал стон, когда ее киска сжалась вокруг моей длины, а пульс забился у нее на

шее.

— Так чертовски хорошо, *mi alma*, — прошептал я ей на ухо.

Она, наконец, открыла глаза, напрягшись на секунду, а затем расслабилась, еще сильнее прижимаясь ко мне своей задницей.

— Тео, — умоляла она, задыхаясь, ее голос был хриплым от пробуждения. Я полностью вышел из нее, а затем снова глубоко вошел в нее, вырвав хриплый стон из ее горла.

Я снова запустил руку в ее футболку, продолжая свои предыдущие ласки. Другая моя рука проделала путь через ее голову, чтобы взять ее руку и держать ее перед собой на кровати, наши пальцы переплелись, сквозь них проглядывала та самая татуировка, украшающая оба наших безымянных пальца.

Она удивила меня этим в день нашей свадьбы, когда я нашел ее кольцо на палец, заметив черные надписи, которых раньше там не было. На другой стороне были выгравированы три точки с моими инициалами, как и ее у меня на своих.

Я входил и входил в нее, звук моего паха, ударяющегося о ее задницу, наполнял комнату, присоединяясь к ее стонам. Я вошел в нее и, скорее всего, попал в ту точку внутри нее, которую она любила, так как ее ноги ещё крепче сжались вместе, делая ощущение присутствия внутри нее еще лучше.

Ее голова откинулась назад, и я поймал ее губы, целуя ее. Мой язык коснулся ее языка, и это ощущение поглотило меня. Я двигал бедрами в медленном темпе, удовольствие струилось по моему позвоночнику, а мои пальцы переходили от одной груди к другой, уделяя им внимание, которого они так жаждали.

— Ты поглощаешь меня, — прошептал я ей на ухо.

Я ущипнул ее за сосок, и крик вырвался из ее губ, ее голова откинулась назад, когда она кончила на мой член.

Я застонал ей в шею, затем укусил ее за плечо, когда мои толчки стали быстрее и безжалостнее, прежний темп, который я задал, был давно забыт, а удовольствие, которое до этого находилось у основания, нарастало.

Мои бедра со шлепком ударились о ее бедра. С последним сильным толчком хриплый звук вырвался из моего горла, когда я кончил, прижимая ее к себе.

Я дернулся внутри нее, струйки спермы заполнили ее сладкую киску. Она потянулась к моей голове, притянула мои губы к своим и проглотила мои стоны.

Со вздохом я оторвался от ее губ, используя наши соединенные руки и свободную руку, чтобы обхватить ее грудь. Притянув ее к себе, тепло ее тела просачивалось под мою кожу.

Какое-то время мы молчали, наше прерывистое дыхание наполняло комнату. Она положила голову мне под подбородок и выпустила глубокий вздох, когда я поцеловал ее макушку, аромат теплой ванили и кокоса пропитал мои чувства.

Я снова обхватил ладонями ее грудь, задержавшись губами на местечке под ее ухом, которое было моим любимым, поскольку ее реакция на это почти всегда была мгновенной.

Она откинула голову назад, ища мой рот. Я нашел ее губы, и мой язык встретился с ее языком, пробуя ее на вкус, смакуя ее.

По мере того, как тянулись минуты, я снова затвердел внутри нее, и она инстинктивно подалась назад к моим бедрам, загоняя меня глубже в свою киску, наполненную моей спермой.

— Я люблю тебя, — сказал я ей в рот.

— Я люблю тебя больше, *mi cielito*.

Я оторвал свой рот от ее рта, когда выходил из нее, мой член громко протестовал.

— Я хочу, чтобы ты была сверху, — призвал я ее, проводя ладонью по ее ноге. — Сейчас.

Она повернулась ко мне лицом и приподнялась, скользнув ногой по моему телу и расположившись на мне. Она подняла футболку над головой, обнажив маленький твердый бугорок, в котором находился наш сын или дочь.

Опустившись, она нависла надо мной, ее озорные глаза столкнулись с моими.

Она потянулась назад, направляя мой член к себе, ее влажная киска все еще истекала моей спермой.

Она нависала над моим членом, и я начал терять терпение. Я попытался приподнять бедра, но она остановила меня, проведя рукой по моему животу.

— Мистер Альварес, — поддразнила она, покусывая мою челюсть, — вы хотите, чтобы ваша жена оседлала вас?

Я застонал в ответ, подталкивая бедрами навстречу ей. Ее пальцы прошли по моей груди, и она слегка провела ногтями по моему животу, моя кожа ожила под ее прикосновениями.

— Пожалуйста, миссис Альварес. Ты нужна мне, — простонал я ей в губы.

Мой стон затерялся в ее рту, когда она медленно опустилась на меня. Я пососал ее нижнюю губу, и схватил ее за бедра, подталкивая ее вперед.

Она убрала мои руки от себя, положив их рядом с моей головой, откинулась назад, полностью насаживаясь на меня. Моя голова откинулась назад в экстазе.

Она положила одну из своих рук мне на грудь, раскачиваясь вверх-вниз, и вскоре я начал двигать бедрами, крепко целуя ее рот.

Мы все еще целовались, когда она кончила, на этот раз сильнее, и я присоединился прямо за ней, издав хриплый стон, когда кончил снова. Она рухнула на меня, мы оба тяжело дышали.

Мои руки обвилились вокруг ее спины, ее груди прижались к моей потной груди.

— Я чертовски люблю тебя, София Альварес, — пробормотал я у нее над ее головой.

— Я знаю, — ответила она, усмехаясь.

Мне многое нравилось в моей жене, но ее смех определенно был на первом месте.

Я поднял ее голову со своей груди, быстро поцеловал ее и улыбнулся ей в губы.

Одна из моих ладоней скользнула вниз по ее позвоночнику, останавливаясь у основания спины. Я осторожно приподнял ее и перевернул на спину, затем направился в ванную, где взял небольшую тряпочку и смочил ее теплой водой.

Почистив нас обоих, я снова укрыл ее одеялом, и она прижалась ко мне.

Мои губы скользнули вниз по спине Софии, и она издала сонливый стон, от которого я вздохнул, а на моих губах заиграла улыбка. Я все еще не мог поверить, что это была моя жизнь, что любовь всей моей жизни находится в моих объятиях.

Она превратила мою жизнь из того, чем я жил, в то, ради чего стоило жить.

Перевод выполнен для ТГ-канала: MadLoveBooks □

Больше книг на сайте - Knigoed.net